1691
174

Vc. 7022.

Инв. 1098

СКАНДАЛЫ И БЕЗОБРАЗІЯ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ МОСКОВСКІЕ

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

7074/I
1591/179

МОСКОВСКІЕ
СКАНДАЛЫ И БЕЗОБРАЗІЯ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ВЪ ОКРУЖНОМЪ СУДѢ

И

У МИРОВЫХЪ СУДЕЙ.

Цѣна рубль сер.

МОСКВА,
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, ДОМЪ КОЙКОВА.
1870.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

1067779 М

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

1. *Дѣло* о похищеніи сундука съ деньгами изъ богодѣленнаго дома Московскаго Рогожскаго кладбища. 1
2. *Дѣло* дворянъ А. Д. Данилова и С. В. Глинки объ оклеветаніи послѣднимъ перваго. 43
3. *Дѣло* о князѣ Митрофанѣ Алек. Мещерскомъ, судившимся за кражу иконъ. 48
4. *Дѣло* иностранокъ Аделаиды Гуннкъ и г-жи Шлезакъ съ содержателемъ цирка Карломъ Гинне. 56
5. *Дѣло* о крестьянкѣ Маврѣ Волоховой, судившейся за убійство своего мужа, трупъ котораго, разсѣченный на двое, найденъ спрятаннымъ въ погребѣ 77
6. *Дѣло* объ оскорбленіи канцелярскимъ служителемъ Хлѣбутинымъ, жены и малолѣтней дочери колежскаго секретаря Гроссъ. 93
7. *Дѣло* о крестьянинѣ Петрѣ Ѳедоровѣ, обвинявшемся въ сооруженіи новой раскольничьей часовни. 98
8. *Дѣло* о мѣщанкѣ Марьи Яковлевой 109
9. *Дѣло* о вольноотпущенномъ Николаѣ Аристовѣ, обвинявшемся въ двухъ кражахъ и въ покушеніи на убій-

Стр.

ство закладчика турецкаго подданнаго Гроссъ, съ цѣлью ограбленія 112

10. *Дѣло* о кражѣ совзломомъ, учиненной крестьянскимъ мальчикомъ Степаномъ Тимофѣевымъ 115

11. *Дѣло* о 12-ти лѣтней дѣвочкѣ Аннѣ Степановой Дроздовой, обвинявшейся въ покушеніи на поджогъ. . . . 117

12. *Дѣло* о пожарѣ въ Архангельскомъ соборѣ 119

13. *Дѣло* объ оскорбленіи запрещеннаго іеродіакона Евтихіана монашествующими Заиконоспасскаго монастыря . 124

14. *Дѣло* о присяжномъ стряпчемъ Московскаго коммерческаго суда Николаѣ Длинбергъ, обвиняемомъ въ присвоеніи себѣ чужихъ денегъ. 125

15. *Дѣло* о губернскомъ секретарѣ Иванѣ Андреевѣ Браиленко, обвинявшемся въ убійствѣ съ намѣреніемъ, заранѣе обдуманнымъ. 132

16. *Дѣло* овымогательствѣ денегъ посредствомъ писемъ съ угрозами личнымъ почетнымъ гражданкомъ Ф. И. Евсѣевымъ у почетныхъ гражданъ М. С. Зотова и И. І. Шевелкина. 141

17. *Дѣло* о цеховомъ Петрѣ Еѳимовѣ, судившемся за кражу мѣстной свѣчи изъ Архангельскаго собора 147

18. *Дѣло* о московскомъ мѣщанинѣ Петрѣ Трифильевѣ, обвинявшемся въ святотатствѣ. 149

19. *Дѣло* о присяжныхъ повѣренныхъ московской судебной палаты К. А. Рихтеръ и А. И. Гриневичь, обвинявшихся въ оклеветаніи. 155

20. *Дѣло* о московскомъ куческомъ внукѣ А. И. Морозовѣ, обвинявшемся въ убійствѣ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ съ цѣлью грабежа 158

21. *Дѣло* о крестьянинѣ Кульковѣ и рядовомъ Осипѣ Смирновѣ, судившихся за грабежъ 164

Стр.

22. *Дѣло* о крестьянинѣ Иванѣ Волковѣ, судившемся за оскорбленіе словами и дѣйствіемъ маіора Заіончковскаго 169
23. *Дѣло* о купцѣ Э. В. Трузе, обвинявшемся въ учиненіи драки въ пьяномъ видѣ въ трактирѣ „Эрмитажъ“ 172
24. *Дѣло* объ окрашеніи прусскаго подданнаго Гельдмахера фуксиномъ 174
25. *Дѣло* опріобрѣтеніи завѣдомо фальшивыхъ векселей московскимъ купцомъ М. И. Муравлевымъ. 179
26. *Дѣло* объ адъютантѣ Московскаго генералъ-губернаторѣ, гвардіи штабсъ-ротмистрѣ, князѣ Э. М. Урусовѣ, обвинявшемся въ оскорбленіи дѣйствіемъ студента Павла Кистера и въ угрозѣ отрубить ему голову 182
27. *Дѣло* объ оскорбленіи дѣйствіемъ чиновникомъ канцеляріи гражданскаго губернатора Н. М. Щепотьевымъ сотрудника журнала „Развлеченіе“ колежскаго секретаря Акилова и опроизведеніи имъ же, Щепотьевымъ, безпорядка въ корридорѣ московскаго большаго театра 188
28. *Дѣло* о поджогѣ строенія сдѣланномъ 11-ти лѣтнею дѣвочкою Фелицатою Сергѣевою Козловою. 194
29. *Дѣло* объ убійствѣ мужа и жены Никитиныхъ 17-ти лѣтнимъ мѣщаниномъ Васильемъ Аѳанасьевымъ 198
30. *Дѣло* о крестьянинѣ Алексѣѣ Сергѣевѣ 201
31. *Дѣло* о начальникѣ станціи Московско-Курской желѣзной дороги Иванѣ Ѳеоктистовѣ и оберъ-кондукторѣ А. Новошейскомъ, обвинявшихся въ оскорбленіи цехового Н. Рыбакова и жены его Екатерины и о цеховомъ Н. Рыбаковѣ, обвинявшемся въ нарушеніи порядка въ вагонѣ Московско-Курской желѣзной дороги 203
32. *Дѣло* объ оскорбленіи дѣйствіемъ чиновника Акилова чиновникомъ Щепотьевымъ въ корридорѣ Московскаго большаго театра 207

Стр.

33. *Дѣло* о врачѣ І. П. Симоновичъ, судившемся за залогъ несуществующаго имѣнія 213
34. *Дѣло* о директорѣ Московской консерваторіи, губернскомъ секретарѣ Николаѣ Рубинштейнѣ объ оскорбленіи имъ дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника дѣвицы Вѣры Щебальской. 222
35. *Дѣло* о малолѣтномъ дворянинѣ К. И. Коргановѣ, обвинявшемся въ кражѣ пальто у дяди своего, почетнаго гражданина О. И. Комазова. 227
36. *Дѣло* по жалобѣ врача В. Е. Вишневскаго на генерала Горлова, полковника Ломовскаго и другихъ объ оскорбленіи его послѣдними на письмѣ 230
37. *Дѣло* о коллежскомъ ассесорѣ Н. Жарновѣ, обвиняемомъ въ оскорбленіи дѣйствіемъ помощника надзирателя Лупандина. 235
38. *Дѣло* о женѣ инженеръ-поручика В. А. Еврейновой, обвинявшейся въ ношеніи съ собою въ городѣ заряженнаго оружія. 238
39. *Дѣло* о дочери титулярнаго совѣтника, содержательницѣ женскаго пансіона А. Е. Вихардъ, обвинявшейся въ самоуправствѣ. 240
40. *Дѣло* о купцѣ П. Т. Тудвасевѣ, обвинявшемся въ оскорбленіи словами и дѣйствіемъ квартальнаго надзирателя Степанова. 248

1.

Дѣло о похищеніи сундука съ деньгами изъ богадѣленнаго дома Московскаго Рогожскаго кладбища.

(Окружный судъ.)

11 Января 1867 года въ московскомъ окружномъ судѣ по 2 уголовному отдѣленію разбиралось дѣло о мѣщанахъ: Иванѣ Семеновѣ, Михаилѣ Герасимовѣ, крестьянахъ: Козмѣ Счастневѣ и Константинѣ Ракитинѣ, обвинявшихся въ похищеніи сундука съ деньгами изъ богадѣленнаго дома Рогожскаго кладбища, и мѣщанинѣ Файвелѣ Гальперинѣ, обвинявшемся въ пріобрѣтеніи украденныхъ изъ этого сундука акцій рязанской желѣзной дороги. Составъ суда: товарищъ предсѣдателя г. Щепкинъ, члены: Томашевскій и Громницкій; обвинялъ товарищъ прокурора г. Громницкій, защищали-Семенова, присяжный повѣренный К. Рихтеръ; Герасимова присяжный повѣренный Коста-

ревъ, Счастпева присяжный повѣренный Степура-Сердюковъ, Ракитина г. Козловскій, Гальперина, г. Кольрейфъ. Свидѣтели, вызванные въ судъ, были: 1) конторщикъ Рогожскаго богадѣленнаго дома Иванъ Кручининъ, 2) экономъ Петръ Андреевъ, 3) староста Иванъ Турусовъ, 4) Петръ Филиповъ, 5) Иванъ Горбачевъ, 6) Агапъ Ивановъ, 7) Василій Мневъ, служащіе при Устинскихъ баняхъ: 8) Василій Крюковъ, Антипъ Романовъ, 10) Дмитрій Ульяновъ, 11) извощикъ мѣщанинъ Андрей Ивановъ, 12) кухарка Семенова—дочь губернскаго секретаря, Авдотья Вяхирева, 13) дворникъ дома г. Сущинскаго Иванъ Евсѣевъ Кокоревъ, 14) мѣщанка Пелагея Григорьева, 15) сапожникъ Константинъ Дмитріевъ, 16) крестьянинъ Василій Митрофановъ, 17) дворникъ трактира „Ямки“ Семенъ Ивановъ Чупинъ. Эксперты для сличенія почерка — гг. Кондыревъ, Сабининъ и Скино. Свидѣтели, вызванные подсудимымъ Очастневымъ, купцы: Семенъ Ильинъ Самаринъ, Шолома Мордуховъ Залкиндъ, Григорій Степановъ Марецкій, Зильманъ Нахумовичъ Вильтернъ, и вызванный защитникомъ подсудимаго Счастнева, Александръ Александровъ Мерлинъ. Не явились къ судебному слѣдствію свидѣтели: Романовъ, Ивановъ, Кокоревъ, Митрофановъ и Чупинъ.

Судъ, за неявкою этихъ свидѣтелей, по выслушаніи сторонъ, нашелъ удобнымъ продолжать судебное слѣдствіе. Обвинительный актъ, составленный бывшимъ прокуроромъ Московскаго окружнаго суда г. Ланге, прочитанный г. секретаремъ, состоялъ въ слѣдующемъ:

Въ воскресенье, 5-го сентября 1865 г., въ 11-мъ часу вечера, къ Рогожскому богадѣленному дому подъѣхало двое крытыхъ пролетокъ. Ворота уже были заперты, почему пріѣхавшіе начали стучать и требовать, чтобы ихъ впустили. Стукъ этотъ услыхали староста при домѣ Иванъ Ивановъ Турусовъ и сторожъ Петръ Филиповъ. На вопросъ— кто они такіе, неизвѣстные отвѣчали: „увидите и узнаете“ Филиповъ отворилъ ворота, и пролетки въѣхали во дворъ; изъ нихъ вышли двое военныхъ офицеровъ, жандармъ и двое людей въ русскихъ одеждахъ. На вторичный вопросъ сторожа, что имъ нужно? одинъ изъ пріѣхавшихъ, показавъ на эполеты, спросилъ: гдѣ конторщикъ и экономъ, и велѣлъ привести ихъ въ контору, а своему жандарму приказалъ запереть ворота и взять съ собою ключи. Турусовъ побѣжалъ къ конторщику Ивану Иванову Кручинину, думая, что пріѣхали начальники. Въ прихожей, передъ

конторой, спали сторожа: Иванъ Горбачевъ, Агапъ Ивановъ и Василій Мневъ.

Конторщикъ Кручининъ спалъ въ это время, и, будучи разбуженъ Турусовымъ, наскоро одѣлся и явился въ контору, гдѣ засталъ офицера съ густыми золотыми эполетами, который назвалъ себя жандарскимъ полковникомъ Кузнецовымъ, на двоихъ слѣдовавшихъ съ нимъ указалъ какъ на добросовѣстныхъ, приглашенныхъ къ обыску, четвертаго назвалъ помощникомъ надзирателя капитаномъ Ивановымъ, а у дверей стоялъ жандармъ.

На вопросъ Кручинина: „что угодно вашей милости?“ полковникъ Кузнецовъ показалъ ему и велѣлъ прочесть предписаніе Московскаго военнаго генералъ-губернатора, коимъ Кузнецову поручалось сдѣлать въ конторѣ богадѣльни обыскъ, не окажется ли фальшивыхъ билетовъ и другой какой-либо вредной переписки, и если окажется, то, арестовать Кручинина, доставить его на другой день въ 7 съ пол. часовъ утра. Принявъ пріѣхавшихъ за настоящихъ лицъ, Кручининъ представилъ Кузнецову всѣ бумаги и деньги 600 руб., бывшія въ его столѣ; на требованіе же открыть денежный сундукъ, Кручининъ отвѣтилъ, что ключи находятся у попечителей. Тогда Кузнецовъ

велѣлъ добросовѣстнымъ перевязать ящикъ веревкой и приложить печать конторы, что и исполнено Кручининымъ. Послѣ этого Кузнецовъ приказалъ капитану Иванову составить постановленіе о томъ, чтобы пакетъ съ деньгами и сундукъ взять съ собой для представленія г. генералъ-губернатору, а ему Кручинину явиться въ $2^1/_2$ часа пополудни, въ чемъ взята съ него и подписка. Во время этого осмотра вошелъ въ контору экономъ богадѣльни мѣщанинъ Петръ Андреевъ, и когда его увидалъ полковникъ Кузнецовъ, то сталъ на него кричать, какъ онъ могъ войти безъ спроса, и хотѣлъ его арестовать и отправить къ генералъ-губернатору, для чего записалъ на бумагахъ его имя и отечество; когда же Андреевъ сталъ извиняться, то Кузнецовъ записку свою изорвалъ.

Послѣ всего этого, пріѣхавшіе велѣли снесть ящикъ въ пролетку, въ чемъ помогали добросовѣстнымъ и сторожа богадѣльни, и уѣхали, но куда—неизвѣстно. Послѣ ихъ отъѣзда Кручининъ и Андреевъ, разсуждая межту собою о произшествіи, пришли въ сомнѣніе, и спустя полчаса отправились для удостовѣренія къ помощнику надзирателя Раевскому, а отъ него къ частному приставу, и изъ словъ ихъ удостовѣрились, что были обмануты мошенниками.

По объявленіи Кручинина объ означенномъ происшествіи, 6-го сентября былъ составленъ помощникомъ надзирателя Раевскимъ, при добросовѣстныхъ свидѣтеляхъ и служащихъ при конторѣ, актъ, причемъ найдены 6 кусковъ записки, писанной рукою полковника Кузнецова, которые и наклеены на особой бумагѣ.

По объявленію попечителей Рогожскаго богадѣленнаго дома гг. Досужева и Гагина, въ похищенномъ сундукѣ хранились: 1) государственные непрерывно-доходные билеты на 12,717 р. за №№ 9,224 и 22,354; 2) кредитными билетами и серіями 12,000; 8) попечителя Досужева 5% билетовъ 1-го выкупа на 8,000 руб. (одинъ въ 5 тыс. и 3 по 1,000) и 22 акціи Рязанской желѣзной дороги, въ 1,000 р. каждая.

Во время составленія сего постановленія явился въ контору богадѣльни сотскій деревни Жулебина (1 ст. Моск. уѣзда) и объявилъ, что возлѣ деревни Вязовой найденъ былъ женщиною Натальею Тимофеевою разломанный сундукъ съ остатками на веревкахъ печати конторы богадѣльни Рогожскаго кладбища и возлѣ него 2 шпаги, одна полусабля, три кепи и до 60 различныхъ ключей.

Производство слѣдствія по этому дѣлу было возложено на слѣдственнаго пристава Реброва, ко-

торый прямо заподозрилъ въ участіи въ этомъ дѣлѣ московскаго мѣщанина Ивана Семенова, судившагося уже за разныя преступленія, и не задолго передъ тѣмъ освобожденнаго изъ тюрьмы. На этомъ основаніи, 10-го сентября, былъ сдѣланъ въ квартирѣ Семенова внезапный обыскъ, при чемъ найдено у него 325 руб. кредитными билетами и нѣсколько серебряныхъ монетъ, а также взяты для сличенія почерка нѣкоторыя бумаги, писанныя рукою Семенова.

Независимо отъ этого поручено разнымъ полицейскимъ чинамъ секретнымъ образомъ розыскивать слѣды преступниковъ. Розысками этими было открыто, что рано утромъ, послѣ ограбленія конторы Рогожской богадѣльни, какіе-то неизвѣстные люди пріѣзжали въ Устинскія бани и что-то между собою дѣлили въ особомъ номерѣ. Вслѣдствіе чего былъ сдѣланъ допросъ содержателю означенныхъ бань Василью Федорову Крюкову, который 11-го сентября показалъ:—дѣйствительно, 6-го сентября въ понедѣльникъ, около 5-ти часовъ утра, пріѣхали на 2 пролеткахъ въ Устинскія бани пятеро неизвѣстныхъ людей, потребовали для себя номеръ, и, взявъ три куска мыла, заперлись въ ономъ. Бывшій при этомъ родственникъ Крюкова, солдатъ Дмитрій Ульяновъ, разсказывалъ, что въ

щель у двери онъ замѣтилъ, что пріѣхавшіе что-то разбирали и считали какія-то бумаги; потомъ они уѣхали. Въ числѣ этихъ лицъ ему показалось, что находился человѣкъ, служившій прежде въ Замоскворѣцкихъ баняхъ, имя и фамилію котораго онъ теперь не можетъ вспомнить. По осмотру указаннаго номера, гдѣ находились неизвѣстные, дѣйствительно имѣется щель, черезъ которую видна большая часть передбанника.

Не допуская до свиданія съ Крюковымъ, приступлено было къ допросу Дмитрія Ульянова, который 11-го сентября вполнѣ подвердилъ слова Крюкова, прибавивъ, что въ числѣ пріѣхавшихъ былъ знакомый его крестьянинъ Бронницкаго уѣзда Константинъ Ракитинъ, который великимъ постомъ служилъ въ баняхъ Мамонтова, что у Москворѣцкаго моста. По выходѣ изъ номера расплатился съ нимъ, Ульяновымъ, бѣлокурый человѣкъ, оотриженный по-нѣмецки, безъ бороды и бакенбардовъ, съ маленькими усиками, въ черномъ пальто и бѣлыхъ брюкахъ. Ульяновъ разспрашивалъ извощиковъ, откуда привезли гостей, и получилъ отвѣтъ: „изъ Новаго Свѣта“. Ракитинъ же, при спросѣ о себѣ, показалъ, что онъ живетъ въ гостинницѣ на Петровкѣ.

При баняхъ въ это время вмѣстѣ съ нимъ, Ульяновымъ, находился Романовъ, который также знаетъ Ракитина.

Изъ другихъ посѣтителей, кромѣ Ракитина онъ замѣтилъ хорошо только одного, съ открытымъ лбомъ.

Вслѣдствіе этихъ указаній былъ командированъ надзиратель Генцъ въ Бронницкій уѣздъ, гдѣ, при содѣйствіи мѣстнаго исправника и становаго пристава былъ произведенъ въ селеніи Спасское-Вершково внезапный обыскъ, 11-го сентября, въ домѣ Ракитина, при которомъ найдено въ разныхъ мѣстахъ 291 р. кредитными билетами и одежда, похожая на ту въ какой былъ одѣтъ одинъ изъ грабителей. Ракитинъ сознался, что, по приказанію Семенова, онъ явился 5-го числа, въ 6 часовъ вечера, на Таганскій рынокъ, гдѣ нашелъ Семенова съ тремя неизвѣстными ему товарищами и двѣ приготовленныхъ пролетки, на которыхъ всѣ поѣхали за Покровскую заставу. Тамъ Семеновъ и два другіе товарища переодѣлись въ военные костюмы; Семеновъ надѣлъ мундиръ жандармскаго полковника, другой костюмъ полицейскаго офицера, а третій переодѣлся жандармомъ, и въ такомъ видѣ оправились на Рогожское кладбище. О томъ, какъ имъ отворили ворота и какъ грабители

вошли въ контору, Ракитинъ показалъ согласно съ объявленіемъ конторщика и сторожей кладбища. По словамъ Ракитина, онъ былъ въ тревожномъ и почти безсознательномъ состояніи, потому что только теперь понялъ, что содѣйствовалъ преступленію. Оставивъ кладбище, они повернули налѣво, и, проѣхавъ потомъ около $1^1/_2$ версты, остановились. Семеновъ съ одѣтымъ въ костюмъ полицейскаго офицера разбили сундукъ, и, вынувъ бумаги и деньги, отправились въ Устинскія бани, гдѣ и раздѣлили похищенное. При этомъ Ракитину досталось 300 рублей, съ которыми онъ и возвратился во вторникъ въ свое село. Деньги онъ спряталъ и о нихъ никому не говорилъ изъ домашнихъ. Куда Семеновъ дѣвалъ костюмы и кто были извощики, онъ не знаетъ. Сколько похищено денегъ и сколько дано прочимъ участникамъ, ему неизвѣстно.

Слѣдователь Ребровъ предъявилъ Семенова въ числѣ другихъ лицъ Ракитину, которыя прямо указалъ на Семенова, взялъ его за руку и объявилъ, что это тотъ самый, который назывался полковникомъ Кузнецовымъ, но Семеновъ не сознался, однако видно смутился и поблѣднѣлъ. Ракитинъ такъ же былъ предъявленъ конторщику, эконому и сторожамъ Рогожскаго богадѣленнаго дома, и всѣ они

признали его за одного изъ пяти лицъ, бывшихъ въ конторѣ. Въ тотъ же самый день мѣщанинъ Иванъ Семеновъ былъ показываемъ въ числѣ 6 человѣкъ содержателю бань Крюкову, служителю Антипу Романову и Ульянову, которые прямо указали на Семенова. О бытности Семенова съ Ракитинымъ въ баняхъ, рано утромъ 6-го числа, подтвердили Крюковъ и Ульяновъ подъ присягой, а Романовъ, по отводу Семенова, безъ присяги, но съ обѣщаніемъ подвердить свое показаніе подъ присягою.

Иванъ Семеновъ во всемъ заперся и объяснилъ, что 5-го сентября онъ былъ у тещи своей и у жены, вмѣстѣ съ своей свояченицею, и, возвратясь домой къ обѣду, до 10-ти часовъ утра слѣдующаго дня никуда не отлучался. Относительно имущества онъ сначала показалъ, что ничего не имѣетъ кромѣ носильнаго платья, но потомъ, на вопросъ слѣдователя, откуда онъ взялъ 325 руб., найденные у него при обыскѣ, отвѣчалъ, что деньги эти остались у него отъ торговли.

Кухарка Ивана Семенова, Вяхирева, подъ присягою подтвердила, что хозяинъ ея съ своей свояченицею дѣйствительно куда-то ѣздили въ воскресенье 5-го сентября, и, возвратясь, обѣдали и ужинали дома, но въ 8 часовъ вечера она ушла на

кухню, и отлучался ли послѣ того Иванъ Семеновъ—ей неизвѣстно; но на другой день, вошедъ въ комнаты около 8-ми часовъ утра, она нашла у хозяина неизвѣстнаго ей молодаго человѣка, бѣлокураго, съ небольшими усиками, и затѣмъ пріѣхали еще какіе-то неизвѣстные два человѣка, и они всѣ вмѣстѣ куда-то ушли; провожая ихъ, она, Вяхирева, замѣтила, что калоши ея хозяина были въ грязи, а также подолъ пальто былъ заманъ грязью, которое она тотчасъ же очистила. Дворникъ дома г. Сушинскаго, гдѣ жилъ Семеновъ, Иванъ Кокоревъ, подъ присягою показалъ, что ворота были имъ заперты 5-го чис. въ 12-ть часовъ ночи, а отворены въ 6-ть часовъ утра; часовъ же въ 7-мь утра онъ замѣтилъ возвратившагося домой Семенова съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, съ которымъ и вошелъ въ свою квартиру, и что этотъ же самый человѣкъ приходилъ къ Семенову и на другой день, т. е. 7-го сентября. По дальнѣйшимъ розысканіямъ оказалось, что молодой человѣкъ, котораго кухарка Вахирева видѣла у своего хозяина утромъ, 6-го сентября, былъ калужскій мѣщанинъ Михаилъ Филипповъ Герасимовъ. На вопросъ слѣдователя,— гдѣ онъ былъ и какъ провелъ воскресенье 5-го сентября, Гесасимовъ сначала показалъ, что ѣздилъ

къ Троицѣ Сергіѣ, а потомъ, отмѣнивъ это показаніе, сказалъ, что былъ дома, на квартирѣ, въ домѣ Гильдебрандта, что можетъ подтвердить и живущій тамъ же сапожникъ Константинъ Дмитріевъ. Послѣдній ссылки Герасимова не подтвердилъ, а показалъ подъ присягой, что онъ ушелъ съ квартиры въ первыхъ числахъ сентября и до 6-го сентября не возвращался, а 6-го числа опять пришелъ около 2-хъ часовъ пополудни, для выкупа у прежней хозяйки своихъ заложенныхъ вещей. Хозяйка Пелагея Григорьева подтвердила это подъ присягой, съ такимъ измѣненіемъ, что Герасимовъ съѣхалъ съ квартиры въ послѣднихъ числахъ августа, возвратился недѣли черезъ полторы и выкупилъ бывшее въ залогѣ у ней драповое пальто, при чемъ она прибавила, что онъ жилъ у нея подъ именемъ Михаила Михайлова. При оказаніи Михаила Герасимова Константину Ракитину, этотъ призналъ его за того самаго, который былъ съ нимъ на Рогожскомъ кладбищѣ въ одеждѣ жандарма.

Содержатель Устинскихъ бань Крюковъ, банщикъ Романовъ и солдатъ Ульяновъ, при оказаніи имъ Герасимова, нашли его схожимъ съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя были 5-го сентября въ банѣ съ Семеновымъ и Ракитинымъ, но по-

ложительно сказать не могутъ — тотъ ли это самый человѣкъ; но сторожа Рогожской богадѣльни, Турусовъ, Ивановъ и Мневъ положительно уличили Герасимова въ томъ, что онъ тотъ самый, который былъ одѣтъ жандармомъ.

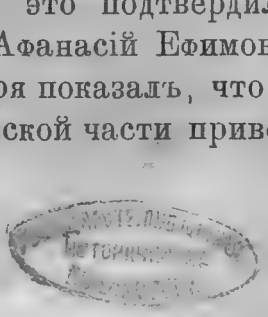
Остались необнаруженными пока — другой добросовѣстный, мнимый полицейскій офицеръ и извощики, возившіе грабителей на Рогожское кладбище. Но случай помогъ къ дальнѣйшимъ открытіямъ и къ объясненію загадочнаго пріѣзда 27-го августа неизвѣстныхъ лицъ въ Братскій домъ. Надзирателемъ Бобровымъ былъ задержанъ 20-го сентября извощикъ, подозрѣваемый въ участіи въ грабежѣ, сдѣланномъ мѣщаниномъ Иваномъ Семеновымъ на Рогожскомъ кладбищѣ, московскій мѣщанинъ Андрей Ивановъ, который при допросахъ показалъ, что 27-го августа, часовъ въ 6 пополудни, кучеръ трактира называемаго „Ямки“, Козьма Егоровъ Счастневъ, нанялъ его въ Красное Село, по пріѣздѣ куда онъ остановился у деревяннаго одноэтажнаго дома рядомъ съ трактиромъ, на лѣвой сторонѣ, и вошелъ въ домъ. Спустя минутъ пять, изъ этого дома вынесла ему Иванову, какая-то женщина 25 коп., (кухарка Семенова, Авдотья Захарова, въ чемъ она послѣ и созналась), сказавъ при этомъ „вотъ тебѣ на

чай, поди попей и постой у трактира; тогда скажемъ, еще не скоро". Получивши 25 коп., онъ сходилъ выпить водки, и дожидался у трактира, а часовъ въ 9 вечера изъ дома вышли: Иванъ Семеновъ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, одѣтые оба въ военную форму и кепи съ черными султанами; неизвѣстный былъ въ формѣ жандарма; за ними Кузьма Егоровъ одѣтый въ статскомъ платьѣ, съ человѣкомъ въ офицерской формѣ; они перешли на другую сторону, крикнувъ ему, Иванову, чтобъ онъ ѣхалъ за ними. Кромѣ его, Кузьма Егоровъ нанялъ другаго извощика, тоже въ пролеткѣ, и сѣлъ съ человѣкомъ въ офицерской формѣ, а Иванъ Семеновъ съ жандармомъ сѣли къ нему и приказали ѣхать въ Таганку; они пріѣхали въ Дурной переулокъ, и, не доѣзжая Братскаго дома, остановились. Кузьма Егоровъ съ своимъ товарищемъ пошли прямо, а Иванъ Семеновъ съ жандармомъ сидѣли въ пролеткѣ; чрезъ нѣсколько времени жандармъ пошелъ туда же, но вскорѣ возвратился назадъ, сколько понятно было, вслѣдствіе какой-нибудь неудачи, сѣлъ въ пролетку къ Ивану Семенову, и поѣхали обратно въ Красное Село, а Кузьма Егоровъ съ помянутымъ офицеромъ остались тамъ; извощикъ, на которомъ они ѣхали, слѣдовалъ за нимъ, Ива-

новымъ, въ обратный путь, но на Землянкѣ его разочли и отпустили, а ему Иванову, по пріѣздѣ въ Красное Село къ тому же дому, Иванъ Семеновъ, вмѣсто разсчета деньгами, далъ бывшее на немъ сѣрое военное пальто, сказавъ: „на, заложи, но послѣ привези назадъ.“ Кто такія лица, бывшія съ Иваномъ Семеновымъ и Кузьмою Егоровымъ, и гдѣ они находятся, онъ, не знаетъ, а въ лицо узнать можетъ; Егоровъ же, какъ полагаетъ, теперь находится во Всесвятскомъ, у трактирщика Александра Александрова, который, сдавъ трактиръ „Ямки“, перебрался туда.

Означенный Александръ Александровъ дѣйствительно торгуетъ въ трактирѣ, во Всесвятскомъ, и у него находился въ услуженіи крестьянинъ Рузскаго уѣзда Козьма Егоровъ Счастневъ, который былъ арестованъ, и по произведенному обыску, въ имуществѣ его ничего подозрительнаго не оказалось. При повѣркѣ показанія мѣщанина Андрея Иванова, дознано, что служитель Братскаго дома Рогожскаго кладбища, крестьянинъ Кузьма Васильевъ Лакомкинъ 27-го августа въ 12 часовъ ночи, былъ разбуженъ сильнымъ стукомъ въ ворота, и когда онъ вышелъ на дворъ, то ночной сторожъ этого дома, Яковъ Спиридоновъ, ему сказалъ, что на дворѣ, полиція и квар-

тальный надзиратель сидитъ около дома на скамейкѣ и ждетъ какого-то полковника, и при надзирателѣ находится добросовѣстный свидѣтель; но когда Лакомкинъ вышелъ за ворота, то уже никого не было, а ночной сторожъ Дурнова переулка, Афанасій Смирновъ, передалъ ему, что какой-то человѣкъ вышелъ изъ этого дома, и когда онъ, Ефимовъ, его окликнулъ, то этотъ человѣкъ бросился бѣжать по направленію къ Таганскому рынку, и на свистокъ, сдѣланный имъ, вышелъ изъ воротъ дома офицеръ — игравшій роль квартальнаго надзирателя—и спросилъ Ефимова, для чего имъ данъ былъ свистокъ; получивъ въ отвѣтъ, что отъ сторожа бѣжалъ человѣкъ, приказалъ Ефимову постоять у воротъ, пока онъ самъ посмотритъ куда бѣжавшій человѣкъ скрылся. Ефимовъ исполнилъ это приказаніе, видя передъ собою офицера и принимая его также за квартальнаго надзирателя или помощника, но затѣмъ они сѣли на стоявшаго недалеко извощика и уѣхали. Полковника никто не видалъ, а другаго офицера и бѣжавшаго человѣка видѣли сторожа Ефимовъ и Спиридоновъ. Все это подтвердили сторожа Павелъ Чибисовъ и Афанасій Ефимовъ. Андрей Ивановъ 23-го сентября показалъ, что во время задержанія его при Яузской части приведенный крестьянин



янинъ Кузьма Егоровъ подговаривалъ его отречься отъ показанія, даннаго частному приставу Яузской части. Мѣщанинъ Иванъ Семеновъ въ числѣ переодѣтыхъ пяти лицъ былъ показываемъ 24-го сентября извощику Иванову, и онъ прямо указалъ на Семенова какъ на того самаго человѣка, который 27-го августа ѣздилъ съ нимъ къ дому Братскаго Общества, о чемъ и составленъ актъ при добросовѣстныхъ; Семеновъ же во всемъ отказался. Кузьма Егоровъ Счастневъ былъ показываемъ конторщику Кручинину и экономy Андрееву, и они признали его за одного изъ добросовѣстныхъ, бывшихъ въ конторѣ, въ ночь похищенія сундука съ деньгами. При допросѣ 26-го сентября, Кузьма Егоровъ ни въ чемъ не сознался на очной ставкѣ, данной ему съ извощикомъ Ивановымъ; послѣдній уличалъ его, что онъ тотъ самый, который ѣздилъ съ нимъ 27-го августа въ Братскій домъ: При очной ставкѣ Егорова съ Ракитинымъ, послѣдній показалъ, что Егорова онъ не знаетъ и за бывшаго на кладбищѣ не признаетъ, но конторщикъ и экономъ объявили, что онъ очень походитъ на одного изъ добросовѣстныхъ, бывшаго безъ бороды, и по обозрѣніи почерка руки его подъ показаніями признали въ немъ сходство съ почеркомъ подписав-

шаго въ конторѣ постановленіе. Сторожа же отказались его признать, говоря, что они мало видѣли называвшихся добросовѣстными. Сентября 30-го дня Счастневъ былъ показываемъ въ числѣ 6 лицъ Крюкову, Ульянову и Романову, и они всѣ указали на Счастнева, какъ на того, который былъ въ числѣ 5 лицъ въ Устинскихъ баняхъ. Ивановъ потомъ добавилъ, что когда Кузьма Егоровъ нанималъ его въ Красное Село, то при немъ наказывалъ дворнику Семену—когда пріѣдетъ хозяинъ, отложить лошадь и поставить ее на мѣсто. Показаніе это дворникъ Семенъ вполнѣ подтвердилъ подъ присягой.

При оказаніи Михаила Филиппова Герасимова извощику Андрею Иванову, послѣдній не только призналъ его, но и уличилъ на очной ставкѣ въ томъ, что Герасимовъ есть тотъ самый неизвѣстный, который 27-го августа ѣздилъ съ Иваномъ Семеновымъ въ Братскій домъ, въ платьѣ жандарма.

Приглашенные слѣдователемъ Ребровымъ эксперты, по сличеніи найденной 6-го сентября въ конторѣ Рогожскаго кладбища записки слѣдующаго содержанія: „по кладбищу экономъ Петръ Андреевъ“ съ почеркомъ руки Ивана Семенова, находящимся въ его показаніяхъ, признали по-

черкъ тождественнымъ и заключили, что записка писана рукою Семенова.

Изъ числа акцій Рязанской желѣзной дороги, похищенныхъ вмѣстѣ съ денежнымъ сундукомъ Рогожской богадѣльни, оказались проданными изъ конторы Марецкаго фридрихсгамскому купцу Александру Сѣверинову.

Купецъ Василій Марецкій объяснилъ, что проданныя имъ купцу Сѣверинову акціи Рязанской желѣзной дороги куплены имъ 20-го января, 1866 года, у минскаго мѣщанина Ф. Галперина, въ доказательство чего представилъ собственноручную его росписку. Еврей Файвель Галперинъ, подтверждая продажу Марецкому означенныхъ акцій, показалъ, что онъ купилъ ихъ въ октябрѣ или въ ноябрѣ 1865 года въ мѣстечкѣ Шкловѣ, у неизвѣстнаго человѣка, котораго онъ съ тѣхъ поръ не встрѣчалъ и примѣтъ его совершенно не помнитъ. При обыскѣ въ квартирѣ минскаго мѣщанина Галперина, кромѣ стараго носильнаго платья и бѣлья въ самомъ незначительномъ количествѣ и 25 дюжинъ бумажныхъ платковъ, ничего болѣе не найдено. Прокуроръ московскаго Окружнаго суда, принимая во вниманіе, что купецъ Сѣвериновъ вполнѣ оправдался и доказалъ, что найденныя у него акціи пріобрѣтены имъ законнымъ

путемъ, не встрѣтилъ препятствія къ возвращенію ихъ покупателю. Что же касается до мѣщанина Галперина, то показаніе его, будто бы онъ не помнитъ, отъ кого именно были куплены имъ на значительную сумму акціи, особенно при бѣдномъ его состояніи, не заслуживаетъ никакого вѣроятія, а такъ какъ вознагражденіе кладбища за похищенныя акціи можетъ быть обращено на него, если на судѣ онъ не докажетъ законности пріобрѣтенія проданныхъ Марецкому акцій, то прокуроръ предложилъ слѣдователю 1-го августа, за № 951, на основаніи 418 и 419 ст. Уст. Улож. Суд., потребовать отъ Галперина представленія залога, равнаго стоимости по курсу означенныхъ акцій.

Изложивъ главнѣйшія обстоятельства дѣла, прокурорскій надзоръ находитъ, что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію достовѣрность слѣдующихъ фактовъ, подкрѣпленныхъ свидѣтельскими показаніями и другими доказательствами: 1) похищеніе въ ночь съ 5-го на 6-е сентября изъ конторы Рогожской богадѣльни ящика съ денежной казною, 2) прибытіе въ эту ночь на Рогожское кладбище пяти лицъ, изъ которыхъ трое были переодѣты въ офиціальные костюмы, 3) нахожденіе на разсвѣтѣ 6-го сентября въ Устинскихъ ба-

няхъ пяти лицъ, производившихъ какой-то дѣлежъ и 4) что тѣ же самыя лица, кромѣ одного, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, именно 27-го августа, переодѣтыя пріѣзжали къ Братскому дому съ какою-то преступной цѣлью, но не успѣли въ своемъ предпріятіи, будучи напуганы свисткомъ ночнаго сторожа.

Конторщикъ Кручининъ и экономъ Рогожской богадѣльни Андреевъ узнали въ Счастневѣ одного изъ добросовѣстныхъ, бывшихъ въ конторѣ, въ ночь похищенія сундука съ деньгами; а когда Счастневъ былъ показанъ въ числѣ 6 лицъ Крюкову, баньщику Романову и Ульянову, то всѣ они указали на одного только Счастнева, какъ на бывшаго въ баняхъ 6-го сентября. Ракитинъ же его не призналъ; но умышленно ли онъ его скрываетъ, или дѣйствительно не могъ вспомнить его лица послѣ долгаго времени — почти три недѣли — положительно сказать трудно. Надобно полагать, что послѣднее предположеніе болѣе справедливо, если вполнѣ допустить достовѣрность показаній на счетъ характера собственнаго его участія въ набѣгѣ на Рогожское кладбище. Нѣтъ никакихъ указаній, чтобъ Ракитинъ участвовалъ въ поѣздкѣ въ Братскій домъ, чтобы принадлежалъ къ составу шайки Семенова и предварительно

зналъ ея цѣли. Семеновъ, отваживаясь на такое рискованное предпріятіе какъ искусное ограбленіе Рогожскаго кладбища, долженъ былъ придать своему посѣщенію, сколь возможно, законную обстановку. Съ нимъ былъ и полицейскій офицеръ, и жандармъ, и одинъ добросовѣстный, но онъ зналъ, что при обыскахъ необходимо приглашать не менѣе двухъ добросовѣстныхъ, иначе могли усомниться въ офиціальности его пріѣзда. Поэтому ему нужно было пріискать еще одного участника, и случай толкнулъ его на Ракитина, который, по простотѣ своей, показался Семенову пригоднымъ орудіемъ. Его не посвящали въ подробности дѣла, велѣли ожидать въ извѣстномъ мѣстѣ, а потомъ повезли, наказавъ только слушаться во всемъ; а когда дѣло сдѣлали, то обочли его при дѣлежѣ, давъ ему изъ огромной поживы всего только 300 руб. Принявъ все это во вниманіе, становится вѣроятнымъ, что Ракитинъ, увидя въ конторѣ Счастнева въ первый разъ, и не очень долго, могъ не вглядѣться въ его черты и не узнать его послѣ трехъ недѣль. Пятый участникъ, именно лицо разыгравшее роль полицейскаго офицера, остался необнаруженнымъ, хотя и были заподозрѣны двое, но они надлежащимъ образомъ не уличены, почему и не привлекаются къ суду.

Извощики, возившіе преступниковъ на Рогожское кладбище, остались также неоткрыты. На основаніи вышеизложенныхъ уликъ, прокурорскій надзоръ обвиняетъ мѣщанъ: Ивана Семенова и Михайла Герасимова, и крестьянъ: Кузьму Счастнева и Константина Ракитина въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 1637 ст. Улож. о наказ., за что и предаетъ ихъ суду съ участіемъ гг. присяжныхъ. Независимо отъ сего, привлекаетъ къ настоящему дѣлу еврея Галперина, за пріобрѣтеніе имъ украденныхъ на Рогожскомъ кладбищѣ акцій, къ личной отвѣтственности по 14 ст. Улож. и къ денежному вознагражденію за покраденное, такъ какъ онъ не представилъ никакихъ доказательствъ того, что акціи тѣ были пріобрѣтены имъ законнымъ путемъ.

По прочтеніи обвинительнаго акта, подсудимые, кромѣ Ракитина, были удалены, и г. предсѣдательствующій обратился съ вопросомъ къ Ракитину—признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ участіи при ограбленіи Рогожскаго богадѣленнаго дома? Ракитинъ отвѣчалъ, что признаетъ себя виновнымъ и разсказалъ обстоятельства дѣла, согласно съ показаніемъ, даннымъ имъ на предварительномъ слѣдствіи, добавивъ только, что онъ никого не знаетъ изъ участвующихъ съ нимъ лицъ,

что главный участникъ въ преступленіи былъ не Иванъ Семеновъ, а Иванъ Петровъ, но кто этотъ Петровъ, онъ не знаетъ; а что показалъ онъ на предварительномъ слѣдствіи не такъ потому, что слѣдствіе было производимо пристрастно. Относительно же участія въ преступленіи Герасимова, Ракитинъ показалъ, что онъ не можетъ положительно утверждать, участвовалъ въ преступленіи Герасимовъ или нѣтъ, потому что всѣ участвующіе тогда были одѣты въ военную форму, а Герасимова онъ видѣлъ одѣтымъ въ обыкновенное платье.

Остальные подсудимые сказали, что они не признаютъ себя виновными во взводимомъ на нихъ преступленіи.

Затѣмъ по предложенію г. предсѣдателя были приглашены гг. эксперты для сличенія почерка записки, писанной мнимымъ полковникомъ Кузнецовымъ съ почеркомъ Семенова, для чего имъ дана была находящаяся при дѣлѣ записка и одинъ томъ настоящаго дѣла, въ которомъ находились собственноручныя показанія подсудимаго Семенова. Эксперты удалились для совѣщанія въ особую комнату, и возвратившись признали почеркъ руки Семенова сходнымъ съ почеркомъ руки полковника Кузнецова. Потомъ приступлено было къ допросу свидѣтелей и по просьбѣ одного изъ за-

щитниковъ, г. Степуры-Сердюкова, вслѣдствіе болѣзни свидѣтеля Мерлина, бывшаго хозяина подсудимаго Счастнева, который былъ спрошенъ первымъ. Онъ показалъ, что подсудимый Счастневъ, бывши у него работникомъ, велъ жизнь хорошую, былъ трезваго поведенія и осенью 1865 года всегда ужиналъ дома въ обыкновенное время, т. е. въ 12-мъ часу вечера, и никуда въ это время ночью не уѣзжалъ. На вопросъ прокурора, навѣрно ли свидѣтель знаетъ, что Счастневъ не уѣзжалъ, Мерлинъ показалъ, что Счастневъ никогда у него по крайнѣй мѣрѣ не отпрашивался и Мерлинъ не замѣчалъ, чтобы Счастневъ безъ его просу куда отлучался. Свидѣтели Кручининъ и Андреевъ показали согласно съ показаніями, данными ими на предварительномъ слѣдствіи, прибавивъ, что они и не подумали подозрѣвать тогда подсудимыхъ, признавая ихъ за настоящихъ начальниковъ; иначе они могли ихъ всѣхъ перевязать, такъ какъ на Рогожскомъ кладбищѣ живетъ до 500 человѣкъ; но они до такой степени испугались тогда, что еще съ поклономъ проводили ихъ, а Андреевъ даже два раза поклонился въ ноги Семенову, прося у него извиненія въ томъ, что вошелъ въ контору безъ спроса полковника. На Семенова и Герасимова они прямо

указали, какъ на переодѣтыхъ полковника и жандарма; а относительно другихъ двухъ подсудимыхъ сказали, что тѣ только похожи нѣсколько на бывшихъ у нихъ въ качествѣ добросовѣстныхъ, навѣрно же признать ихъ не могъ. Относительно Ракитина они сказали, что онъ былъ или съ бородой, добросовѣстнымъ, или безъ бороды, въ офицерскомъ платьѣ. Свидѣтели Турусовъ, Филипповъ, Горбачевъ, Агапъ Ивановъ и Василій Мневъ показали согласно съ предъидущими свидѣтелями. Свидѣтель Крюковъ, содержатель бань, показалъ, что къ нему въ баню 5-го сентября 1865 года пріѣзжали пять человѣкъ, изъ которыхъ онъ видѣлъ четверыхъ, и двоихъ ихъ нихъ—Семенова и Ракитина признаетъ; 3-й нѣсколько похожъ на Счастнева, утвердительно же сказать этого не можетъ; 4-го же совсѣмъ не признаетъ. Служители бань показали согласно съ прежними показаніями. Свидѣтельница Вяхирева показала, что утромъ 6-го сентября она дѣйствительно вытерла калоши Семенова, оказавшіеся грязными, но калоши тѣ были загрязнены имъ утромъ, когда онъ уходилъ куда-то, часовъ въ 6 утра, и затѣмъ возвратился съ молодымъ человѣкомъ, кажется, Герасимовымъ, котораго она видѣла тогда въ 1-й разъ; платья же Семенова она совсѣмъ не чисти-

ла, такъ какъ оно было тогда запачкано мокрою грязью; ночью калоши Семенова находились у нея въ кухнѣ.

Затѣмъ были прочтены показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи, свидѣтелями Кокоревымъ, Ивановымъ, Чунинымъ и Митрофановымъ. Свидѣтельница Пелагея Григорьева, бывшая хозяйка Герасимова, показала, что когда у нея на квартирѣ жилъ Герасимовъ, котораго настоящей фамиліи она не знала, а знала его за Михаила Михайлова, то онъ былъ поведенія хорошаго; когда съѣхалъ отъ нея, то вмѣсто денегъ, оставилъ ей верхнее свое пальто, которое выкупилъ 6-го сентября. Свидѣтель Константинъ Дмитріевъ, жившій на квартирѣ въ одномъ домѣ съ Герасимовымъ, подтвердилъ вполнѣ показаніе свидѣтельницы Григорьевой, прибавивъ, что онъ не знаетъ когда выкупалъ пальто Герасимовъ, такъ какъ его въ то время не было дома. Подсудимые Семеновъ, Герасимовъ и Счастневъ отвергли всѣ показанія свидѣтелей говорившихъ не въ пользу ихъ. Семеновъ говорилъ между прочимъ, что всѣ свидѣтели показываютъ такъ потому, чтобы не противорѣчить показаніямъ, даннымъ ими на предварительномъ слѣдствіи; что показанія на предварительномъ слѣдствіи были вынуждаемы слѣд-

ственнымъ приставомъ Ребровытъ. Ракитинъ же, сознаваясь въ преступленіи, снова подтвердилъ свое показаніе, что подсудимые не были участниками съ нимъ, и что онъ самъ не зналъ къ какому дѣлу былъ онъ привлеченъ, что былъ онъ въ качествѣ добросовѣстнаго, и безъ бороды. Свидѣтели, вызванные въ судъ подсудимымъ Гальпериномъ; купецъ Самаринъ, купецъ Зубовъ, Герша Каганъ, Шолома Мордуковъ Залкиндъ, показали, что Гальперинъ — человѣкъ честнаго, хорошаго поведенія, очень богатый, и они не думаютъ, чтобы Гальперинъ могъ покупать завѣдомо краденыя вещи, но что у нихъ въ обыкновеніи покупать билеты безъ всякаго спроса—чьи эти билеты и отъ кого. Свидѣтель Марецкій также показалъ, что онъ о Гальперинѣ ничего дурнаго не знаетъ; какимъ путемъ пріобрѣлъ Гальперинъ акціи—онъ, Марецкій, не знаетъ, и показать только, что Гальперинъ, справившись сначала о курсѣ акцій, принесъ ихъ къ нему черезъ полчаса и продалъ, въ чемъ и далъ росписку. Гальперинъ, прибавилъ г. Марецкій, зналъ, что контора безъ росписки не беретъ акцій. Свидѣтель Глинтернъ, вызванный въ судъ также по просьбѣ подсудимаго Гальперина, показалъ, что Гальперинъ при немъ покупалъ какія-то акціи у какого-то пріѣзжающаго неизвѣ-

стнаго ему человѣка, но въ чемъ состоялъ этотъ торгъ—онъ не знаетъ, такъ какъ подобными дѣлами онъ, Глинтернъ, не занимался. Г. товарищъ прокурора по новоду этого показанія, замѣтилъ, что Гальперинъ на предварительномъ слѣдствіи ничего не заявилъ о томъ, чтобы кто нибудь былъ при покупкѣ имъ акцій у неизвѣстнаго. Подсудимый Гальперинъ замѣтилъ, что онъ не зналъ, что покупаетъ краденыя акціи и что положительно не могъ заподозрить, что нибудь въ этомъ дѣлѣ, ибо онъ постоянно такъ ихъ покупаетъ, а къ нему принесли акціи продавать потому, что онъ одинъ во всемъ городѣ занимается покупкой ихъ.

Г. товарищъ прокурора М. Ф. Громницкій, не касаясь обстоятельствъ дѣла, довольно подробно разсказанныхъ уже въ обвинительномъ актѣ, обратилъ вниманіе присяжныхъ на то обстоятельсло, что глава шайки грабителей Рогожскаго кладбища является очень искуснымъ лицомъ. Лицо это отличается умѣніемъ выбирать самыя искусныя средства для выполненія своей цѣли. „Я охотно признаю за нимъ—продолжалъ г. товарищъ прокурора—и умъ, и искусство, но вслѣдствіе этихъ-то именно качествъ я и обращаю главнымъ образомъ на него вниманіе. Всякая преступность есть общественное зло, но бываютъ преступленія, ис-

точникомъ которыхъ является слабость человѣческой воли,—зло такихъ преступленій скоропреходяще. Но вредъ отъ преступленій, требующихъ много времени и ума, громаденъ, ибо человѣкъ, занимаясь такимъ дѣломъ съ любовью—годъ отъ году дѣлается искуснѣе. Единственнымъ средствомъ избавляться отъ такихъ преступниковъ является строгій и справедливый судъ. Послабленіе такимъ преступникамъ давало бы имъ только средства дѣлаться смѣлѣе и искуснѣе.“ Затѣмъ г. товарищъ прокурора обратился къ уликамъ противъ 5-ти подсудимыхъ, остановившись главнымъ образомъ на Иванѣ Семеновѣ. „Вы могли замѣтить, гг. присяжные—продолжалъ г. товарищъ прокурора—что Иванъ Семеновъ уже очень опытный человѣкъ, нѣсколько разъ уже бывшій въ острогѣ; съ небольшимъ за три недѣли до ограбленія Рогожской богадѣльни онъ только-что былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Главными уликами противъ него являются свидѣтельскія показанія, между которыми показаніе Ракитина занимаетъ первое мѣсто. Ракитинъ послѣ упорнаго запирательства сознался наконецъ въ своемъ участіи въ преступленіи, показавъ, что онъ былъ завлеченъ въ него Иваномъ Семеновымъ. Я достаточно познакомился, продолжалъ г. Громницкій,

съ личностью подсудимаго Ракитина, и чистосердечному признанію его не могу не вѣрить, по крайней мѣрѣ его показаніе ничѣмъ не было опровергнуто. То обстоятельство, что Ракитинъ на судѣ измѣнилъ свое показаніе относительно Семенова, объясняется тѣмъ, что Ракитинъ, находясь съ Семеновымъ вмѣстѣ въ острогѣ, снова попалъ подъ вліяніе Семенова, вслѣдствіе чего и отказывается отъ своего оговора. Относительно показаній жителей Рогожскаго кладбища, г. товарищъ прокурора замѣтилъ, что нѣкоторые изъ этихъ свидѣтелей уклоняются отъ прямыхъ показаній, но не было ни одного свидѣтеля, который бы показалъ, что въ костюмѣ полковника былъ не Иванъ Семеновъ. Всѣ показанія этихъ свидѣтелей даются искренно, чистосердечно, какъ будто съ радостію, что они нашли своего грабителя. Содержатель Устинскихъ бань и его служители также всѣ указываютъ на Ивана Семенова, какъ на пріѣзжавшаго къ нимъ въ баню 5-го сент. въ числѣ 5-ти человѣкъ. Ив. Семеновъ, разумѣется, отказывается отъ участія въ преступленіи и говоритъ, что онъ 5-го сентября 1865 г. весь день былъ дома; но это показаніе его опровергнуто показаніями свидѣтелей — дворника и кухарки. Правда, Вяхирева здѣсь на судѣ измѣнила свое

показаніе, но со времени происшествія прошло полтора года и она легко могла забыть обстоятельства того дня, тогда какъ, спрошенная вскорѣ послѣ происшествія, она показывала на признаки, по которымъ можно судить, что Ив. Семеновъ не ночевалъ дома 5-го сентября 1865 года. Этихъ уликъ, кажется, достаточно бы было, чтобы признать виновность подсудимаго Ив. Семенова, но ему не посчастливилось въ настоящемъ дѣлѣ, и противъ него много говоритъ записка, на которой записалъ онъ фамилію эконома Андреева и которую, разорвавши, бросилъ. Страннымъ, конечно, представляется, что Ив. Семеномъ сдѣлалъ такой промахъ, но это объясняется тѣмъ, что онъ, видя, что дѣло было совершенно покончено, что все удалось какъ нельзя лучше, забылся, и въ забытьи нѣсколько измѣнилъ себѣ. При обыскѣ у Ив. Семенова найдена ничтожная сумма, сравнительно съ похищенной, именно 325 р. с., но нужно замѣтить, что предъ обыскомъ онъ сказалъ, что у него кромѣ носильнаго платья ничего нѣтъ. Относительно подсудимаго Герасимова, г. товарищъ прокурора сказалъ, что уликами противъ него являются показаніе свидѣтелей признавшихъ его за того, который былъ переодѣтъ жандармомъ, показанія дворника и кухарки, видѣвшихъ его у

Семенова утромъ на другой день послѣ преступленія; кромѣ того, на него указывалъ также на предварительномъ слѣдствіи и Ракитинъ; но особенно важны противъ него показанія сторожей, бывшихъ съ нимъ въ передней около 2-хъ часовъ, а также то обстоятельство, что онъ 6-го сентября выкупилъ заложенное за мѣсяцъ передъ тѣмъ свое пальто, и не доказалъ, откуда онъ взялъ для этого деньги. Далѣе, указавъ на свидѣтельскія показанія противъ подсудимаго Счастнева, г. товарищъ прокурора обратилъ вниманіе на чистосердечное признаніе Ракитина, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи. Я не вѣрю только одному, замѣтилъ г. товарищъ прокурора, что Ракитинъ до конца не зналъ зачѣмъ онъ ѣдетъ съ Семеновымъ на Рогожское кладбище. Во всякомъ случаѣ, въ существѣ его показанія сомнѣваться трудно, и если вы, гг. присяжные, признаете его виновнымъ, то окажите ему снисхожденіе. Вѣрить показанію подсудимаго Гальперина, замѣтилъ г. товарищъ прокурора, что онъ купилъ акціи у неизвѣстного человѣка, не зная, что эти акціи краденыя,—довольно трудно на томъ основаніи, что свидѣтели, выставленные имъ самимъ, всѣ показали, что онъ человѣкъ коммерческій, постоянно занимающійся продажею и покупкою кредитныхъ

бумагъ, и мудрено думать, чтобы такой человѣкъ могъ поступить такъ оплошно, не спросивъ даже имени продавца.“

Послѣ рѣчи г. товарища прокурора, г. Веніаминомъ, повѣренный гг. Сѣверинова и Алѣева, по предложенію предсѣдателя высказалъ основанія, по которымъ должны быть возвращены его кліенту акціи, купленныя имъ въ конторѣ Марецкаго.

Защитникъ Семенова, присяжный повѣренный К. А. Рихтеръ, выставивъ статьи закона, по которымъ настоящее преступленіе признается не грабежомъ, а воровствомъ—мошенничествомъ, обратилъ вниманіе на пристрастные допросы слѣдственнаго пристава Реброва и указалъ на показаніе свидѣтельницы Вяхиревой, удостовѣряющее, что Семеновъ ночью съ 5-го на 6-е сентября 1865 г. никуда изъ дому не уходилъ, и слѣдовательно не могъ быть на Рогожскомъ кладбищѣ. Затѣмъ г. защитникъ, указавъ на противорѣчивыя показанія свидѣтелей относительно примѣтъ Семенова, замѣтилъ о сходствѣ почерка руки Семенова съ почеркомъ руки полковника Кузнецова то, что всѣ малограмотные и дѣти пишутъ похоже другъ на друга, и сходство почерковъ не можетъ служить сильною уликою.

Защитникъ подсудимаго Герасимова, присяжный повѣр. г. Костаревъ, замѣтивъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе своего товарища г. Рихтера относительно свойства преступленія, указалъ, на слабость и недостовѣрность уликъ и обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что во всякомъ случаѣ роль жандарма при похищеніи была второстепенная.

Защитникъ подсудимаго Счастнева, прис. пов. П. В. Степура-Сердюковъ, обративъ вниманіе на показаніе свидѣтеля Мерлина, удостовѣряющаго о хорошемъ поведеніи Счастнева и о томъ обстоятельствѣ, что Счастневъ постоянно ночевалъ дома осенью 1865 г., указалъ на различіе воровства-мошенничества отъ грабежа. Главная разница сказалъ защитникъ между этими 2-мя преступленіями состоитъ въ томъ, что средства грабежа есть открытая сила, средства же воровства-мошенничества—обманъ. Грабежъ съ оружіемъ въ рукахъ переходитъ въ разбой, воровство-мошенничество всегда сохраняетъ свой типъ.

Защитникъ подсудимаго Ракитина, Ю. А. Козловскій, совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ г. товарища прокурора относительно искренности показанія Ракитина на предварительномъ слѣдствіи, просилъ присяжныхъ обратить вниманіе на

то обстоятельство, что Ракитинъ обманомъ былъ вовлеченъ въ преступленіе.

Защитникъ подсудимаго Гальперина, Л. П. Кольрейфъ, обративъ вниманіе на то, что въ уставѣ Общества Росс жел. дорогъ нигдѣ не сказано, чтобы при покупкѣ акцій требовались какія-либо росписки, замѣтилъ, что если-бы Гальперинъ зналъ о томъ, что купленныя имъ акціи краденыя, то ему не зачѣмъ было бы говорить Марецкому настоящую свою фамилію, такъ какъ конторы въ этихъ случаяхъ не наводятъ справокъ о личности продавца.

Г. товарищъ прокурора, отвѣчая на рѣчи гг. защитниковъ замѣтилъ, что вопервыхъ, для грабежа вовсе не требуется какого-либо физическаго усилія со стороны нападающаго лица, ибо грабежемъ признается такое дѣйствіе, которымъ отнимается имущество въ присутствіи хозяина, другими словами, когда происходитъ такое нравственное давленіе со стороны похитителя, что хозяинъ поневолѣ уступаетъ ему; вовторыхъ, признакъ добровольной отдачи имущества въ руки похитителя составляетъ рѣзкую черту между грабежемъ и мошенничествомъ, и въ настоящемъ преступленіи дѣйствительно есть добровольная отдача и дѣйствительно есть обманъ, вслѣдствіе чего и

легко принять это преступленіе за мошенничество. Для подтвержденія своего мнѣнія относительно опредѣленія свойства преступленія г. товарищъ прокурора привелъ въ примѣръ то обстоятельство, что если бы 2 человѣка, сговорившись ограбить нѣсколько человѣкъ въ лѣсу и принявъ различныя искусственныя мѣры, заставили бы проѣзжающихъ думать, что на нихъ нападаютъ не двое, а нѣсколько человѣкъ, и тѣ добровольно отдали бы нападающимъ свое имущество, то это преступленіе было бы грабежъ. Въ настоящемъ случаѣ является даже не простой грабежъ, а съ угрозами (здѣсь г. товарищъ прокурора обратилъ вниманіе на угрозы Семенова эконому Андрееву). Во всякомъ случаѣ здѣсь не было положительно добровольной отдачи, потому что Кручининъ и Андреевъ противились увозу сундука; разумѣется, они выражали вѣжливо свое нежеланіе, но все-таки выражали. „Я допускаю, закончилъ г. товарищъ прокурора, что въ настоящемъ преступленіи есть признаки и грабежа, и мошенничества. Я отношу это преступленіе къ грабежу потому, что грабежъ считается болѣе сильнымъ преступленіемъ.

Гг. защитники: Рихтеръ, Костаревъ и Степура-Сердюковъ замѣтили, что настоящее преступленіе

они никакъ не могутъ признать грабежемъ, ссылаясь на статьи Улож. о Нак. изд. 1866 г.— статьи 1665, 1668 1669, которыя ясно разграничиваютъ грабежъ отъ мошенничества. Г. Степура-Сердюковъ замѣтилъ также, что нравственнаго давленія, равно какъ и открытой силы, въ настоящемъ случаѣ не было: покричали только на эконома, и только.

Подсудимый Иванъ Семеновъ въ своей заключительной рѣчи объяснилъ слѣдующее: откуда знаетъ слѣдователь Ребровъ о моей практичности? Дѣлъ обо мнѣ никакихъ у него не было. Въ острогѣ я не сидѣлъ, и былъ выпущенъ не изъ острога, а изъ частнаго дома, гдѣ содержался по подозрѣнію. Остальное сказалъ за меня защитникъ. Другіе подсудимые сказали, что они ничего не могутъ больше добавить въ свое оправданіе. Подсудимый Гальперинъ замѣтилъ, что ему нѣтъ никакой нужды заниматься покупкою завѣдомо краденныхъ вещей, потому что онъ и безъ того богатый человѣкъ.

Для разрѣшенія гг. присяжнымъ судомъ поставлены были слѣдующіе 13 вопросовъ:

1. Виновенъ-ли подсудимый мѣщанинъ Иванъ Семеновъ въ похищеніи изъ Рогожскаго богадѣленнаго дома сундука съ деньгами и процентны-

ми бумагами, для учиненія чего онъ надѣлъ военный мундиръ и выдалъ себя за лицо, дѣйствующее по распоряженію правительства съ присвоеніемъ не принадлежащаго ему званія? 2. Если виновенъ въ означенномъ преступленіи, то совершено ли имъ оное по уговору съ другими лицами? 3. Виновенъ ли мѣщанинъ Михаилъ Герасимовъ (18-ти лѣтъ) въ томъ же преступленіи? 4. Если виновенъ, то совершено ли имъ оное по уговору съ другими лицами? 5. Если, виновенъ, то не былъ ли вовлеченъ въ преступленіе другимъ совершенно-лѣтнимъ? 6. Виновенъ ли крестьянинъ Кузьма Счастневъ въ томъ же преступленіи? 7. Если виновенъ, то совершено ли имъ оное по уговору съ другиму лицами? 8. Виновенъ ли крестьянинъ Константинъ Ракитинъ въ томъ же преступленіи? 9. Если виновенъ, то совершено ли имъ оное по уговору съ другими лицами? 10. Если всѣ подсудимые, или кто либо изъ нихъ, виновны въ означенномъ похищеніи изъ Рогожскаго богадѣленнаго дома, то было ли это похищеніе совершено открыто въ присутствіи другихъ лицъ? 11. Если похищеніе было совершено открыто въ присутствіи другихъ лицъ, то сопровождалось ли оное насиліемъ или угрозами? 12. Слѣдуетъ ли время совершенія преступленія

считать ночью? 13. Виновенъ ли мѣщанинъ Файвель Гальперинъ въ пріобрѣтеніи 50 акцій Рязанской желѣзной дороли, съ знаніемъ, что эти акціи были краденыя?

Затѣмъ предсѣдатель обратился къ гг. присяжнымъ съ рѣчью, въ которой, разсказавъ вкратцѣ содержаніе дѣла, пояснилъ примѣромъ различіе грабежа отъ кражи-мошенничества и, разъяснивъ присяжнымъ понятіе о силѣ доказательствъ, вручилъ имъ вопросный листъ.

Присяжные, возвратясь, на всѣ вопросы отвѣчали утвердительно, прибавивъ къ 8-му отвѣту: *но по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія.*

Судъ постановилъ „1867 года января 11-го дня, московскій Окружный судъ по 2-му Уголовному отдѣленію, въ судебномъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя П. М. Щепкина, членомъ М. М. Сухотина, Е. А. Томашевскаго и Д. Е. Павловскаго, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по дѣлу о мѣщанахъ: Иванѣ Семеновѣ, Михаилѣ Герасимовѣ и крестьянахъ Козьмѣ Счастневѣ и Константинѣ Ракитинѣ, обвиняемыхъ въ кражѣ изъ конторы Рогожской богадѣльни сундука съ деньгами, и мѣщанинѣ Гальперинѣ, при-

влеченномъ къ дѣлу за покупку акцій Московско-Рязанской желѣзной дороги, опредѣлилъ: Ивана Семенова (34-хъ лѣтъ) и Кузьму Счастнева (30 лѣтъ) на основ. 2-й степ. 20-й ст. 119 и 229 ст. 2-го отд. 1642 ст. Улож. о Нак. изд. 1866 г., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселенье. Крестьянина Конст. Ракитина (26 лѣтъ), признаннаго присяжными засѣдателями виновнымъ въ томъ же преступленіи, но заслуживающимъ по обстоятельствамъ дѣла снисхожденія на основ. 2-й ст. 31-й и 119 ст. 2-го п. 134 ст. 2-го отд. 1642 ст. Улож. о Нак. и ст. 828. Уст. Угол. Судопр., лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ. отдать въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на три года. Калужскаго мѣщанина Мих. Герасимова (18 лѣтъ), признаннаго присяжными засѣдателями виновнымъ въ томъ же преступленіи, но вовлеченнаго въ оное другимъ совершенно-лѣтнимъ на осн. 2-й ст. 31-й и 119 ст. 10-го п. 129, 140, 143 ст. и 2-го отд. 1642 ст. Уложенія, заключить въ рабочій домъ на три года и три мѣсяца. Минскаго мѣщанина Файвеля Гальперина, признаннаго присяжными засѣдателями виновнымъ въ пріобрѣтеніи 50-ти акцій Рязанской жел. дор. за-

вѣдомо краденыхъ, на осн. ст. 14-й, 1-й степ. 33-й, 121-й и 124 ст. 10-го п. 129 и 1661 ст. и отд. 3іго 1655 ст. Улож. о нак., лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить въ рабочій домъ на одинъ годъ и 8 мѣсяцевъ. Отобранные же по сему дѣлу 50 акцій, на основ. 777 ст. Уст. Угол. Судопр. препроводить въ контору Рогожскаго богадѣленнаго дома, предоставивъ Сѣверинову и Алѣеву, согласно ст. 778 Устава, разобраться въ своихъ правахъ гражданскимъ порядкомъ. Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ 21-го января.

Всѣ подсудимые изъявили желаніе получить копію съ рѣшенія.

Засѣданіе, начавшееся въ $12^1/_4$ часовъ дня 11-го января, окончилось въ $7^3/_4$ часовъ утра 12-го января.

2.

Дѣло дворянъ А. Д. Данилова и С. В. Глинки объ оклеветаніи послѣднимъ перваго.

(Мировой судъ.)

Дворянинъ Андрей Дмитріевичъ Даниловъ подалъ мировому судьѣ Сущевскаго участка, графу Ланскому, жалобу, заключавшуюся въ томъ, что

дворянинъ Сергѣй Владиміровичъ Глинка позволилъ себѣ оклеветать его предъ присутственнымъ мѣстомъ, котораго онъ, Даниловъ, впрочемъ не называетъ, вслѣдствіе чего проситель вынужденъ былъ отвлекаться отъ своихъ занятій и черезъ это потерпѣлъ убытокъ, а потому и проситъ взыскать съ Глинки понесенные имъ убытки, а за клевету подвергнутъ его законному взысканію.

Судья. (Данилову). Объясните вашу претензію подробнѣе.

Даниловъ. Глинка донесъ на меня въ „подлежащее мѣсто“; по этому доносу меня вызывали нѣсколько разъ, отбирали отъ меня показанія и тѣмъ отрывали меня отъ уроковъ, которыми я живу и содержу мое семейство. У меня даже былъ обыскъ; всѣ мои бумаги и книги были отобраны и пересмотрѣны, но ничего подозрительнаго въ нихъ не найдено, почему меня и признали невиннымъ. Наконецъ самъ Глинка, послѣ данной намъ очной ставки, письменно отрекся отъ своего доноса. Поэтому я считаю себя, г. судья, въ правѣ требовать клеветнику законнаго наказанія и вознагражденія меня за понесенные мною чрезъ его злоумышленіе убытки.

Судья (Глинкѣ). Что скажете вы на это обвиненіе?

Глинка. Я думалъ, что письмо, сочинителя котораго отъискивали, было написано г. Даниловымъ, и заявилъ свое подозрѣніе на него гдѣ слѣдуетъ.

Даниловъ. Г. Глинка положительно утверждалъ, что письмо это написано мною; въ доказательство этого онъ даже представилъ писанную когда-то мною къ нему записку. Даже на очной ставкѣ онъ старался поддерживать свою клевету и только тогда отрекся отъ нея, когда я былъ признанъ не виновнымъ. Одинъ изъ членовъ присутствія спросилъ даже меня не подозрѣваю-ли я самаго г. Глинку въ составленіи анонимнаго письма? Но я отвѣчалъ, что едва-ли онъ рѣшится на такую низость.

Глинка. Я не признаю себя виновнымъ въ клеветѣ: съ моей стороны это было одно предположеніе.

Судья. Вы могли предполагать, но не заявлять того. Вотъ не угодно-ли вамъ прослушать, что говоритъ законъ: „кто дозволитъ себѣ, въ представленной присутственному мѣсту или чиновнику бумагѣ, оклеветать кого-либо несправедливо, обвиняя его, или жену его, или членовъ его семейства въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, тотъ подвергается: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ.“

Глинка. Повторяю, что я не считаю себя виновнымъ.

Даниловъ (Глинкѣ). Вы уже предоставьте рѣшить это судьѣ: виноваты вы или нѣтъ, а лучше постарайтесь опровергнуть мое обвиненіе.

Судья (Глинкѣ). Что вы можете прибавить въ свое оправданіе.

Глинка молчитъ.

Судья (Данилову). Сколько вы ищете съ него убытковъ?

Даниловъ. Я пропустилъ четыре урока, вслѣдствіе того что меня вызывали для дачи показаній по оговору г. Глинки; за каждый урокъ я получаю по два рубля: слѣдовательно я потерялъ по его милости ровно восемь рублей, которые и прошу съ него взыскать.

Судья. До произнесенія приговора я, по обязанности моей, предлагаю вамъ, господа, помириться. Не найдете-ли вы возможнымъ окончить это дѣло на какихъ-либо условіяхъ миролюбно?

Глинка. Я готовъ заплатить г. Данилову восемь рублей за убытки, которые онъ исчислилъ; но виновнымъ себя передъ нимъ все таки не считаю.

Судья (Данилову). Что скажете вы, г. Даниловъ.

Даниловъ. Я трудами моими получаю въ годъ до трехъ тысячъ рублей серебромъ; я заявилъ

гражданскій искъ на г. Глинку только въ восемъ рублей серебромъ хотя могъ-бы воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и предъявить на него искъ въ гораздо большей суммѣ, тѣмъ болѣе что по этому дѣлу я былъ отрываемъ отъ занятій въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Я говорю это лишь для того, г. судья, чтобы разсѣять всякую мысль о возможности между нами мировой сдѣлки на денежномъ вознагражденіи, я достаточно зарабатываю честнымъ трудомъ и не имѣю нужды прибѣгать къ подобнымъ пріобрѣтеніямъ.

Судья. Я этого и не имѣю въ виду.

Даниловъ. Итакъ остается лишь извиненіе со стороны г. Глинки передомною, но и на это я не могу, не въ правѣ изъявить мое согласіе потому, что если я соглашусь окончить это дѣло извиненіемъ г. Глинки, то такой исходъ дѣла поощритъ нѣкоторыхъ господъ дѣлать доносы на людей честныхъ и ни въ чемъ не замѣшанныхъ. Вѣдь не всякому такъ счастливо удастся раздѣлаться съ клеветою, какъ удалось это мнѣ. Поэтому въ острастку другимъ доносчикамъ и въ интересѣ правосудія пусть будетъ наказанъ ложный доносчикъ. Но, если претензія моя вами, г. судья, будетъ найдена уважительною, то я просилъ бы васъ: назначить г. Глинкѣ наказаніе

въ самой меньшей степени, какая только допускается закономъ. Передъ вами, г. судья, находится не озлобленный противникъ, а человѣкъ, ищущій возмездія своей гражданской чести.

Судья постановилъ: подвергуть дворянина Глинку взысканію восьми рублей серебромъ въ пользу Данилова и сверхъ того подвергнуть его заключенію при городскомъ арестантскомъ домѣ на десять дней.

3.

Дѣло о князѣ Митрофанѣ Алекс. Мещерскомъ, судившемся за кражу иконъ.

(Окружный судъ)

Вотъ сущность обвинительнаго акта: 1866 года 13 числа февраля, въ Срѣтенскій частный домъ пришла въ пьяномъ видѣ мѣщанка Анна Яковлева Одинцева; при ней оказалось двѣ иконы въ серебряныхъ окладахъ и одна безъ оклада. Находившійся въ то время въ части дежурнымъ помощникъ надзирателя 1 квартала означенной части, зная Одинцову за женщину, подверженную пьянству и, имѣя въ виду жалобы ея брата, что она въ пьяномъ видѣ брала у него тайно разныя вещи и пропивала ихъ, взялъ у нея эти иконы

и поставилъ ихъ въ дворянскую камеру, гдѣ въ это время содержались князь Митрофанъ Мещерскій и поручикъ Козляниновъ. Иконы эти 19 февраля изъ камеры пропали, и подозрѣніе пало на князя Мещерскаго, который наканунѣ, т. е. 18 февраля, былъ въ сопровожденіи солдата Сиренко отпускаемъ для свиданія съ своими знакомыми и возвратился назадъ пьянымъ. Сиренко показалъ, что князь Мещерскій ходилъ въ Соболевъ переулокъ, въ неизвѣстный ему домъ, а его оставилъ дожидаться на дворѣ; онъ Сиренко изъ любопытства заглянулъ въ окно дома, куда вошелъ Мещерскій и увидѣлъ, что онъ сидитъ за столомъ, на которомъ лежали три небольшіе образа, а около стола стояли неизвѣстные евреи. Когда князь Мещерскій вышелъ изъ частнаго дома, то Сиренко иконъ у него не видалъ.

Домъ, куда ходилъ Мещерскій, по указанію Сиренко найденъ, и у проживавшей въ томъ домѣ еврейки Бойны Шпигельштейнъ отысканы три похищенныя изъ частнаго дома иконы. Сама Шпигельштейнъ сказала, что иконы эти заложилъ ей князь Мещерскій за пять рублей серебромъ. Князь Мещерскій объяснилъ, что 18 февраля пришла въ частный домъ какая-то женщина, назвавшаяся Анисьей Яковлевой, сестрою Анны Яковлевой, и

продала ему означенныя иконы за десять рублей, но онъ, по неимѣнію денегъ, выдалъ ей только росписку; затѣмъ 18-го-же февраля онъ дѣйствительно заложилъ эти иконы за пять руб. серебр. еврейкѣ Бойнѣ Шпигельштейнъ. Содержавшійся вмѣстѣ съ нимъ Мещерскимъ, поручикъ Александръ Васильевичъ Козляниновъ показалъ, что на другой же день, какъ иконы эти были внесены и поставлены въ ихъ камеру, князь Мещерскій спряталъ ихъ къ себѣ подъ подушку, и какъ взялъ онъ иконы, уходя 18 числа къ своимъ знакомымъ, онъ, Козляниновъ, того не замѣтилъ.

На основаніи этихъ обстоятельствъ, и 1644 ст. Улож. о наказ. князь Митрофанъ Алексѣевъ Мещерскій двадцати шести лѣтъ подвергнутъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей за кражу иконъ.

Дѣло это разсматривалось 21 января 1867 года. въ Московскомъ окружномъ судѣ по 2 уголовному отдѣленію. Составъ суда: предсѣдателя товарищъ г. Щепкинъ, члены: гг. Сухотинъ, Томащевскій и Павловскій; обвинялъ товарищъ прокурора г. Терновскій: защитника себѣ подсудимый князь Мещерскій не избралъ.

Подсудимый виновнымъ себя въ кражѣ иконъ не призналъ. Свидѣтели Федотовъ и Сиренко дали

показанія согласныя съ показаніями, данными ими на предварительномъ слѣдствіи, сущность которыхъ заключается въ обвинительномъ актѣ. Свидѣтель Козляниновъ прибавилъ къ прежнему своему показанію предположеніе, что вѣроятно Мещерскій сдѣлалъ похищеніе иконъ въ болѣзненномъ состояніи, ибо когда уходилъ изъ камеры, то былъ выпивши. „Я полагаю, заключилъ г. Козляниновъ, что гораздо болѣе заслуживаетъ наказанія тотъ, кто принялъ въ залогъ иконы, чѣмъ кн. Мещерскій". Г. предсѣдательствующій замѣтилъ на это г. Козлянинову, что вопросъ о наказаніи не касается свидѣтеля. Затѣмъ г. товарищъ прокурора просилъ судъ прочесть показанія неявившихся свидѣтельницъ: Шпигельштейнъ и Яковлевой, на что г. предсѣдательствующій замѣтилъ, что на осн. 626 ст. устава Угол. Судопр. не воспрещается прочтеніе въ судебномъ засѣданіи письменныхъ показаній свидѣтелей, не явившихся въ судъ за смертію, болѣзнію, совершенной дряхлостью или дальнею отлучкою, а такъ какъ въ настоящемъ случаѣ причина неявки свидѣтельницъ неизвѣстна, то поэтому не могутъ быть прочитаны и показанія ихъ.

Подсудимый Мещерскій на показанія свидѣтелей замѣтилъ, что онъ не отвергаетъ ихъ пока-

заній и считаетъ только нужнымъ возстановить фактъ въ истинномъ его смыслѣ. „Показаніе мое, замѣтилъ подсудимый, данное на предварительномъ слѣдствіи, что я купилъ образа у неизвѣстной женщины—ложно. Я далъ его такъ потому, что находился въ болѣзненномъ состояніи и не могъ достаточно осмыслить происходившее около меня. Дѣло было такъ: я содержался въ Срѣтенскомъ частномъ домѣ за оскорбленіе полицейскаго чиновника. Меня содержали ужасно дурно. Мнѣ не давали не только харчевыхъ денегъ, но не давали и пищи, которую даютъ даже заарестованнымъ животнымъ. Вслѣдствіе этого я заболѣлъ, вынесъ тифозную горячку и воспаленіе въ мозгу. При мнѣ капитанъ Федотовъ отобралъ у неизвѣстной женщины три иконы, которыя были поставлены въ моей камерѣ на окно. На вопросъ г. Козлянинова можно ли купить эти иконы, Федотовъ отвѣчалъ: можно. На другой день частный приставъ приказалъ, чтобы, по случаю пріѣзда полиціймейстера Арапова, все было прибрано въ камерахъ, и потому я спряталъ иконы у себя подъ подушку. Когда женщина, у которой отобраны были образа, была отправлена въ больницу, я, находясь въ крайности и нуждѣ, не имѣя пищи и денегъ, воспользовался прогулкою

и заложилъ эти образа, въ надеждѣ выкупить ихъ дня черезъ четыре, такъ какъ я надѣялся къ этому времени получить долгъ съ одного знакомаго. Я дѣйствительно взялъ образа тайно, но желанія скрытно заложить иконы — у меня не было.

Г. товарищъ прокурора въ своей обвинительной рѣчи обратилъ вниманіе присяжныхъ на то обстоятельство, что преступленіе, въ которомъ обвиняется кн. Мещерскій, есть простая кража, а не святотатство, ибо похищеніе сдѣлано не изъ церкви, и кн. Мещерскій судится судомъ присяжныхъ только потому, что принадлежитъ къ дворянскому сословію. Затѣмъ, разсказавъ обстоятельства дѣла, г. товарищъ прокурора обратилъ вниманіе присяжныхъ на то, что ссылка кн. Мещерскаго на дурное его содержаніе въ частномъ домѣ не можетъ служить извиненіемъ настоящаго преступленія. Затѣмъ г. товарищъ прокурора прочиталъ статью Уложенія, которою опредѣляется кража и замѣтилъ, что настоящее преступленіе подходитъ къ этому опредѣленію: кн. Мещерскій зналъ чьи были иконы, онъ взялъ ихъ тайно,— не пустилъ Сиренко съ собою въ домъ къ Шпигельштейнъ. Въ заключеніе г. товарищъ прокурора обратилъ вниманіе на то, что кн. Мещер-

скій, какъ лицо принадлежащее къ сословію пользующемуся особыми правами, и какъ человѣкъ получившій образованіе, долженъ быть наказанъ строже обыкновеннаго преступника; „но я прошу васъ гг. присяжные, закончилъ г. товарищъ прокурора, отрѣшиться отъ этой мысли и постановить приговоръ по внушенію вашей совѣсти“. Подсудимый въ защитительной рѣчи своей привелъ то обстоятельство, что поступокъ совершоный имъ былъ вынужденъ варварскимъ обращеніемъ съ нимъ полицейскихъ чиновниковъ, и что даже убійство извиняется, когда оно совершено для необходимой обороны. „Варварство полиціи, говорилъ подсудимый, было такъ ужасно, поступки ея такъ безчеловѣчны, что у меня, голоднаго до истомы, чувство самосохраненія замѣнилось животнымъ инстинктомъ, Поставьте, гг. присяжные, себя на мое мѣсто, и едва ли кто нибудь изъ васъ рѣшится тогда бросить въ меня евангельскій камень“. Относительно обстоятельства, что подсудимый не желалъ свой поступокъ сдѣлать тайнымъ, онъ замѣтилъ, что 1) взялъ онъ иконы изъ-подъ подушки потому тайно, что у г. Козлянинова были въ то время гости, и компрометировать себя тѣмъ, что онъ идетъ закладывать иконы, такъ какъ это вообще считается предосудитель-

нымъ,—подсудимый не желалъ; 2) Сиренко не ввелъ онъ съ собой къ закладчику потому, что ссуды подъ заклады вообще совершаются безъ свидѣтелей, и тѣмъ болѣе безъ полицейскихъ; 3) когда еврейка уходила изъ дому въ лавку, онъ, Мещерскій, не предупреждалъ ее, чтобы она ничего о немъ не говорила Сиренко; 4) когда въ частномъ домѣ хватились иконъ, онъ, Мещерскій, прямо сказалъ, что заложилъ ихъ; 5) на судебномъ и предварительномъ слѣдствіи онъ постоянно говорилъ это. Въ доказательство того, что онъ не могъ совершить кражу, подсудимый привелъ слѣдующіе доводы: 1) Въ 6-ти городахъ гдѣ онъ жилъ прежде, собраны были справки о его поведеніи, и вездѣ онъ былъ одобренъ; 2) не задолго предъ этимъ, онъ заплатилъ 20,000 долга изъ одного принципа честности, образа же были заложены имъ за 5 рублей, сумма, которая не могла побудить его къ такому преступленію; 3) образа хранились у него, слѣдовательно это была утрата, а не кража. „Моя совѣсть чиста, закончилъ подсудимый, и въ поступкѣ моемъ нѣтъ ничего преступнаго. Остальное скажетъ вамъ ваше внутреннее убѣжденіе и ваша совѣсть. Я считаю только нужнымъ прибавить, что за этотъ проступокъ я содержался въ тюрьмѣ безъ трехъ недѣль годъ“.

Г. предсѣдатель въ заключительной рѣчи, подтвердивъ слова подсудимаго относительно уплаты его долга и одобренія въ поведеніи, разсказавъ обстоятельства дѣла и опредѣливъ свойства кражи, вручилъ присяжнымъ вопросный листъ.

На вопросъ: виновенъ ли князь Митрофанъ Алексѣевъ Мещерскій, 26-ти лѣтъ, въ томъ, что похитилъ тайно изъ дворянской арестантской камеры три иконы, принадлежащія мѣщанкѣ Одинцовой, заложилъ ихъ, какъ свои собственныя еврейкѣ Шпигельштейнъ, присяжные отвѣчали: *нѣтъ, не виновенъ*.

Предсѣдатель объявилъ: подсудимаго князя Мещерскаго свободнымъ отъ суда.

4.

Дѣло иностранокъ Аделаиды Гуккъ и г-жи Шлезакъ, съ содержателемъ цирка Карломъ Гинне.

(Мировой судъ.)

Г-жи Гуккъ и Шлезакъ подали мировому судьѣ Тверскаго участка жалобу, слѣдующаго содержанія:

„1866 года, февраля 3-го, я нижеподписавшаяся, Аделаида Гуккъ, уговорилась на слово съ г. Карломъ Гинне, въ Вѣнѣ, срокомъ на одинъ годъ,

съ тѣмъ, чтобы дѣти мои *работали* въ его циркѣ; я и имѣла намѣреніе свято исполнить данное слово, но нижеписанное обстоятельство лишаетъ меня возможности оставаться мнѣ съ семействомъ до срока.

3-го января, т. е. за мѣсяцъ до истеченія года, я сочла своею обязаиностію предупредить г. Гинне, что я съ семействомъ своимъ, по окончаніи года, не желаю уговариваться вновь, и потому поручила сыну своему Теодору передать это г. Гинне, который, послѣ нѣкотораго размышленія, сказалъ сыну моему, что справится въ книгахъ о срокѣ; сынъ мой былъ уже у выхода, когда г. Гинне воротилъ его и поручилъ передать дочери моей Адель Шлезакъ, что она *дура* и *ослица*, и что ежели она не поклонится женѣ его и ему при встрѣчѣ съ ними въ циркѣ, то онъ, Гинне, сдѣлаетъ скандалъ. Сынъ мой замѣтилъ ему, что сестра его не кланяется имъ потому, что они не отвѣчаютъ ей на поклоны. Послѣ этого сынъ мой возвратился ко мнѣ и передалъ мнѣ все происшедшее. Послѣ того я опять послала сына моего Теодора къ г. Гинне съ предложеніемъ, во избѣжаніе скандала, уничтожить сегодня же уговоръ, на что г. Гинне изъявилъ свое согласіе, съ тѣмъ только, чтобы не заплатить намъ за 15 дней.

Сынъ мой конечно не согласился на это, а г. Гинне опять напомнилъ ему, чтобы Адель не забыла поклониться, иначе будетъ неудовольствіе; на это сынъ мой отвѣчалъ ему, что не думаетъ, чтобы сестра его стала кланяться, когда ей не отвѣчаютъ тѣмъ же. Получивши отвѣтъ, я лично отправилась къ г. Гинне, чтобы узнать, что онъ понимаетъ подъ словомъ—не отдать за 15 дней: за истекшіе илиза 15 дней впередъ? Г. Гинне отвѣтилъ мнѣ, что не заплатитъ за заслуженные 15 дней, причемъ обругалъ меня дурой, а про дочь, Адель, далъ мнѣ понять, что она въ связи съ барономъ Реккъ, и я, глубоко оскорбленная, возвратилась къ себѣ.

„3-го же числа, вечеромъ, во время представленія, я и дочь моя Адель сѣли въ кресла, предназначенныя для артистовъ цирка, но въ то время, когда младшая дочь моя, Виргинія, *работала*, то г. Гинне, черезъ режиссера своего, г. Шрейберъ, вызвалъ насъ изъ креселъ, и въ самомъ циркѣ, близь занавѣса, сказалъ мнѣ, что я могу остаться въ мѣстахъ и, обратясь къ дочери моей Адель, сказалъ ей, что такая женщина, какъ она, недостойна сидѣть въ мѣстахъ, но я замѣтила ему, что дочь моя—дама, но не женщина, а онъ продолжалъ тѣмъ же выраженіемъ оскорблять

мою дочь и, обратясь ко мнѣ, сказалъ, чтобы я молчала и что я причиною смерти мужа своего, котораго убила роскошною жизнію.

„Въ это время находились у барьера режиссеръ Шрейберъ, Пепи Шварцъ и еще нѣсколько артистовъ, но кто именно—я не замѣтила.

„По окончаніи представленія, сынъ мой Жюль просилъ у г. Гинне позволенія увести изъ конюшни принадлежащихъ мнѣ лошадей, но г. Гинне не позволилъ этого, говоря, что онъ ручается за цѣлость ихъ.

4-го января, утромъ, Жюль снова отправился къ г. Гинне съ просьбою о выдачѣ лошадей и слѣдующихъ денегъ за истекшіе 15 дней, но г. Гинне вторично отказалъ, прибавивъ, что онъ готовъ повторить все сказанное наканунѣ и отъ своихъ словъ не отопрется.

Кромѣ артистовъ цирка, былъ свидѣтелемъ баронъ Реккъ, который имѣлъ личное объясненіе съ г. Гинне въ отношеніи взнесенной на него (барона Реккъ) клеветы.

Имѣю честь покорнѣйше просить г. мироваго судью поступокъ г. Гинне рѣшить по закону, понудить его и о немедленной выдачѣ лошадей и слѣдующихъ мнѣ денегъ“,

Въ первое же засѣданіе судьи, по вызовѣ тяжущихся сторонъ и свидѣтелей, и по разсмотрѣніи дѣла, состоялось слѣдующее рѣшеніе:

„1867 года, января 11-го дня, мировой судья Тверскаго участка, по явкѣ въ судъ повѣреннаго истицы, коллеж. секр. Григорія Наумова Новосельскаго, и отвѣтчика Гинне, разбиралъ гражданское дѣло по прошенію иностранки Аделаиды Гуккъ, о возвращеніи ей лошадей и выдачѣ жалованья за 15 дней 240 р. сер. Повѣренный предъявилъ, что онъ требуетъ жалованья 240 р. за 15 дней съ г. Гинне, на что г. Гинне, чрезъ переводчика, отвѣчалъ, что цифра жалованья вѣрна, но онъ считаетъ себя вправѣ, согласно правиламъ цирка, вычитать мѣсячное жалованье за неявку артистки Гуккъ къ представленію въ циркѣ; что по его расчету слѣдуетъ штрафу болѣе жалованья причитающагося за 15 дней, а потому онъ и удерживаетъ лошадей въ уплату штрафа. Повѣренный истицы, Новосельскій, возразилъ, что онъ не признаетъ за Гинне права удерживать лошадей и вычитать жалованье въ штрафъ, со дня нарушенія словеснаго договора обѣими сторонами, на томъ основаніи, что нѣтъ подписаннаго договаривающимися сторонами условія въ правахъ дѣлать вычеты за неявку къ представленію

въ циркѣ. Затѣмъ, по предложенію мироваго судьи покончить дѣло миромъ, Гинне обязался возвратить лошадей 11-го же января, но на уплату денегъ 240 р. не согласился, но просилъ отсрочить разбирательство, на что повѣренный истицы не согласился и просилъ о постановленіи рѣшенія. Мировой судья, принимая во вниманіе, что отвѣтчикъ цифру искомыхъ денегъ призналъ слѣдующею въ выдачѣ въ жалованье, а своего права дѣлать вычеты изъ жалованья въ штрафъ ничѣмъ не доказалъ, на основ. 112 ст. опредѣлилъ: взыскать 240 р. съ Гинне въ пользу Аделаиды Гукъ и обязавъ Гинне возвратить двухъ лошадей 11-го же января. Рѣшеніе по предмету взысканія денегъ, на основ. 134 ст. не окончательное и подлежитъ апелляціи въ мѣсячный срокъ, а по предмету возвращенія лошадей, согласно 1364 ст. Уст. Гр. Суд. и 1 п. 156 ст. подлежитъ немедленному исполненію".

Затѣмъ уголовная часть настоящаго процесса назначена была судьей къ разсмотрѣнію въ засѣданіи 14-го января.

По явкѣ въ судъ г. Гинне, его противниковъ и свидѣтелей, судья приступилъ было къ разбирательству уголовной части процесса, но возникло затрудненіе, вслѣдствіе котораго

разслѣдованіе настоящаго дѣла было пріостановлено и отложено вновь на 18-е число того же мѣсяца. Затрудненіе это объясняется въ нижеслѣдующемъ протоколѣ судьи:

1867 года, января 14-го дня, мировымъ судьей Тверскаго участка назначено было разбирательство по дѣлу объ оскорбленіи словами иностранки Аделаиды Гукъ австрійскимъ подданнымъ Карломъ Гинне. Къ разбирательству явились: повѣренный обвинительницы Гуккъ, коллежск. секр. Григорій Наумовъ Новосельскій, свидѣтели: баронъ Фонъ-деръ-Реккъ, артисты цирка: режиссеръ Шрейберъ и Пепи Шварцъ; обвиняемый, австрійскій подданный Карлъ Гинне, просилъ отсрочить разбирательство за непріисканіемъ повѣреннаго, но въ отсрочкѣ было отказано за несогласіемъ обвинительницы; затѣмъ обвиняемый Гинне *намѣренно отпустилъ бывшаго при немъ, въ качествѣ переводчика*, кассира цирка, фридландскаго купеческаго сына Карльсень. Мировымъ судьей сдѣлано было распоряженіе о приглашеніи переводчика офиціальнаго, состоящаго при генералъ-губернаторской канцеляріи, г. Куликовскаго, но переводчикъ Куликовскій отозвался болѣзнію, вслѣдствіе чего разбирательство отсрочено до 18-го января, 6-ти часовъ вечера".

Засѣданіе 18-го января. Къ 6-ти часамъ вечера, снова явились въ судъ обѣ тяжущіяся стороны и свидѣтели. На этотъ разъ, мѣсто г. Гинне занялъ въ судоговореніи повѣренный его г. Леоновъ. Число свидѣтелей также пополнилось новыми лицами, указанными повѣреннымъ истицы, именно: приглашены были—неклассный художникъ г. Кампіони и французскіе подданные: Леонардъ, Теодоръ и Жюль Гуккъ, братья истицы. Зала суда на этотъ разъ была полна. Г. Гинне, поручившій защиту своего дѣла повѣренному, также присутствовалъ первую половину судоговоренія въ залѣ. Онъ удалился уже послѣ показаній, данныхъ первымъ спрошеннымъ подъ присягою свидѣтелемъ.

Засѣданіе открылось спросомъ и провѣркою судьи—всѣ ли участвующіе въ дѣлѣ находятся налицо. Священникъ православнаго исповѣданія и пасторъ римско-католическаго, приглашенные для привода свидѣтелей къ присягѣ, также появляются въ залѣ. Повѣренный г. Гинне представляетъ уполномочіе отъ своего кліента.

Судья (г-ну Кампіони). Я вполнѣ разсчитываю на ваше благоразуміе, г. Кампіони, и потому прошу васъ убѣдить прочихъ вашихъ товарищей, свидѣтелей, вести себя приличнѣе чѣмъ въ прошлое

засѣданіе. Затѣмъ я прошу всѣхъ свидѣтелей удалиться въ особую комнату.

Свидѣтели оставляютъ залу.

Судья. Такъ какъ гражданскій искъ мною уже разрѣшенъ, то я приступаю теперь къ разбирательству уголовнаго. Но какъ по обоимъ искамъ было подано одно общее прошеніе, то я и прочту его теперь вновь.

Прочитывается прошеніе г-жи Гуккъ.

Судья (*повѣренному г-на Гинне*). Что вы можете на это сказать?

Г. Леоновъ. Мой довѣритель не считаетъ себя оскорбившимъ г-жу Гуккъ потому уже, что сама г-жа Гуккъ его обидѣла, Она перестала ему кланяться, тогда какъ онъ — директоръ труппы, въ которой она находится. Согласитесь сами, г. судья, что должна же быть дисциплина... подчиненіе... все-таки онъ начальникъ, которому г-жа Гуккъ обязана оказывать уваженіе, кланяться... а она не хотѣла ему поклониться... и потому... естественно... что г. Гинне, какъ начальникъ, могъ этимъ оскорбиться и позволить себѣ... нѣкоторыя выраженія...

Судья. То есть, назвать ее дурой и ослицей?

Г. Леоновъ. Я прошу васъ обратить вниманіе на то, г. судья, что она его подчиненная... и не хо-

четъ ему кланяться... Вы вѣрно въ этомъ согласитесь со мной... что... первое оскорбленіе... было нанесено со стороны г-жи Гуккъ?

Судья. Позвольте, такъ ли я васъ понялъ: вы утверждаете, что г-жа Гуккъ первая нанесла оскорбленіе вашему довѣрителю тѣмъ, что перестала ему кланятся въ то время, какъ замѣтила что онъ не отвѣчаетъ на ея привѣтствія, такъ ли?

Г. Леоновъ, Совершенно такъ... Я нахожу, что г-жа Гуккъ этимъ оскорбила г. Гинне... и поэтому между ними было... взаимное оскорбленіе.

Судья (*повѣренному истицы*). Что вамъ угодно на это возразить?

Г. Новосельскій. Г. повѣренному отвѣтчика сейчасъ угодно было утверждать, что моя довѣрительница оскорбила г. Гинне тѣмъ, что перестала ему кланяться. Вопервыхъ, г-жа Шлезакъ, дочь г-жи Гуккъ, потому перестала ему кланятьея, что, какъ видно изъ ея прошенія, онъ не отвѣчалъ ей на ея поклоны,—вовторыхъ потому, что....

Г. Леоновъ. Г-жа Шлезакъ первая перестала ему кланяться.

Г. Новосельскій. Позвольте, я прошу васъ не перебивать меня; когда вы говорили, я молчалъ: всякому должна быть своя очередь.

Судья (*г. Леонову*). Да, я прошу васъ теперь помолчать. Позвольте имъ кончить; потомъ вы выскажете ваше возраженіе.

Г. Новосельскій. Вовторыхъ, г. повѣренный отвѣтчика находитъ, что моя довѣрительница оскорбила г. Гинне тѣмъ, что не хотѣла ему кланяться. Я сошлюсь на васъ, г. судья, — я готовъ сослаться на всѣхъ здѣсь присутствующихъ, можно ли считать за оскорбленіе, если кто не хочетъ кланяться кому либо? Ни въ какомъ законодательствѣ нѣтъ признанія оскорбленіемъ, если кто при встрѣчѣ не поклонится другому; это предоставлено совершенно волѣ каждаго — хочетъ онъ, или нѣтъ, поклониться. Г. повѣренный особенно налегаетъ на дисциплину въ этомъ случаѣ; онъ хочетъ увѣрить насъ, что г. Гинне начальникъ г-жи Шлезакъ: вопервыхъ, это люди совершенно равные передъ закономъ, сошедшіеся по договору для взаимныхъ выгодъ; вовторыхъ, г-жа Шлезакъ — женщина и имѣетъ полное право на то, чтобы на ея привѣствіе былъ отданъ поклонъ отъ мужчины. Она женщина и имѣетъ право требовать къ себѣ уваженія, которое какъ женщина заслуживаетъ.

Судья. Вы кончили, г. Новосельскій?

Г. Новосельскій. Кончилъ, г. судья.

Судья. А вы, г. Леоновъ, не имѣете ничего прибавить къ тому, что уже сказали въ оправданіе г. Гинне, т. е., что не только не считаете его оскорбившимъ г-жу Шлезакъ, но еще признаете самого его оскорбленнымъ ею, и находите это оскорбленіе въ томъ, что она не уважаетъ его,— и именно тѣмъ, что ему не кланяется? Болѣе ничего къ этому не имѣете прибавить?

Г. Леоновъ. Ничего, г. судья.

Судья. И такъ, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, прежде произнесенія приговора, я, по обязанности своей, предложу вамъ, господа повѣренные, не найдете ли вы какого либо пути къ примиренію вашихъ довѣрителей?

Г. Новосельскій. Я могу согласиться только на одно, чтобы г. Гинне публично, при всѣхъ свидѣтеляхъ призванныхъ сюда, наконецъ, при всѣхъ здѣсь находящихся, испросилъ бы прощеніе у г-жи Гуккъ и у г-жи Шлезакъ.

Г. Леоновъ. Я на это не согласенъ.

Судья. Я даю вамъ время, господа, переговорить между собою.

Судья выходитъ въ канцелярію; засѣданіе пріостанавливается: повѣренные горячо спорятъ между собою. Спустя нѣсколько минутъ, судья снова появляется въ залѣ суда.

Судья (*къ повѣреннымъ*). Не пришли ли вы, господа, къ какому либо соглашенію?

Г. Новосельскій. Г. Леоновъ не согласенъ на мои условія, чтобы г. Гинне испросилъ прощеніе у моихъ довѣрительницъ.

Судья. Если вы не пришли сами къ соглашенію, то не могу ли я быть посредникомъ въ примиреніи? Г. Гинне и г-жа Гуккъ такъ давно знакомы, ихъ связываютъ общіе интересы, — неужели имъ такъ трудно окончить это дѣло миромъ?

Г. Леоновъ. Я не могу признать г. Гинне виновнымъ.

Судья. Вамъ положительно, г. Леоновъ, не угодно примириться на тѣхъ условіяхъ, которыя вамъ предлагаетъ повѣренный г-жи Гуккъ?

Г. Леоновъ. На эти условія я не согласенъ.

Судья. Въ такомъ случаѣ я приступаю къ спросу свидѣтелей.

Г. Новосельскій. Позвольте васъ просить, г. судья, прочесть свидѣтелямъ, до спроса ихъ, статьи, которыми грозитъ законъ за лживыя показанія.

Судья. прочитываетъ эти статьи.

Г. Новосельскій. Прикажите переводчику перевести ихъ.

Принявшій на себя обязанность переводчика, по распоряженію судьи, переводитъ свидѣтелямъ прочтенныя статьи.

Судья (*священнику*). Я прошу васъ, батюшка, привести теперь къ присягѣ свидѣтелей православнаго исповѣданія.

Леоновъ (*поспѣшно*) Г. судья, я не допускаю къ присягѣ родныхъ братьевъ г-жи Шлезакъ: это право мнѣ предоставляется закономъ.

Судья. Братьевъ родныхъ г жи Шлезакъ православнаго исповѣданія здѣсь нѣтъ.

Баронъ Реккъ выходитъ впередъ.

Судья, Прошу васъ, батюшка, внушить свидѣтелю важность присяги въ отношеніи религіозномъ, такъ какъ со стороны гражданской ему уже извѣстна отвѣтственность.

Священникъ дѣлаетъ внушеніе барону Реккъ, послѣ чего приводитъ его къ присягѣ. Судья вызываетъ свидѣтей римско-католическаго исповѣданія.

Судья. Сейчасъ повѣренный г. Гинне заявилъ, что желаетъ отвода нѣкоторыхъ свидѣтелей отъ присяги. Кого именно вы отводите?

Г. Леоновъ. Трехъ братьевъ г-жи Шлезакъ.

Судья прочитываетъ относящуюся къ этому обстоятельству статью.

Г. Новосельскій. Да, они могутъ быть отведены отъ показаній подъ присягой, но они могутъ быть спрошены безъ присяги; ихъ показанія, въ сово-

купности съ присяжными свидѣтельствами, могутъ много способствовать къ разъясненію дѣла.

Пасторъ римско-католической церкви, по предложенію судьи, также дѣлаетъ религіозныя внушенія и затѣмъ приводитъ свидѣтелей-католиковъ къ присягѣ.

Вызывается баронъ Реккъ.

Судья. Потрудитель разскать все, что вы знаете, относящееся до настоящаго дѣла.

Бар. Реккъ (*объясняется плохо по-русски*). Мнѣ сказала г-жа Леонардъ, что ей говорилъ г. Гинне, что она въ неприличныхъ отношеніяхъ со мною... Ну, я пошелъ къ нему объясняться, и онъ отвѣчалъ, что онъ не обо мнѣ говорилъ,—что онъ совсѣмъ имени моего не знаетъ, тогда какъ онъ меня хорошо зналъ, потому что я часто приходилъ въ циркъ и часто съ нимъ разговаривалъ.

Судья повторяетъ его мысль болѣе точнымъ образомъ и спрашиваетъ, то ли онъ хотѣлъ сказать. Баронъ говоритъ, то именно.

Судья. Вы присутсвовали при той непріятности, на которую жалуется г-жа Гуккъ?

Бар. Реккъ. Нѣтъ, я не былъ тогда тамъ, но мнѣ послѣ сказала г-жа Леонардъ, и я пошелъ къ г. Гинне, Г. Гинне мнѣ сказалъ, что онъ сказалъ не обо мнѣ, а о г. Штрейзе, съ которымъ

будто бы была въ связи въ Ригѣ г-жа Шлезакъ. Тогда г. Гинне спросилъ: развѣ я — Штрейзе и говорилъ, что онъ меня совсѣмъ не знаетъ, а онъ меня хорошо знаетъ.

Судья. Что онъ еще сказалъ вамъ?

Бар. Реккъ. Онъ сказалъ, что тотъ, кто мнѣ сказалъ объ этомъ, чтобы я прислалъ къ нему его.., ну, и онъ бранилъ г-жу Шлезакъ.

Судья. Онъ бранилъ ее?

Бар. Реккъ. Да, онъ, сказалъ. что она *дура* и *ослица*. Я не сказалъ, что это она мнѣ сказала, потому что я боялся опять непріятностей ей черезъ то.

Г. Новосельскій. Вы сказали сейчасъ, что потому не объяснили г-ну Гинне, что слышали отъ г-жи Шлезакъ то, что онъ говорилъ о васъ, что боялись опять непріятностей для г-жи Шлезакъ?

Бар. Реккъ. Да, я потому ему это не открылъ.

Судья. Стало быть, г. Гинне вамъ сказалъ, что онъ упрекалъ ее не вами, а г-мъ Штрейзе.

Бар. Реккъ. Да онъ мнѣ это сказалъ.

Г. Леоновъ. Баронъ Реккъ также съ своей стороны отзывался неуважительно о г-жѣ Гинне.

Бар. Реккъ. Я только говорилъ г-ну Гинне, что всегда легко замарать репутацію актрисы и что можно дурно говорить о г-жѣ Гинне, если кто

захочетъ дурно о ней говорить. Больше я ничего не сказалъ.

Г. Леоновъ. Я вижу здѣсь взаимное оскорбленіе, г. судья.

Судья. Г. повѣренный Гинне, не желаете ли вы послѣ показаній перваго свидѣтеля примириться? Мириться никогда не поздно.

Повѣренные сторонъ переговариваются. Послѣднія слова г. Леонова, что онъ не уполномоченъ г-мъ Гинне мириться на условіи испрошенія прощенія у истицъ, прерываются громкимъ звономъ колокольчика судьи.

Судья. Г. повѣренный Леоновъ, я желаю напомнить вамъ, что вы представили мнѣ полную довѣренность отъ вашего довѣрителя. Если же вы не уполномочены, то я попрошу васъ удалиться и вызову самого г. Гинне. (Въ это время г. Гинне оставляетъ залу).

Г. Леоновъ. Нѣтъ, я уполномоченъ, но я не могу согласиться на предложенныя мнѣ условія.

Г. Ноеосельскій. Г. судья, не угодно ли вамъ будетъ обратиться къ самому г. Гинне? Онъ, кажется, здѣсь, — я его сейчасъ видѣлъ. Такъ какъ г. Гинне и г-жа Гуккъ-мать слишкомъ 30 лѣтъ знакомы между собою, то, быть можетъ, онъ охотнѣе пойдетъ на примиреніе чѣмъ его повѣ-

ренный, тѣмъ болѣе, что мужчинѣ никогда не унизительно попросить извиненія у дамы, которую онъ оскорбилъ.

Судья вызываетъ г. Гинне, котораго, послѣ тщательныхъ розысковъ, нигдѣ налицо не оказывается.

Г. Леоновъ. Извольте, я согласенъ на условія, вами предложенныя.

Г. Новосельскій. Вмѣстѣ съ прекращеніемъ настоящаго дѣла, я желаю, чтобы и гражданскій искъ моей довѣрительницы былъ оконченъ, т. е., чтобы г. Гинне не апеллировалъ къ Съѣзду на рѣшеніе г. мироваго судьи.

Судья. Позвольте вамъ напомнить, г. Новосельскій, что сегодня разбирается здѣсь уголовный, а не гражданскій искъ.

Повѣренные еще препираются нѣсколько минутъ, и наконецъ г. Новосельскій уступаетъ: примиреніе заключается на условіяхъ прежде высказанныхъ.

Г. Новосельскій. Я желаю, г. судья, чтобы отвѣтчикъ испросилъ прощеніе у моихъ довѣрительницъ публично, въ присутствіи всей труппы, всѣхъ свидѣтелей и прикосновенныхъ къ дѣлу, наконецъ въ присутствіи всѣхъ желающихъ.

Судья. Я вызову свидѣтелей; могутъ явиться и всѣ желающіе, но, естественно, публикаціи объ

этомъ не будетъ. Вы, г. Леоновъ, потрудитесь пригласить вашего довѣрителя завтра, 19-го января, къ 4-мъ часамъ пополудни, для исполненія условія, вами заключеннаго.

Составляется протоколъ слѣдующаго содержанія:

„1867 года, января 18-го дня, мировой судья Тверскаго участка, по явкѣ въ судъ повѣренныхъ обвинителей и обвиняемаго, и ихъ свидѣтелей, разбиралъ дѣло объ оскорбленіи словами Гуккъ и Шлезакъ отъ Гинне. Повѣренный обвинителя заявилъ, что его довѣрительницѣ нанесено оскорбленіе тѣмъ, что Гинне назвалъ Гуккъ *ослицей и дурой* и уличалъ ее въ неприличныхъ отношеніяхъ съ барономъ Реккъ, — что Гинне долженъ отвѣчать не только за оскорбленіе женщины въ публичномъ мѣстѣ, но и за клевету. Повѣренный обвиняемаго возражалъ, что Гинне оскорбленъ отъ Шлезакъ тѣмъ, что она выразила къ нему явное неуваженіе тѣмъ, что перестала кланяться съ нимъ, что онъ находитъ этотъ поступокъ обиднымъ для Гинне, какъ директора цирка, отъ лица, состоящаго въ зависимости отъ него. Затѣмъ мировой судья предложилъ повѣреннымъ покончить дѣло миромъ, но примиренія, по первому убѣжденію судьи, не состоялось. Приведены были къ присягѣ свидѣтели: баронъ Реккъ — священникомъ

магистромъ Делицынымъ, а остальные свидѣтели — пасторомъ римско-католической церкви св. апостолъ Петра и Павла — Оттенъ. Судья сдѣлалъ вразумленіе свидѣтелямъ о послѣдствіяхъ, какимъ подвергаются лица, дающія ложныя показанія. Спрошенъ былъ въ качествѣ свидѣтеля баронъ Реккъ, который, по приведеніи къ присягѣ, при спросѣ показалъ, что Леонгардъ (Шлезакъ) ему передала, что Гинне упрекалъ ее въ неприличныхъ отношеніяхъ съ нимъ (Реккъ), — что вслѣдствіе этого онъ обратился съ вопросомъ къ Гинне, почему онъ говоритъ такъ; въ отвѣтъ Гинне сказалъ, что онъ упрекалъ Шлезакъ въ связи съ Штрейзе въ Ригѣ, и затѣмъ спросилъ: развѣ я Штрейзе, прибавивъ, что фамиліи его не знаетъ, между тѣмъ какъ онъ, Реккъ, неоднократно посѣщая циркъ, много разъ разговаривалъ съ Гинне и онъ не могъ не знать его. Послѣ показанія свидѣтеля Реккъ, судья принялъ дѣятельныя мѣры для склоненія сторонъ къ примиренію и, по убѣжденію судьи, повѣренные заключили мировую сдѣлку слѣдующаго содержанія: г. Гинне обязывается завтра, т. е. 19-го января, явившись въ судъ въ 4 часа пополудни, публично испросить прощеніе у оскорбленныхъ имъ Гуккъ и Шлезакъ въ присутствіи всѣхъ свидѣтелей, — что

повѣренный Гинне признаетъ своего довѣрителя обязаннымъ испросить это прощеніе, какъ виновнаго, на что и повѣренный Новосельскій изъявилъ полное согласіе, съ тѣмъ, чтобы это дѣло, за испрошеніемъ прощенія, считать навсегда покончennымъ и неподлежащимъ возобновленію. Мировой судья опредѣлилъ: объявить всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ о явкѣ въ судъ на 19-е января, къ 4-мъ часамъ пополудни, обязавъ повѣреннаго Гинне пригласить своего довѣрителя въ судъ для испрошенія прощенія у Гуккъ и Шлезакъ."

„1867 года, января 19-го дня, мировой судья Тверскаго участка, по явкѣ въ судъ Гинне, Гуккъ и Шлезакъ, пригласилъ исполнить обвиняемаго данное его повѣреннымъ обязательство; по приглашенію судьи, Гинне публично испросилъ прощеніе въ нанесенной имъ обидѣ у Гуккъ и Шлезакъ, и обѣ стороны подали другъ другу руки въ знакъ взаимнаго искренняго примиренія. Мировой судья опредѣлилъ: за примиреніемъ дѣлопроизводство прекратить."

5.

Дѣло о крестьянкѣ Маврѣ Волоховой, судившейся за убійство своего мужа, трупъ котораго, разсѣченный на двое, найденъ спрятаннымъ въ погребѣ.

(Окружный судъ).

Въ Московскомъ Окружномъ судѣ 10-го и 11-го февраля 1867 года разсматривалось дѣло объ убійствѣ крестьянкою Маврою Волоховою мужа своего Алексѣя Васильева Волохова. Составъ суда: товарищъ предсѣдателя г. Арсеньева; члены — гг. Анцыферовъ и Устимовичъ; обвиняли товарищъ прокурора Громницкій; защищалъ кандидатъ правъ Кн. Урусовъ.

Вотъ содержаніе обвинительнаго акта: „17-го августа 1866 г. крестьянинъ Московскаго уѣзда, Садовой слободы, Алексѣй Васильевъ Волоховъ, жившій съ женой своею, Маврой Егоровой, и шестилѣтнимъ сыномъ Григоріемъ, въ отдѣльномъ домѣ роднаго своего брата Семена, внезапно и неизвѣстно куда исчезъ изъ дома; 22-го августа Алексѣй Волоховъ былъ найденъ въ принадлежащемъ ему погребѣ надвое перерубленнымъ и со многими знаками наружнаго насилія. По мнѣнію врача, производившаго судебно-медицинскій ос-

мотръ тѣлу убитаго Волохова, смерть его послѣдовала отъ безусловно-смертельныхъ поврежденій, нанесенныхъ тупыми и рубящими орудіями въ голову и шею, и что разсѣченіе тѣла на двѣ половины произведено уже надъ мертвымъ. Въ убійствѣ крестьянина обвиняется жена его, Мавра Егорова, противъ которой, при несознаніи ея въ совершеніи этого убійства, предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружены слѣдующія улики: 1) Вслѣдствіе показанія шестилѣтняго сына Волохова, Григорія, что онъ видѣлъ какъ мать его рубила ручкой топора его отца, что сей послѣдній лежалъ въ то время на полу въ одной изъ верхнихъ комнатъ, въ углу, и не кричалъ, и что на полу была кровь,—сдѣланъ былъ осмотръ той комнаты, гдѣ, по указанію мальчика Григорія, лежалъ его отецъ, и по осмотру найдено, что полъ въ одномъ углу какъ будто присыпанъ по замытому дереву пескомъ и землей, на пространствѣ около трехъ квадратныхъ аршинъ; во многихъ мѣстахъ оказались брызги крови; на обояхъ съ правой стороны лѣваго окна видны также брызги крови, а на нижнемъ лѣвомъ стеклѣ этого окна большая капля крови; въ пазахъ досокъ пола, засыпаннаго пескомъ, видны слѣды крови; по поднятіи четырехъ досокъ пола, въ пазахъ досокъ найдены

подтеки крови, а внизу на пескѣ сгустки крови. Показаніе Мавры Егоровой, что мужъ ея спалъ въ этой комнатѣ на полу послѣ нанесенныхъ будто бы ему наканунѣ Успенія побоевъ, и что у него текла сильно кровь изъ носа и головы на полъ, слѣдствіемъ не подтвердилось. 2) 21-го августа братъ покойнаго Волохова, Терентій, разыскивая внезапно-пропавшаго брата, подошелъ къ его погребу и увидалъ тамъ въ ямѣ Мавру Егорову, которая бросала лопаткой землю и камни въ при-ямникъ погреба, наполненный водой, а жена другаго брата Семена, Авдотья Иванова, слышала въ эти дни съ сосѣдняго двора покойнаго Волохова плескъ отъ воды. Въ этомъ самомъ погребѣ (при-ямникѣ), по отлитіи воды, найденъ былъ перерубленный надвое трупъ Волохова, заваленный множествомъ грязи и камней. 3) По показанію солдатки Марьи Матвѣевой Волоховой, въ то время какъ Терентій Волоховъ полѣзъ въ погребъ искать брата, Мавра Егорова вся поблѣднѣла и даже потъ съ ея лица сталъ капать. 4) Терентій и Семенъ Волоховы и крестьянинъ Аѳанасій Ивановъ показали, что когда вытащили трупъ Алексѣя Волохова изъ погреба, Мавра Егорова, стиравшая въ то время бѣлье, выскочила изъ избы и оробѣла, а когда стали ее арестовывать, то она

обратилась къ двоюродному брату покойнаго своего мужа, Никитѣ Васильеву Волохову, и сказала: „что будетъ мнѣ, то и тебѣ, на одной доскѣ будемъ стоять“. 5) 17-го августа, вечеромъ, Мавра Егорова, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Григоріемъ, ушла изъ дома и ночевала у крестьянина Ивана Прохорова, которому, равно и женѣ его, Ѳеклѣ Алексѣевой, она объясняла, что не можетъ ночевать дома, потому что ее ужасъ беретъ; въ въ домѣ же Прохорова провела она и нѣсколько послѣдующихъ за тѣмъ ночей. 6) Родственники покойнаго Волохова и окольные люди показали, что Мавра Егорова съ мужемъ жила чрезвычайно дурно, постоянно съ нимъ ссорилась и иначе не называла его какъ арестантомъ и мошенникомъ. 7) Всѣ спрошенныя при слѣдствіи лица единогласно высказали подозрѣніе въ убійствѣ Алексѣя Волохова на жену его Мавру Егорову“.

На вопросъ предсѣдателя обвиняемой признаетъ ли она себя виновною, она отвѣчала отрицательно. Затѣмъ приступлено было къ допросу свидѣтелей. Прохоровъ, спрошенный подъ присягою, показалъ, что подсудимая приходила къ нимъ съ 16-го на 17-е августа ночевать съ ребенкомъ, говоря, что она боится оставаться одна, такъ какъ мужъ ея можетъ вернуться домой пьянымъ. Про-

хоровъ показалъ также, что осенью 1865 года Мавра Егорова обвиняла своего мужа въ кражѣ денегъ у Семена Волохова, но весною созналась, что деньги украла она сама и возвратила часть ихъ по принадлежности. Жена Прохорова, Фекла Алексѣева, подтвердивъ первое показаніе своего мужа, добавила, что о кражѣ денегъ она ничего не знаетъ. Никита Волоховъ на допросѣ отвѣчалъ, что, возвращаясь изъ Москвы въ свое село, онъ видѣлъ шагахъ въ полутороста Алексѣя, который шелъ съ какимъ-то мужикомъ изъ трактира и былъ пьянъ. Вскорѣ затѣмъ онъ узналъ отъ своей матери, что Алексѣй куда-то исчезъ. Волоховы жили сначала очень хорошо, но въ послѣдствіи мужъ сталъ пьянствовать, и съ тѣхъ поръ они постоянно ругались другъ съ другомъ, а иногда и дрались. На это сообщеніе предсѣдатель спросилъ: — А вы сами не дрались съ нимъ не задолго передъ Успеньевымъ днемъ? Свидѣтель. Нѣтъ. Подсудимая: Неправда; онъ передъ Успеньемъ дрался съ мужемъ, сильно его избилъ и просѣкъ голову.—Семенъ Волоховъ, который жилъ въ одномъ домѣ съ покойнымъ, показалъ, что на половинѣ, занимаемой его братомъ, онъ Волоховъ, 17-го августа, шума никакого не слыхалъ; когда же выѣхалъ на поле, то увидалъ Алексѣя сидя-

щаго у окна въ трактирѣ. Впрочемъ ему неизвѣстно, когда онъ возвратился домой. Насчетъ покражи денегъ Семенъ Волоховъ подтвердилъ слова Прохорова. Подсудимая замѣтила, что она никогда не обзывала мужа воромъ, что она напротивъ сама украла деньги у снохи, съ которой часто вздорила. Цѣлковыхъ сорокъ изъ нихъ истратила на свекра, а остальныя, по совѣту священника, отдала снохѣ, причемъ послѣдняя поклялась передъ образомъ, что никому не будетъ объ этомъ разсказывать. Передъ допросомъ жены Семена, Авдотьи Ивановой, подсудимая заявила, что такъ какъ присяга не дѣйствуетъ на свидѣтелей, то она желаетъ, чтобы Авдотья Иванова была спрошена безъ оной, что и было исполнено. Свидѣтельница Авдотья Иванова подтвердила показаніе своего мужа, прибавивъ, что она послѣ 17-го августа видѣла, какъ со двора Мавры Егоровой текла вода. На замѣчаніе товарища прокурора, что она на предварительномъ слѣдствіи говорила, что слышала, какъ Мавра Егорова черпала воду изъ погреба, а теперь заявляетъ, что видѣла только какъ она текла, свидѣтельница возразила: „наше дѣло женское; нешто упомнишь? можетъ и слышала“. Подсудимая замѣтила на это, что она дѣйствительно въ тотъ день черпала воду, только не

изъ погреба, а изъ кадки, такъ какъ солила въ то время огурцы. Староста Семенъ Ивановъ подъ присягою показалъ, что худаго за Маврой вообще не замѣчали; мужъ ея жаловался только на то, что она отъ него пьянаго бѣгаетъ. О томъ, что Алексѣй исчезъ, онъ узналъ отъ Мавры, а отъ Терентія слышалъ, что она кидала въ погребъ грязь и камни. Когда они вздумали осмотрѣть погребъ, то вытащили изъ него одну только нижнюю часть тѣла Алексѣя. Туловище покойнаго найдено было позднѣе въ мѣшкѣ, при становомъ приставѣ, когда выкачали изъ погреба воду. Покойный передъ 17-мъ августа никому не жаловался, чтобы его кто-нибудь билъ. — Подсудимая замѣтила, что это неправда, что передъ Успеньевымъ днемъ мужъ жаловался на Никиту, который избилъ его и просѣкъ ему голову, такъ что онъ пролежалъ въ постели 3 дня и ставилъ себѣ банки. „Это можетъ подтвердить и фельдшеръ Козыревъ и другіе, которые знаютъ да молчатъ, потому что боятся, чтобы ихъ не притянули къ суду“. Терентій Волоховъ подъ присягою показалъ, что войдя на дворъ къ Маврѣ, онъ увидѣлъ, что она бросаетъ въ погребъ грязь да камни; заподозривъ Мавру въ убійствѣ мужа, онъ полѣзъ въ погребъ и ощупалъ тамъ что-то мягкое, о чемъ и заявилъ

старостѣ. Подсудимая возразила, что она дѣйствительно бросала въ тотъ день въ приямникъ разную дрянь, выбирая изъ нея чурки для топки. Свидѣтельница Марья Алексѣева показала, что подсудимая въ то время, какъ искали трупъ ея мужа, пила сначала чай, а потомъ стирала бѣлье въ избѣ и, услыхавъ, что ея мужа нашли, вся вспотѣла и покраснѣла. На замѣчаніе г. товарища прокурора, что прежде она показывала, будто Мавра поблѣднѣла, свидѣтельница отвѣчала: „я говорила, что она въ лицѣ измѣнилась“. Афанасій Ивановъ показалъ, что покойный Волоховъ былъ очень не смиренъ и въ пьяномъ видѣ часто дрался съ женой; когда же бывалъ трезвъ, то всегда отличался нравомъ весьма кроткимъ. Относительно отысканія трупа, Прохоровъ, Семенъ и Никита Волоховы подтвердили сказанное прежними свидѣтелями. На вопросъ защитника, гдѣ провелъ Никита ночь на 17-е августа, Никита отвѣчалъ, что не помнитъ—не то былъ караульнымъ въ селѣ, не то дома.

За тѣмъ былъ прочтенъ осмотръ верхней комнаты избы, гдѣ жила Мавра. Въ осмотрѣ значилось, что въ комнатѣ, оказались слѣды крови и полъ былъ замытъ. Подсудимая заявила, что кровавые слѣды образовались отъ того, что у ея му-

жа послѣ побоевъ текла изъ носу и изъ головы кровь. Полъ она замыла, потому что пьянаго мужа ея тошнило. Далѣе былъ прочитанъ медицинскій осмотръ тѣла Волохова, причемъ г. Добровъ замѣтилъ, что раны были нанесены по крайней мѣрѣ тремя орудіями: раны въ голову рубящимъ орудіемъ, вѣроятно топоромъ, рана уха острымъ, вѣроятно шиломъ или долотомъ, а тѣло перерѣзано вѣроятно ножемъ. Г. Соколовъ, согласился съ мнѣніемъ г. Доброва и на вопросъ защитника, какъ сильно могло быть кровотеченіе у покойнаго, замѣтилъ, что при подобныхъ ранахъ потеря крови бываетъ вообще значительная. Пятилѣтній сынъ Волоховыхъ, Григорій, показалъ, что онъ видѣлъ, какъ его мать била отца ручкой топора, безъ желѣза. Онъ впрочемъ никому объ этомъ не сказалъ, кромѣ дядей; сверхъ того онъ видѣлъ отца въ погребѣ. Подсудимая замѣтила, что мальчикъ говоритъ по наущенію дядей, которые стали теперь его опекунами. Она добавила, что въ ея присутствіи старшина дарилъ Григорію конфеты и пряники и что это видѣли Терентій и староста; послѣдніе однако не подтвердили ея словъ. Затѣмъ былъ прочитанъ осмотръ дома Волоховыхъ, составленный слѣдователемъ въ немъ говорилось, что въ верхней комнатѣ найдены были слѣды

крови, и при поднятіи пола въ пазахъ кровяные сгустки. Кромѣ того часть пола замыта. Изъ осмотра того же дома, составленнаго по просьбѣ защитника членомъ суда г. Анцыферовымъ, оказалось, что лѣстница, ведущая въ верхнюю комнату, до такой степени крута, что безъ посторонней помощи подняться по ней чрезвычайно трудно; вышиной она въ $4^1/_2$ аршина и имѣетъ 10 ступенекъ. Защитникъ замѣтилъ приэтомъ, что если взрослые крестьяне едва могли подняться по ней въ его присутствіи, то трудно допустить, чтобы на это былъ способенъ ребенокъ. Членъ суда г. Анцыферовъ: Я не ручаюсь за то, чтобы лѣстница была та же самая, что и въ августѣ. Староста: „Та же самая“. Подсудимая показала, что такъ какъ эта лѣстница дѣйствительно очень неудобна, то мужъ ея бывалъ въ верхней комнатѣ рѣдко, и то въ случаѣ болѣзни; тамъ онъ между прочимъ лежалъ послѣ побоевъ. Затѣмъ было прочтено микроскопическое изслѣдованіе пятенъ, произведенное химикомъ Клейномъ. По его показанію, пятна, найденныя въ верхней комнатѣ Волоховыхъ, кровяныя; но рѣшить нельзя, человѣческая эта кровь или нѣтъ. Это мнѣніе подтвердилъ и г. профессоръ Лясковскій.

Свидѣтель Козыревъ подъ присягою показалъ, что онъ ставилъ въ нижней комнатѣ банки покойному Волохову, за недѣлю до его смерти; больной жаловался на приливы крови къ головѣ, но знаковъ побой онъ на немъ не замѣтилъ. Подсудимая возразила, что это невозможно; „да и зачѣмъ, добавила она, здоровый будетъ ставить банки? Кабы не въ погребѣ мужа-то нашли такъ можетъ еще человѣкъ 8 или 9 притянули бы къ суду“. Братъ подсудимой Горбачевъ, спрошенный безъ присяги, показалъ, что мальчикъ Григорій признался ему, что его подучилъ дядя Семенъ оговорить свою мать. Свидѣтели Максимъ Мамоновъ и жена его Аксинья показали, что Мавра Егорова ночевала у нихъ въ началѣ августа, когда они были въ Троицкой лаврѣ, и прежде не разъ ходила къ нимъ на ночевку, когда ея мужъ былъ пьянъ. Въ субботу 20-го августа весь день у нихъ провела. Подсудимая, подтвердивъ показаніе этихъ свидѣтелей, сказала, что она была у Прохоровыхъ въ четвергъ, пятницу и воскресенье. Прохоровы отвергли это показаніе, заявивъ, что 19-го августа Мамоновыхъ не было дома, потому что они возили сѣно. Такъ какъ въ этотъ день празднуется явленіе иконы Донской Божіей Матери, то защитникъ спросилъ Прохорова: рабо-

таютъ ли они въ деревняхъ по праздникамъ? Прохоровъ отвѣчалъ: нѣтъ. Защ. стало быть и въ Донскую не работали? Прох. Должно быть такъ. Только я помню, что я въ тотъ день сѣно возилъ. По словамъ старосты, у нихъ въ деревняхъ по праздникамъ работаютъ. По окончаніи этихъ допросовъ прочтенъ былъ повальный обыскъ о подсудимой, изъ коего можно было вывести заключеніе, что подсудимая была жизни честной, но нерѣдко ругала своего мужа.

Г. защитникъ въ своей рѣчи опровергалъ улики, выставленныя г. товарищемъ прокурора. Противъ выраженнаго имъ мнѣнія, что народный голосъ рѣдко ошибается, г. защитникъ возразилъ, что въ жизни происходитъ совершенно другое. Народный голосъ есть воплощенное подозрѣніе, которое часто вредитъ крестьянину. Трупъ найденъ въ погребѣ; убитый жилъ несогласно съ своей женой,—слѣдовательно жена его убила: вотъ народная логика. Никто изъ свидѣтелей не сказалъ, чтобы видѣлъ Волохова 17-го августа вернувшимся додой; между тѣмъ часа въ два, въ три его видѣли пьянымъ на улицѣ; но ночевалъ ли онъ дома, былъ ли онъ дома 17-го августа, мы не знаемъ. Мы даже можемъ утверждать, продолжалъ г. защитникъ, что Волоховъ не былъ вечеромъ дома 17-го августа.

Вы слышали, гг. присяжные, что Волоховъ, когда бывалъ пьянъ, шумѣлъ и дрался, и живущій въ одномъ съ нимъ домѣ братъ Семенъ, непремѣнно бы слышалъ возвращеніе Волохова, такъ какъ членъ суда, производившій осмотръ, удостовѣряетъ, что изъ одной половины дома слышно было даже разговоръ въ другой половинѣ; догадываться же, что Волоховъ, вернувшись пьянымъ, заснулъ и былъ убитъ соннымъ,—догадываться въ такихъ важныхъ вещахъ мы не имѣемъ права. Если допускать догадки, то, основываясь на словахъ эксперта г. Доброва, что пятна на рукѣ убитаго могли быть отъ схвата рукою, даютъ поводъ думать, что смерть была причинена Волохову въ дракѣ. Показаніе мальчика, продолжалъ г. защитникъ, ясно-искуственно. Онъ сознавался дядѣ, что былъ наученъ. Если бы мальчикъ дѣйствительно видѣлъ то что показалъ на судѣ, то странно, почему же онъ отъ 17-го до 22-го августа никому объ этомъ не говорилъ. Изъ того, что мальчикъ смѣшиваетъ время, изъ того, что онъ говоритъ, что видѣлъ отца въ комнатѣ и въ погребѣ, я заключаю, что онъ былъ подученъ кѣмъ либо. Мальчикъ могъ легко видѣть, какъ лежалъ пьянымъ его отецъ и у него текла изъ носу кровь. Здѣсь выдумкой является только то, что онъ видѣлъ ручку топо-

ра въ рукахъ матери. Въ числѣ уликъ, г. товарищъ прокурора выставилъ на видъ то обстоятельство, что подсудимая 17-го августа не ночевала дома, что онъ объясняетъ боязнію ея остаться при трупѣ; но изъ показаній свидѣтелей вы видѣли, что она и прежде часто не ночевала дома. Почему, уходя, она не запирала воротъ, это болѣе чѣмъ ясно: ей нечего было запирать, да ей было и неудобно снаружи запереть ворота внутреннимъ запоромъ. Изъ словъ гг. экспертовъ вы могли, гг. присяжные, продолжалъ защитникъ, вывести заключеніе, что кровотеченіе изъ трупа убитаго должно было быть очень обильное; между тѣмъ въ верхней комнанѣ найдено очень немного слѣдовъ крови, нельзя допустить, чтобы кровь была смыта; потому что полъ былъ замытъ только на три квадратныхъ аршина, и что въ пазахъ пола не было найдено большихъ сгустковъ крови, тогда какъ свѣжая кровь, какъ подтвердилъ это г. экспертъ, размывается на очень большое пространство. Слѣды же крови, найденные въ верхней комнатѣ, могли быть или отъ ставки банокъ, или отъ кровотеченія изъ носу. Г. прокуроръ, продолжалъ защитникъ, выставилъ уликою противъ подсудимой ея нравственныя качества; мнѣ кажется, что едва ли такая улика можетъ гово-

рить противъ подсудимой. Она прожила съ мужемъ 9 лѣтъ, съ мужемъ пьяницей, который рѣдко ночевалъ дома; сама она часто не ночевала дома. Мудрено ли молодой женщинѣ тутъ увлечься? между тѣмъ на повальномъ обыскѣ всѣ показали, что она женщина честнаго поведенія, никогда не нарушавшая долга жены. Я долженъ прибавить къ этому, что она, по закону имѣя право отводить отъ показанія на повальномъ обыскѣ подозрительныхъ лицъ, никого не отвела; здѣсь на судебномъ слѣдствіи она требовала, чтобы всѣ свидѣтели были спрошены подъ присягою, хотя, продолжалъ защитникъ, я предупреждалъ ее вчера, что свидѣтелю, спрошенному безъ присяги дается менѣе вѣры; она мнѣ отвѣчала: „авось они оглянутся на себя и покажутъ правду.“ Г. прокуроръ выставляетъ въ числѣ уликъ то, что она бранилась съ мужемъ, называла его жуликомъ и каторжникомъ; но мы должны вспомнить, что въ просторѣчіи ругательныя слова, болѣе рѣзкія, употребляются слишкомъ часто; да и какъ могла она хладнокровно относиться къ развратному виду пьянаго мужа? Относительно того, что трупъ былъ найденъ въ погребѣ, г. защитникъ замѣтилъ, что кинуть трупъ въ погребъ не представляло особенныхъ затрудненій: погребъ отъ воротъ

находился въ 7-ми шагахъ, всѣ знали, что домъ не запирается. Часть трупа была найдена въ мѣшкѣ, тогда какъ мы знаемъ, что у подсудимой въ домѣ не было мѣшка: она, когда солила огурцы, брала мѣшокъ у сосѣдей; раны были нанесены 3-мя родами оружія: топоромъ, ноженъ и шиломъ; ни ножа, ни шила въ домѣ Волоховыхъ не было найдено. Что подозрѣнія возможны были противъ подсудимой, продолжалъ защитникъ, я не спорю. Но чтобы былъ произнесенъ обвинительный приговоръ, законъ требуетъ, чтобы преступленіе было несомнѣнно, а всякое сомнѣніе должно быть обращено въ пользу обвиняемой. Затѣмъ, указавъ на случаи судебныхъ ошибокъ, часто встрѣчающіеся въ Уголовной практикѣ, г. защитникъ закончилъ свою рѣчь словами: „я, гг. присяжные, не прошу у васъ смягчающихъ обстоятельствъ для подсудимой; я убѣжденъ, что вы ее оправдаете.

Затѣмъ, послѣ полуторачасовой рѣчи г. предсѣдателя, въ которой онъ разсказывалъ обстоятельства дѣла и разъяснялъ присяжнымъ силу доказательствъ,—присяжные удалились въ залу совѣщаній и, возвратившись черезъ 10 минутъ, на вопросъ суда:—виновна ли подсудимая крестьянка Мавра Егорова въ предумышленномъ убійствѣ

мужа своего Алексѣя Волохова, отвѣчали: *нѣтъ, не* виновна.

6.

Дѣло объ оскорбленіи канцелярскимъ служителемъ Хлѣбутинымъ, жены и малолѣтней дочери коллежскаго секретаря Гроссъ.

(Мировой судъ.)

10-го апрѣля 1867 года въ Московскомъ мировомъ съѣздѣ 1-го округа разсматривалось дѣло объ оскорбленіи канцелярскимъ служителемъ Хлѣбутинымъ, жены и малолѣтней дочери г. Гроссъ. Обстоятельства этаго дѣла слѣдующія:

Въ ночь съ 5 на 6 февраля, г-жа Гроссъ вмѣстѣ съ тринадцатилѣтнею дочерью своею возвращалась изъ театра. Проходя Большой Каменный мостъ, онѣ замѣтили, что у будки рядомъ съ часовымъ стоялъ какой-то человѣкъ въ нетрезвомъ видѣ. Человѣкъ этотъ, увидѣвъ ихъ, побѣжалъ за ними и, догнавъ г-жу Гроссъ, схватилъ ее за плечо „стой! ты это откуда идешь“? крикнулъ онъ ей, причемъ обругалъ ее неприличными словами. Увидѣвъ это, дочь г-жи Гроссъ въ испугѣ побѣжала къ будкѣ; но тотъ бросился и за нею, догналъ ее и схватилъ за воротъ такъ сильно,

что оторвалъ у ворота петли, затѣмъ обратясь къ часовому закричалъ: „Николаевъ, тащи ихъ въ будку!“ На женскій крикъ явился старшій городовой Мальбродскій и, остановивъ неизвѣстнаго, вмѣстѣ съ Николаевымъ сталъ успокоивать перепугавшихся дамъ. Неизвѣстный буянъ оказался надзирателемъ Врачебно-полицейскаго комитета Хлѣбутинымъ.

Дѣло объ этомъ по жалобѣ г-жи Гроссъ разбиралось сначала у мироваго судьи Якиманскаго участка 28 февраля. Хлѣбутинъ на судѣ далъ показаніе такого рода: По обязанностямъ службы, въ ночь на 6-е февраля онъ сидѣлъ въ каменномостской будкѣ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Николаевымъ: Въ это время проходившая мимо съ дочерью г-жа Гроссъ обругала его безъ всякаго съ его стороны повода жуликомъ, и онъ, чтобы убѣдить ихъ, что онъ не жуликъ, подвелъ ихъ только къ будкѣ. Свидѣтель, старшій городовой Мальбродскій подъ присягою показалъ, что вышелъ изъ будки, услыхавши крикъ и увидѣлъ дочь г-жи Гроссъ въ страшномъ испугѣ, которая объяснила ему, что ихъ грабятъ, въ ту же минуту подошла и сама г-жа Гроссъ въ сопровожденіи Хлѣбутина, котораго она называла жуликомъ и разбойникомъ. Хлѣбутинъ былъ выпивши. Дру-

гой свидѣтель, унтеръ-офицеръ Николаевъ далъ показаніе сходное съ показаніемъ Мальбродскаго, прибавивъ только, что не слыхалъ: бранила-ли г-жа Гроссъ Хлѣбутина, и что этотъ послѣдній приказывалъ Николаеву взять обѣихъ Гроссъ въ будку. Хлѣбутинъ дополнилъ первое показаніе, объяснивъ, что дѣйствитѣльно приказывалъ унтеръ-офицеру Николаеву взять въ будку г-жу Гроссъ и ея дочь за то, что г-жа Гроссъ называла его жуликомъ. Мировой судья, руководствуясь 119 ст. Уст. Уг. Суд. и 142 ст. Уст. о наказ. налаг. миров. суд. подвергнуть Хлѣбутина трехъмѣсячному аресту при Московскомъ городскомъ арестантскомъ домѣ.

На это рѣшеніе мироваго судьи Якиманскаго участка изъ дворянъ канцелярскій служитель Хлѣбртинъ принесъ въ Мировой съѣздъ аппеляціонную жалобу. Вотъ ея содержаніе:

„Исполняя служебныя обязанности отыскивать развратницъ, я съ 5 на 6 февраля, въ 12-мъ часу ночи, пришедши къ Большому Каменному мосту, сталъ напротивъ будки съ унтеръ-оъицеромъ Николаевымъ надзирать: не пройдутъ-ли женщины вольнаго обращенія изъ трактира „Волчья Долина“ Тверской части 1-го квартала, купца Сидорина, куда ходятъ распутницы. Увидавъ двухъ

женщинъ, идущихъ отъ сказаннаго трактира, т. е. съ Тверской стороны, чрезъ мостъ въ темнотѣ ночи и на разстояніи ширины моста я счелъ проходящихъ за женщинъ вольнаго обращенія, и тѣмъ болѣе, что проходившія между собою о чемъ-то крупно говорили и смѣялись. Я отошелъ отъ Николаева на другую сторону въ разстояніи двухъ шаговъ, чтобъ удостовѣриться не женщины-ли онѣ вольнаго обращенія, которымъ хожденіе по Каменному мосту, во избѣжаніе разныхъ нахальствъ и безчиній, воспрещается, во исполненіе приказанія г. полиціймейстера 1-го отдѣленія. Взглянувъ въ лицы проходящихъ, я увидалъ, что онѣ не женщины вольнаго обращенія; но женщина, которая была съ дѣвочкой и оказалась послѣ г-жа Гроссъ, сказала мнѣ: что ты, жуликъ, грабить что-ли хочешь насъ? При этомъ дочь ея также бросилась къ будкѣ и стала также кричать, чго я жуликъ. Я обратился къ г-жѣ Гроссъ, говоря ей, что вамъ такъ совѣстно ругаться, но она не остановилась. Тогда, чтобы удостовѣрить Гроссъ, я пригласилъ стоявшаго на посту Николаева, говоря ему: „*Николаевъ! поди, сходи и скажи имъ: какой я жуликъ!*“ На шумъ г-жи Гроссъ вышелъ изъ будки старшій городовой Мальбродскій и сказалъ ей, *чтобы она не признавала меня та-*

кимъ именемъ; но она, не обращая вниманія на Мальбродскаго, продолжала поносить меня грабителемъ и жуликомъ. Я, видя сумасшедшій поступокъ ея, не отвѣчалъ ничего въ отвѣтъ на ея брань и она съ дочерью пошли, повторяя свои ругательства. Если-же мои прежнія показанія были настолько невѣроятны, то это произошло отъ того, что во время вопросовъ г. мировымъ судьею я былъ совершенно растерянъ и даже не помню что подписывалъ".

Сверхъ того на рѣшеніе мироваго судьи послѣдовалъ протестъ Московскаго Врачебно-полицейскаго комитета о неподсудности этого дѣла мировымъ учрежденіямъ; г. товарищъ прокурора также заявилъ было протестъ; но впослѣдствіи взялъ его обратно, и такимъ образомъ дѣло это поступило на разсмотрѣніе мироваго съѣзда. Вмѣсто г-жи Гроссъ на судъ явился повѣренный ея князь А. И. Урусовъ.

На вопросъ предсѣдателя Хлѣбутину, что можетъ сказать онъ въ свое оправданіе, Хлѣбутинъ повторилъ все то, что значится въ его жалобѣ.

Князь Урусовъ. Я считаю лишнимъ отвѣчать г. Хлѣбутину. Что онъ нанесъ оскорбленіе моей довѣрительницѣ въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: онъ въ этомъ и самъ сознался, подпи-

савъ протоколъ, въ которомъ именно сказано: „подвелъ г-жу Гроссъ вмѣстѣ съ дочерью къ будкѣ".

Хлѣбутинъ. Я поступалъ такъ по должности и меня долженъ судить комитетъ.

Князь Урусовъ. Я не признаю должностными лицами сыщиковъ и надзирателей за публичными женщинами.

Хлѣбутинъ. Я не позволю вамъ оскорблять себя.

Предсѣдатель останавливаетъ судоговореніе и товарищъ прокурора въ своемъ заключеніи признаетъ это дѣло вполнѣ подсуднымъ мировымъ учрежденіямъ. Мировой Съѣздъ опредѣлилъ: на основаніи 16, 135 и 142 ст. Уст. о наказ. налаг. мир. суд. подвергнуть канцелярскаго служителя Хлѣбутина аресту на три мѣсяца при городскомъ арестантскомъ домѣ.

Хлѣбутинъ рѣшеніемъ этимъ остался недоволенъ.

7.

Дѣло о крестьянинѣ Петрѣ Ѳедоровѣ, обвинявшемся въ сооруженіи новой раскольничьей часовни.

(Окружный судъ.)

Дѣло это началось 20 декабря 1867 года. Предсѣдательствовалъ В. М. Щепкинъ; обвинялъ то-

варищъ прокурора Орловскій; защищалъ кандидатъ правъ князь А. И. Урусовъ.

Вотъ содержаніе обвинительнаго акта:

„Московское епархіальное начальство сообщило Московскому губернатору, что у проживающаго въ деревнѣ Селиванихѣ вольноотпущеннаго крестьянина Петра Ѳедорова Иванова, позади его двора, выстроена каменная раскольническая часовня съ царскими дверьми, престоломъ, жертвенникомъ и клиросами, въ которой служитъ, въ праздничные дни, обѣдни лжепресвитеръ австрійскаго рукоположенія, егорьевскій временный купецъ, Семенъ Епифановъ Смирновъ, вслѣдствіе чего просило: виновныхъ предать отвѣтственности и принять мѣры къ прекращенію явнаго соблазна. Изъ осмотра, произведеннаго судебнымъ слѣдователемъ, видно, что позади двора означеннаго крестьянина Иванова, между другими строеніями, находится каменное, вновь выстроенное, зданіе, имѣющее снаружи видъ фабричнаго корпуса. Внутри это зданіе представляетъ одну большую комнату, раздѣленную аркою на двѣ половины; посреди зданія выведенъ куполъ, откуда свѣшано мѣдное паникадило о 24 свѣчахъ, по бокамъ два клироса, возвышеніе о трехъ ступеняхъ съ амвономъ, иконостасъ съ царскими дверьми;

за иконостасомъ комната, назначенная для алтаря, а въ ней противъ царскихъ дверей столъ, покрытый пеленою, а по лѣвую сторону отъ означеннаго стола другой столъ, покрытый также пеленою; утвари же церковной и шкафовъ, въ коихъ могла бы оная храниться, нѣтъ. Петръ Ѳедоровъ Ивановъ судебному слѣдователю показалъ, что онъ старообрядецъ, по Рогожскому кладбищу. Находящееся у него позади двора каменное зданіе началось постройкою года два тому назадъ и кончено въ 1864 году; выстроено то зданіе на его собственныя средства и сперва предназначалось для жилья, а потомъ по его усердію и по просьбѣ стариковъ односеленцевъ, обращено въ часовню, которая освящена никѣмъ не была и богослуженіе въ ней священниками не совершается, а только сходятся односеленные крестьяне въ извѣстные часы на молитву, причемъ публичности не допускается. Семенъ Епифановъ Смирновъ объяснилъ, что онъ, во вновь выстроенной часовнѣ въ деревнѣ Селиванихѣ, никогда никакихъ богослуженій не совершалъ. Крестьяне деревни Селиванихи, въ числѣ 13 человѣкъ, объяснили, что односеленный крестьянинъ Петръ Ѳедоровъ „по своему усердію уступилъ для часовни вновь выстроенное имъ на своемъ дворѣ камен-

ное зданіе и приспособилъ оное къ часовнѣ", и что часовни этой „никто не освящалъ и священническаго богослуженія въ ней не производится", и что въ ту часовню ходятъ молиться ихъ односеленцы. Соображая обстоятельства сего дѣла и принимая вовниманіе, что Петръ Ѳедоровъ вполнѣ сознался, что онъ выстроилъ на свои средства каменное зданіе, которое и обратилъ въ раскольническую часовню, товарищъ прокурора полагаетъ, что Ѳедоровъ за таковый поступокъ, по силѣ 206 ст. улож. о наказ. уголов. и исправ. и 200 ст. уголов. судопр., подлежитъ обвиненію суда".

Петръ Ивановъ (на вопросъ предсѣдателя). Да, часовню я точно выстроилъ. Сознаю правду; какъ было, такъ и говорю. На старости лѣтъ захотѣлъ почтить Господа Бога молитвой... какая же тутъ вина, судьи милостивые?! Вѣдь мы не нехристи какіе. Жиды, Армяне разные—и тѣмъ не мѣшаютъ молиться... чѣмъ же мы-то хуже, Господи! И за царя мы молимся. Общественнаго богослуженія у насъ не было, и никакой пресвитеръ не служилъ... а ко мнѣ свои ходили: икону принесутъ, помолимся и пойдемъ. Кому мы въ помѣху?

Предсѣд. Извѣстно ли вамъ было, что законъ не дозволяетъ строить и возобновлять ваши молельныя?

Подсуд. Да намъ въ тѣ поры легче стало, не такъ строго взыскивали. Мы и думали—Богъ дастъ, смилуются. Я для Бога готовъ всѣмъ отвѣчать, только вы часовню оставьте, судьи милостивые. А со мной—что̀ хотите.

Предсѣд. Посторонніе имѣли свободный ходъ въ часовню?

Подсуд. Посторонпихъ не было совсѣмъ, а случится придутъ свои,—точно что приходили. Вѣдь она у меня давно, только теперь вотъ помѣшала. Я Богу отвѣтъ дамъ.

Предсѣдатель далъ слово тов. прокурора, который повторилъ вкратцѣ обвинительный актъ, требуя примѣненія къ настоящему случаю ст. 206 ул. о нак.

Защитникъ. „Гг. судьи, вамъ предстоитъ по совѣсти рѣшить судьбу старца-старовѣра, готоваго принять всякую кару во имя своихъ религіозныхъ убѣжденій. Не дикій фанатизмъ, не рьяное распространеніе религіозной нетерпимости встрѣчаете вы здѣсь: нѣтъ, это человѣкъ, который оказывается преступникомъ потому только, что построилъ церковь и въ ней молился Богу—тому же Богу, кому молятся всѣ русскіе люди. Что можетъ сказать въ подобномъ случаѣ юристъ, привычный къ строгому разбору того произведе-

нія злой воли человѣка, которое называется преступленіемъ? Гдѣ будемъ мы искать злой умыселъ?—Онъ — въ намѣреніи построить храмъ и тайно молиться? Гдѣ же злое дѣло, гдѣ преступный фактъ? Умолкаетъ юридическая мысль, безмолвствуетъ обезоруженное право, не находя необходимыхъ условій, внѣ которыхъ уголовное дѣяніе, по теоріи, немыслимо. Право—область чисто-человѣчной мысли,—той мысли, которая ищетъ своихъ идеаловъ въ цивилизаціи и въ безконечномъ развитіи человѣчества. Но что можетъ быть дороже цивилизаціи, какъ не свобода совѣсти? Вотъ; гг. судьи, мысли невольно возбуждаемыя настоящимъ дѣломъ. Но вы не законодатели, а судьи. Вы только примѣняете законъ, но примѣняете его по совѣсти. Позвольте же мнѣ обратить ваше вниманіе на то, что ст. 206, повидимому, стремится преградить распространеніе старовѣрческихъ ученій въ средѣ населенія, исповѣдующаго догматы господствующей церквы Но село Селиваниха представляетъ сплошное старовѣрческое населеніе и ничѣмъ не доказано, чтобы богослуженіе въ часовнѣ Петра Иванова происходило съ внѣшнимъ оказательствомъ. Напротивъ, все предварительное слѣдствіе говоритъ противъ обвиненія, выраженнаго въ отношеніи духовнаго

начальства. Отсюда я заключаю, что вредныхъ послѣдствій дѣяніе Иванова не имѣло. Вы также оцѣните его трогательное, дѣйствительно чистосердечное признаніе. Но взглянемъ теперь на дѣло съ другой стороны. Подсудимый объясняетъ, что противузаконность его преступленія (если можно такъ выразиться) не была ему положительно извѣстна. И въ самомъ дѣлѣ, русское правительство всегда признавало принципъ вѣротерпимости относительно иновѣрцевъ. Было время, именно въ 1800 году, когда и старообрядцамъ дозволено было устраивать церкви, какъ это видно изъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 25 января 1829 г. Милостивыя слова, обращенныя Государемъ Императоромъ къ представителямъ московскихъ старообрядцевъ, принадлежащихъ, подобно Иванову, къ Рогожскому кладбищу, дали имъ надежду на лучшіе дни. Дѣйствительно, мѣры нынѣшняго царствованія, со времени циркуляровъ 1858 года, внесли много гуманныхъ началъ въ область административныхъ дѣйствій по части раскола. Неудивительно, что, принося молитвы за Царя, подсудимый полагалъ, что можетъ быть и законъ такой опять вышелъ, который дозволяетъ строить молельни. При недостаточномъ знакомствѣ крестьянъ съ движеніемъ законодатель-

ства, такое заблужденіе не лишено вѣроятности. Вотъ почему, гг. судьи, я смѣю думать, что, отнесясь съ полнымъ снисхожденіемъ къ одному изъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ законъ можетъ придти въ столкновеніе съ чистою справедливостью, вы поступите вполнѣ согласно съ просвѣщенными и гуманными государственными мѣрами новаго времени. Гг. судьи! Вы держите въ рукахъ драгоцѣнное право: въ случаяхъ особой важности, обращаться, чрезъ г. министра юстиціи, къ Императорскому Величеству и ходатайствовать о помилованіи подсудимаго. Можетъ ли быть случай, въ которомъ это священное право было бы умѣстнѣе, было бы необходимѣе чѣмъ въ настоящемъ дѣлѣ?! Пусть же въ вашемъ приговорѣ раздадутся, на ряду съ словами закона, слова цивилизаціи и христіанскаго мира,—и благословенія тысячи людей отвѣтятъ на приговоръ уголовнаго суда".

Подсудимый добавилъ только, что онъ съ радостью готовъ куда угодно, но проситъ пощадить часовню.

По настоящему дѣлу былъ объявленъ 4-го января 1868 года слѣдующій приговоръ.

„Изложивъ обстоятельства дѣла, Окружнѣй судъ, по соображеніи ихъ съ законами, находитъ, что крестьянинъ Петръ Ѳедоровъ Ивановъ, собствен-

нымъ сознаніемъ, вполнѣ сходнымъ съ обстоятельствами дѣла, изобличается въ построеніи вновь раскольничьей часовни, въ которой хотя и не доказано, чтобы совершалось публичное богослуженіе, но тѣмъ не менѣе самое построеніе такого зданія раскольникомъ, съ молитвенною цѣлію, подходитъ подъ дѣйствіе 206-й ст. ул. о нак., коею опредѣляется для изобличенныхъ въ семъ поступкѣ тюремное заключеніе отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Въ настоящемъ случаѣ, принимая во вниманіе чистосердечное сознаніе подсудимаго, а также и то, что отъ его дѣйствія не произошло никакихъ вредныхъ послѣдствій, ибо оно не послужило ни къ соблазну православныхъ, ни къ распространенію ученія раскола—судъ полагаетъ справедливымъ, руководствуясь ст. 135 улож. о нак. и 774 уст. уголов. суд., уменьшить назначенное 206 ст. улож. наказаніе на двѣ степени и назначить оное по 3-й степени 38 ст. ул. въ низшей мѣрѣ, т. е. подвергнуть его заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца, сверхъ того, все имъ устроенное подвергнуть сломкѣ, принадлежности богослужебныя изъ часовни отобрать, и иконы, сообразно III пункту циркулярнаго предписанія министра внутреннихъ дѣлъ, представить въ московскую ду-

ховную консисторію. Но назначая наказаніе подсудимому по закону, судъ не можетъ не остановиться на нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствахъ дѣла, могущихъ служить къ значительному облегченію его участи. Преклонность его лѣтъ дѣлаетъ для него особенно труднымъ перенесеніе тюремнаго заключенія; самое его дѣйствіе имѣло источникомъ ревность къ вѣрѣ, хотя ложно понимаемой и толкуемой. Обстоятельства дѣла не показываютъ, да и нельзя предполагать, чтобы построеніе имъ часовни имѣло цѣлію совращеніе православныхъ въ расколъ, такъ какъ въ обитаемой имъ мѣстности все населеніе состоитъ изъ раскольниковъ. Наконецъ подсудимый, имѣя въ виду бо́льшую терпимость правительства въ отношеніи къ заблуждающимся, легко могъ придти къ убѣжденію, что предпринимаемая имъ постройка есть дѣяніе по существу своему не противозаконное, тѣмъ болѣе что онъ принадлежитъ къ поповщинскому толку—наиболѣе безвредному изъ раскольничьихъ заблужденій. По симъ основаніямъ, имѣя въ виду наименованныя особыя уваженія къ облегченію участи подсудимаго, судъ, согласно 775 ст. уст. уг. суд., признаетъ справедливымъ ходатайствовать чрезъ министра юстиціи предъ Его Императорскимъ Величествомъ о за-

мѣнѣ слѣдующаго подсудимому Иванову по закону тюремнаго заключенія сдѣланіемъ ему приличнаго къ его поступку внушенія, съ сохраненіемъ, относительно выстроеннаго имъ зданія и богослужебныхъ предметовъ въ немъ заключающихся, послѣдствій, предусмотрѣнныхъ 206 ст. ул. о нак. На основаніи всего вышеизложеннаго, московскій Окружный судъ опредѣлилъ: подсудимаго вольноотпущеннаго Петра Ѳедорова Иванова 82 лѣтъ, признавъ виновнымъ въ постройкѣ каменнаго зданія, которое обратилъ въ раскольническую часовню, на основаніи улож. о наказ. ст. 206 и 38 степени 3-й, подвергнуть тюремному заключенію на два мѣсяца, согласно ст. 135 улож. и ст. 774 уст. угол. суд.; сверхъ того, все зданіе подвергнуть сломкѣ съ продажею матеріаловъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія; иконы же и другіе предметы, относящіеся къ богослуженію, препроводить въ московскую духовную консисторію на ея распоряженіе. Но принимая въ соображеніе ст. 133 и 134 ул. и ст. 775 уст. уг. суд., ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ чрезъ министра юстиціи о замѣнѣ слѣдующаго подсудимому по закону личнаго наказанія сдѣланіемъ ему приличнаго внушенія".

8.

Дѣло о мѣщанкѣ Марьѣ Яковлевой.

(Мировой судъ.)

Помощникъ квартальнаго надзирателя Виноградовъ 12 августа 1868 года задержалъ на Садовой у Сухаревой башни неизвѣстную женщину въ пьяномъ видѣ, которая, показывая проходящимъ имѣвшагося у ней на рукахъ голаго больнаго ребенка, выпрашивала у нихъ подаянія. При дознаніи неизвѣстная назвала себя мѣщанкой Марьей Яковлевой и показала, что ребенка она взяла у живущей Мясницкой части въ домѣ Толоконникова крестьянки Елизаветы Филипповой для прогулки.

21 числа августа у мироваго судьи мѣщанскаго участка происходило разбирательство по этому дѣлу. На судъ явились мѣщанка Яковлева лѣтъ 50-ти, одѣтая весьма бѣдно и неряшливо и крестьянка Филиппова. Обвинителемъ со стороны полиціи былъ г. Виноградовъ.

Судья (Филипповой). Зачѣмъ вы отдали своего больнаго мальчика Марьѣ Яковлевой?

Филиппова. Она у меня выпросила его погулять; а просила-ли на него милостыню—этого я ужъ не знаю.

Судья. Вы давно знакомы съ Яковлевой?

Филиппова. Она къ намъ на квартиру третьяго дня переѣхала.

Судья. А прежде вы её знали?

Филиппова. И прежде того знавала её.

Судья. Какъ же это, отдавши ей своего ребенка, вы нехватились его до тѣхъ поръ, пока вамъ не представили его?

Филиппова. Я ихъ искала.

Судья. Вы чѣмъ занимаетесь?

Филиппова. Мужъ у меня безъ мѣста, а я снимаю квартиры и пускаю жильцовъ.

Судья. У васъ сколько дѣтей?

Филиппова. Двое-съ.

Судья. И оба живы?

Филиппова. Такъ точно-съ.

Судья. Довольно-съ. (Яковлевой) Вы обвиняетесь въ томъ, что, будто въ пьяномъ видѣ, просили милостыню и, чтобы больше получить денегъ, показывали проходящимъ больнаго и голаго ребенка, взятаго вами у Филипповой. Что можете вы сказать противъ этого?

Яковлева. Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, я не просила милостынки, потому, мы этимъ не занимаемся; а ребенка я взяла у Лизаветы Филипповны понянчить и пошла погулять съ нимъ; на

мясницкомъ бульварѣ мнѣ попались на встрѣчу двѣ знакомыя женщины, мы зашли въ кабачекъ, выпили, ну, я и захмѣлѣла—что грѣхъ таить.

Судья. Какимъ же образомъ вы съ мясницкаго бульвара попали къ Сухаревой башнѣ?

Яковлева. А такъ шли да говорили, и дошли до Сухаревой; тутъ господинъ квартальный меня и остановилъ, а милостыни я не просила.

Судья (г. Виноградову). Не имѣете-ли вы, г. Виноградовъ, чего либо добавить къ обвиненію?

Виноградовъ. Женщина эта самымъ возмутительнымъ образомъ выпрашивала милостыню у проходящихъ: она держала ребенка совершенно голымъ и посинѣвшимъ отъ холода, онъ весь дрожалъ и кричалъ осиплымъ голосомъ; сама она была пьяна; за это я взялъ ее и теперь привожу къ суду.

Мировой судья, руководствуясь 119 ст. уст. уг. суд., постановилъ: подвергнуть мѣщанку Марью Яковлеву, согласно 50 ст. уг. о нак., наказанію въ высшей мѣрѣ, именно, тюремному заключенію на три мѣсяца; крестьянку-же Филиппову, по недостатку уликъ въ томъ, что она отдала своего ребенка Яковлевой, съ знаніемъ для чего она просила у нея его, считать по суду оправданною.

9.

Дѣло о вольноотпущенномъ Николаѣ Аристовѣ, обвинявшемся въ двухъ кражахъ и въ покушеніи на убійство закладчика турецкаго подданнаго Гроссъ, съ цѣлью ограбленія.

(Окружный судъ.)

8 октября 1868 года въ Московскомъ окружномъ судѣ по 1-му уголовному отдѣленію, подъ предсѣдательствомъ Н. С. Арсеньева, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, докладывалось дѣло о вольноотпущенномъ Николаѣ Аристовѣ, который обвинялся въ двухъ кражахъ и въ покушеніи на предъумышленное убійство турецкаго подданнаго Гроссъ, съ намѣреніемъ его ограбить. Обвинялъ товарищъ прокурора Н. Н. Павловъ; защищали: присяжный повѣренный Ф. Г. Соловьевъ и кандидатъ на судебныя должности. Куперникъ.

Вотъ содержаніе обвинительнаго акта: Въ послѣднихъ числахъ сентября 1867 г. Аристовъ укралъ изъ дома ген. Вельяшева запертую шкатулку съ серебромъ и заложилъ серебро закладчику Гроссу, проживающему на Кузнецкомъ мосту, въ д. Каразина. Въ это время ему пришла мысль зарѣзать Гросса и ограбить; онъ приходилъ

къ нему запасшись столовымъ ножемъ, но отложилъ свое намѣреніе, такъ какъ у Гросса въ это время кто-то былъ. 27-го октября, онъ, взявъ съ собою большой поварской ножъ, пришелъ къ Гроссу подъ предлогомъ купить шубу и часы, и когда Гроссъ подписывалъ записку въ продажѣ этихъ вещей, то Аристовъ, бросившись на него, сталъ наносить ему удары ножемъ и нанесъ ему 19 ранъ; но въ это время служанка Гросса, услыхавъ крикъ своего хозяина, бросилась на дворъ и тоже стала кричать о помощи. Тутъ Аристовъ, не убивъ Гросса, бросился бѣжать безъ шапки и пальто, но былъ пойманъ около сада университетской клиники. Онъ тотчасъ же сознался въ своемъ намѣреніи зарѣзать Гросса и въ кражѣ серебра, и кромѣ того прибавилъ, что въ бытность свою въ услуженіи у ген. Вельяшева онъ еще укралъ у него изъ бумажника 40 руб. На судѣ Аристовъ, сознаваясь въ обѣихъ кражахъ, относительно послѣдняго преступленія сказалъ, что онъ пришелъ къ Гроссу только для того, чтобы ограбить его, но убить не имѣлъ намѣренія, ножъ же взялъ, чтобы попугать его. Изъ показаній же спрошенныхъ свидѣтелей оказывается, что Аристовъ сначала не требовалъ отъ Гросса денегъ и не грозилъ ему ножемъ, а прямо бросился на не-

го и сталъ наносить раны и что тотчасъ же послѣ поимки онъ сознавался, что имѣлъ намѣреніе убить Гросса и ограбить. Гроссъ, послѣ нанесенія ранъ и въ настоящее время находится въ сильно болѣзненномъ состояніи: онъ почти не можетъ ходить безъ посторонней помощи, не владѣетъ руками, чувствуетъ разстройство нервовъ и лѣвымъ глазомъ совсѣмъ не видитъ, вслѣдствіе нанесенной Аристовымъ раны въ глазъ.

Изъ свидѣтелей г. Вельяшевъ между прочимъ показалъ, что онъ считалъ Аристова за усерднаго и честнаго слугу, что жизнь онъ велъ трезвую и онъ, Вельяшевъ, никогда не считалъ Аристова способнымъ на кражу или на другое какое-либо преступленіе.

Товарищъ прокурора Н. П. Павловъ сказалъ, что онъ не видитъ въ этомъ дѣлѣ никакихъ смягчающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ; тѣмъ болѣе что онъ не былъ въ крайности даже находясь безъ мѣста, такъ какъ ему помогала его мать, и что наконецъ переходъ отъ простой кражи сорокъ рублей, къ кражѣ запертой шкатулкѣ, а потомъ и къ покушенію на убійство съ цѣлью грабежа — скорѣе можетъ служить поводомъ къ увеличенію мѣръ наказанія.

Защитники Аристова просили о снисхожденіи къ подсудимому, указывая на его, молодость, полуобразованіе и на то тяжелое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ во время крѣпостнаго права и изъ котораго онъ хотѣлъ выбиться.

Присяжные признали подсудимаго Аристова, двадцати лѣтъ и пяти мѣсяцевъ виновнымъ въ предумышленномъ покушеніи на убійство съ цѣлью грабежа и въ двухъ кражахъ, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживающимъ снисхожденія.

Судъ постановилъ: лишивъ Аристова всѣхъ правъ состоянія, сослать его въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на восемь лѣтъ, а за тѣмъ поселить въ сибири навсегда.

10 и 11.

I. Дѣло о кражѣ со взломомъ, учиненной крестьянскимъ мальчикомъ Степаномъ Тимофѣевымъ. II. Дѣло о двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ Аннѣ Степановой Дроздовой, обвинявшейся въ покушеніи на поджогъ.

(Окружный судъ.)

16 декабря 1868 года въ Московскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разбирались слѣдующія два дѣла:

I.

24 апрѣля 1868 года въ Университетской типографіи случилась у крестьянина Петра Копѣйкина, во время нахожденія его въ больницѣ, кража двухъ сорочекъ, двухъ панталонъ и трехъ рублей серебромъ деньгами изъ запертаго сундука, при чемъ пробой былъ выдернутъ и верхняя крышка сундука взломана, подозрѣніе пало на крестьянскаго мальчика Степана Тимофеева, который въ кражѣ этой и сознался.

На судѣ подсудимый показалъ, что у него есть отецъ и мать въ деревнѣ въ Зарайскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи; изъ деревни въ Москву его привезли года три тому назадъ; два года съ половиною онъ прожилъ въ литографіи Сиверса, гдѣ получалъ одинъ рубль серебромъ въ мѣсяцъ жалованья на хозяйскихъ харчахъ, но на своей одеждѣ; въ послѣднее все время жилъ въ университетской типографіи за два рубля въ мѣсяцъ; читать и писать не умѣетъ. Все свое жалованье онъ отдавалъ отцу и матери, которые исправляли его нужды, но на лакомство денегъ не давали. На кражу онъ покусился потому, что у него была заложена поддевка, заложить которую подтравилъ его одинъ мальчикъ, обѣщавшійся выкупить её и

потомъ неисполнившій своего обѣщанія. Изъ денегъ украденныхъ и вырученныхъ чрезъ продажу похищенныхъ вещей онъ отдалъ рубль за свою поддевку, а остальныя пролакомилъ съ тѣмъ-же мальчикомъ, который подучилъ его заложить поддевку.

Товарищъ прокурора между прочимъ обратилъ вниманіе присяжныхъ на то что обвиняемый уже три года самъ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ, живетъ между взрослыми и слѣдовательно долженъ былъ сознавать, что дѣлаетъ.

Защитникъ Тимофеева присяжный повѣренный Н. В. Аристовъ, указывая на чистосердечное сознаніе подсудимаго. его малолѣтство и неразвитость. просилъ признать его дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія и заслуживающимъ снисхожденія.

Присяжные признали Тимофеева невиновнымъ и судъ объявилъ его свободнымъ. Мальчикъ Тимофеевъ содержался въ малолѣтнемъ отдѣленіи острога семь мѣсяцевъ.

II.

„1868 года, 14-го іюня, въ 6 часовъ утра, въ отхожемъ мѣстѣ при квартирѣ Серебряковой, въ д. Ильина, въ дѣтскомъ суднѣ загорѣлись по-

ложенныя туда щепки, но вскорѣ были потушены. Внутри судна найдено около 10 щепокъ и у семи изъ нихъ концы нѣсколько обгорѣли, дно судна и дверка его нѣсколько обуглились и обгорѣли. При дознаніи полиціи и слѣдствіи, въ этомъ поджогѣ созналась находящаяся въ обученіи у Серебряковой мѣщанская дѣвочка Анна Степанова, 12 лѣтъ, которая объяснила, что поджечь научила ее одна женщина, живущая не подалеку, и обѣщала за это дать 100 р. и 15 арш. ситцу на платье; она, польстившись, взяла на дворѣ щепокъ и, положивъ ихъ въ судно, зажгла, потомъ пошла и сказала кухаркѣ, что какой-то мущина ходитъ по сѣнямъ; кухарка велѣла ей посмотрѣть цѣлы ли замки, та пошла и возвратясь сказала, что замки цѣлы, а въ дѣтскомъ суднѣ горитъ; кухарка пошла и погасила. Женщина, на которую указала Дроздова, была розыскана, но оговоръ Дроздовой на слѣдствіи не подтвердился."

На судѣ Дроздова, признавъ себя виновною, объяснила, что живетъ въ ученьи у портнихи Серебряковой, куда отдала ее сестра, также живущая у портнихи; матери нѣтъ, а отецъ слѣпой; дѣтей у него три дочери и сынъ, Серебрякова неучила её шить, а держала только на по-

сылкахъ да заставляла няньчиться съ дѣтьми; кормили её и обращались съ нею не дурно. Покусилась она на поджогъ сама для того, чтобы не жить у Серебряковой; никто её тому не научалъ и на женщину она показала несправедливо.

Защитникъ Дроздовой присяжный повѣренный Ф. Г. Соловьевъ сказалъ, что законъ караетъ преступниковъ, а не дѣтей и просилъ присяжныхъ отнестись къ Дроздовой съ тѣмъ же сочувствіемъ, съ какимъ относились они къ Тимофеевну.

Присяжные объявили дѣвочку Анну Дроздову не виновною.

12 и 13.

I. Дѣло о пожарѣ въ Архангельскомъ соборѣ. II. Дѣло объ оскорбленіи запрещеннаго іеродіакона Евтихіана монашествующими Заиконоспасскаго монастыря.

(Мировой судъ.)

3 Марта 1869 года въ съѣздѣ мировыхъ судей Москвы перваго округа, подъ предсѣдательствомъ почетнаго мироваго судьи Тарасова, между прочими, разсматривались слѣдующія дѣла:

I.

Городской частный приставъ препроводилъ мировому судьѣ городскаго участка при отношеніи

своемъ актъ о пожарѣ, бывшемъ въ Архангельскомъ соборѣ 31 декабря 1868 года. Содержаніе этого акта слѣдующее:

21-го декабря младшій городовой унтеръ-офицеръ Степановъ далъ знать надзирателю 1-го квартала Городской части о томъ что въ алтарѣ Архангельскаго собора въ 9 часовъ вечера показался необыкновенный свѣтъ. Извѣщенная объ этомъ пожарная команда прибыла немедленно и пожаръ потушенъ въ четверть часа. Изъ произведеннаго осмотра мѣстности оказалось что въ алтарѣ, въ полутора аршинахъ отъ задней стѣны устроенъ жертвенникъ сложенный изъ камня и обшитый досками, сзади жертвенника деревянное мѣсто гдѣ помѣщаются два запрестольные образа, по бокамъ два шкафа плотно придѣланные къ стѣнѣ, въ нихъ хранится будничная ризница; подъ алтаремъ въ подвалѣ устроена печь, отъ нея идетъ тепловой душникъ къ стѣнѣ около шкафовъ и имѣетъ отдушину сверху въ окнѣ подъ правымъ шкафомъ. Отъ пожара обгорѣли жертвенникъ, шкафы и мѣсто для запрестольныхъ образовъ и часть старой ризницы; два серебряные шандала на жертвенникѣ и крестъ отъ сильнаго жара сплавились. Служившій вечерню въ три часа очередной священнихъ Михаилъ Машковъ и быв-

шіе въ то время въ соборѣ сторожа Боголѣповъ и Лебедевъ объяснили что не знаютъ ничего отчего произошелъ пожаръ, такъ какъ огня въ алтарѣ не зажигали; по полагаютъ, что пожаръ произошелъ отъ сильно натопленной печи. По разсмотрѣніи этого дѣла 11-го января мировой судья постановилъ: для точнаго уясненія причинъ пожара произвести осмотръ мѣстности. 15-го января прибывъ въ соборъ, мировой судья, въ присутствіи архитектора Холина, священника Машкова, купца Злоказова и мѣстнаго надзирателя, осмотрѣлъ духовую печь. По мнѣнію гг: Холина и Злоказова, съ чѣмъ согласился мировой судья, пожаръ не могъ произойти отъ этой печи, такъ какъ устройство ея не допускало даже возможности такого предположенія. Кромѣ того, на разбирательствѣ 25-го января, производящій топку этой печи крестьянинъ Иванъ Сергѣевъ показалъ что въ день пожара онъ не топилъ печи; послѣдній разъ онъ топилъ ее наканунѣ дня пожара въ 8 часовъ утра. На вопросъ судьи священникъ Машковъ объяснилъ что за отсутствіемъ пономаря должность послѣдняго исправлялъ сторожъ Лебедевъ, но ходилъ ли онъ въ алтарь, равно и другой сторожъ Боголѣповъ, священникъ сказать не могъ, самъ же онъ входилъ въ алтарь, Лебе-

девъ показалъ что онъ исправлялъ должность не пономаря, а псаломщика, и въ алтарь не входилъ. По соображеніи обстоятельствъ этого дѣла мировой судья нашелъ что пожаръ произошелъ не отъ печи, которая въ тотъ день даже не топилась, а отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ и, какъ предполагать должно, отъ оставленной кѣмъ нибудь зажженной свѣчи у жертвенника. Имѣя же въ виду что обязанности пономаря лежали на сторожахъ Лебедевѣ и Боголѣповѣ, а наблюденіе за ними долженъ былъ имѣть очередной священникъ Михаилъ Машковъ, мировой судья призналъ сторожей Лебедева и Боголѣпова виновными въ неосторожномъ обращеніи съогнемъ и согласно 91 и 98 стт. уст. о нак. нал. мир. суд. приговорилъ ихъ къ аресту при городскомъ арестанскомъ домѣ каждаго на двѣ недѣли. О неисполненіи же своихъ обязанностей священникомъ Машковымъ, на основаніи 1.017 ст. уст. угол., судья постановилъ сужденія не имѣть, предоставивъ оное митрополиту Московскому, для чего и препроводить его высокопреосвященству копію съ протокола.

Въ аппелляціонномъ отзывѣ по поводу этого рѣшенія сторожа собора Лебедевъ и Боголѣповъ объясняютъ что они не исправляли должности

пономаря, а слѣдовательно и не могутъ нести отвѣтственность за упущенія по этой должности; кромѣ того предположеніе мироваго судьи о забытой не потушенной свѣчѣ ничѣмъ не подтверждается.

На судѣ Лебедевъ объяснилъ тоже, добавивъ что онъ по исполненіи имъ должности псаломщика закрылъ книги и ушелъ: а кто зажигалъ и тушилъ свѣчи не знаетъ.

Богольповъ показалъ что его обязанность лишь отпирать и запирать соборъ, а кто обязанъ тушить свѣчи не знаетъ.

Защитникъ обвиняемыхъ Лебедева и Богольпова г. Дурново: По правиламъ вселенскихъ соборовъ въ алтарь недолженъ входить никто, непосвященный въ стихарь, а во время осмотра туда входили и судья и полицейскіе чины: это нарушеніе постановленій церкви. Что же касается до наблюденія за тушеніемъ свѣчей то это лежитъ на обязанности ключаря; онъ же долженъ наблюдать и за тѣмъ, чтобы сторожа при немъ отпирали и запирали храмъ. 14 февраля опять чуть не сдѣлался пожаръ и нашли въ печкѣ положенныя истопникомъ для сушки дрова.

Прокуроръ. Пожаръ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, виновенъ въ этомъ

тотъ, на обязанности котораго лежало тушеніе огня и который не исполнилъ этого. Обвиняемый Лебедевъ объясняетъ, что исполнялъ должность псаломщика, а священникъ Машковъ утверждаетъ, что онъ исполнялъ должность пономаря. По моему мнѣнію должности эти почти одинаковыя и не разграничены строго одна отъ другой; а потому я полагаю Лебедева виновнымъ въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ и подлежащимъ денежному взысканію; виновность-же Боголѣпова ничѣмъ не доказывается и онъ долженъ быть отъ всякаго взысканія освобожденъ.

Судъ постановилъ. Мировому судьѣ Александровскаго участка истребовать инструкцію, данную для руководства служащимъ при соборѣ и сдѣлать дополнительное дознаніе.

II.

Запрещенный іеродіаконъ Евтихіанъ, живущій въ Заиконоспасскомъ монастырѣ подалъ мировому судьѣ городскаго участка жалобу, содержаніе которой приводимъ вкратцѣ.

7 января 1869 года — пишетъ Евстихіанъ — пришелъ онъ въ трапезу въ обыкновенное время. Казначей Заиконоспасскаго монастыря, отецъ Максимъ, замѣтивъ его, велѣлъ трапезному іеродіа-

кону Иринарху и служителямъ Петрову и Никитину вывести его вонъ; Петровъ и Никитинъ бросились на него и потащили вонъ, нанося побои, при чемъ сторожъ Аѳанасій кричалъ: „бейте его хорошенько, колотите!“ По этому Евтихіанъ проситъ поступить съ названными лицами за оскорбленіе его дѣйствіемъ по закону.

Мировой судья, разбиравшій дѣло это 28 января, предложилъ сторонамъ кончить дѣло примиреніемъ, но тѣ не согласились, тогда на основаніи 1017 ст. уст. уг. суд. судья объявилъ дѣло это себѣ не подсуднымъ.

Мировой Съѣздъ, куда поступило это дѣло по частной жалобѣ Евтихіана, рѣшеніе мироваго судьи призналъ правильнымъ и въ жалобѣ монаху Евтихіану отказалъ.

14.

Дѣло о присяжномъ стряпчемъ Московскаго коммерческаго суда Николаѣ Длинбергѣ, обвиняемомъ въ присвоеніи себѣ чужихъ денегъ.

(Мировой судъ.)

Обстоятельства дѣла слѣдующія. Корнетъ Венеціановъ былъ признанъ Окружнымъ судомъ наслѣдникомъ въ имуществѣ, оставшемся послѣ

умершаго брата его, на сумму тринадцати тысячъ рублей, которое имущество хранилось у попечителя покойнаго г. Еналѣева. Вскорѣ послѣ того въ Московскій коммерческій судъ былъ представленъ на умершаго брата г. Венеціанова вексель въ 7000 рублей. Не получивъ еще наслѣдства и незная какъ быть съ предъявленнымъ ко взысканію векселемъ, г. Венеціановъ обратился за совѣтомъ къ присяжному стряпчему коммерческаго суда г. Длинбергу, который и предложилѣ ему быть его повѣреннымъ, при чемъ обѣщалъ ему истребовать отъ Еналѣева наслѣдство и доказать безденежность означеннаго векселя, какъ выданнаго умершимъ тогда, когда онъ былъ присмерти и лежалъ въ больницѣ. Предложеніе Длинберга было принято и Венеціановъ выдалъ ему довѣренность какъ на веденіе дѣла, такъ и на право полученія отъ Еналѣева наслѣдства для доставленія ему, Венеціанову. Будучи уполномоченъ довѣренностью Длинбергъ не разъ говаривалъ Венеціанову: „съ Еналѣева, батюшко мой, надо повременить требовать деньги, пока не раздѣлаемся съ этимъ поганымъ векселемъ, а вотъ смахнемъ этотъ вексель,—примемся и за Еналѣева“. Объ дѣлѣ-же по векселю онъ увѣрялъ Венеціанова, что „дѣло находится въ блестящемъ видѣ; трусятъ канальи: знаютъ, что

тюрьмой пахнетъ! скоро я жигну ихъ окончательно". Дѣло шло весьма долго; наконецъ Венеціановъ сталъ ощущать нужду въ деньгахъ, о чемъ и сообщилъ Длинбергу. „Что жъ вы прежде, батюшко, не сказали мнѣ объ этомъ!" сказалъ Длинбергъ съ упрекомъ: „я не такой безфрачный адвокатъ, какъ другіе, которые берутся за дѣло не для того, чтобы поскорѣе кончить дѣло и успокоить своихъ довѣрителей, а для того чтобы ихъ же обманывать. О гольтепа проклятая!.. У насъ дѣло на чистоту, смотрите вотъ"... При этихъ словахъ онъ выдвинулъ изъ письменнаго стола ящикъ и показалъ Венеціанову лежавшія тамъ пачки кредитныхъ билетовъ на довольно солидную цыфру. „Вотъ извольте вамъ 100 рублей на первый разъ", продолжалъ Длинбергъ: „только ужь потрудитель написать мнѣ росписку". Потомъ въ разное время Вененеціановъ еще занималъ у него деньги, а всего онъ перебралъ у Длинберга рублей до трехъсотъ. Наконецъ Венеціановъ, не видя окончанія своего дѣла и по прежнему нуждаясь въ деньгахъ, снова обратился къ Длинбергу съ просьбой ссудить его деньгами; но послѣдній отвѣчалъ на эту просьбу отказомъ, объявивъ ему при томъ, что дѣло о векселѣ должно быть проиграно, а наслѣдство съ Еналѣева нельзя

будетъ получить потому что на него по означенному векселю наложатъ секверстъ. Спустя послѣ того нѣсколько времени Длинбергъ предложилъ Венеціанову окончить дѣло по векселю мировою сдѣлкою за 3000 р.; Венеціановъ согласился и выдалъ особую довѣренность Длинбергу, который объяснилъ ему, что деньги 3000 рублей возьметъ у Еналѣева. Дѣло было кончено миромъ и Еналѣевъ заплатилъ изъ находящагося у него наслѣдства Венеціанова три тысячи рублей. За тѣмъ Длинбергъ не принималъ къ себѣ болѣе Венеціанова, а между тѣмъ на него Венеціанова, былъ предъявленъ въ это время новый вексель въ 93 рубля. Венеціановъ просилъ полицію отнестись съ этимъ векселемъ къ Еналѣеву; но послѣдній объяснилъ полиціи, что по наслѣдству учинилъ окончательный разсчетъ съ Длинбергомъ; а Длинбергъ въ свою очередь объяснилъ, что денегъ отъ Еналѣева не получалъ; тогда какъ изъ прошенія Длинберга въ Окружный судъ о взысканіи съ Еналѣева части принадлежащихъ Венеціанову денегъ видно, что онъ, сверхъ уплаты по векселю 3000 рублей, получилъ отъ Еналѣева для доставленія своему довѣрителю еще 670 рублей.

Г. Венеціановъ обратился къ мировому судьѣ Мѣщанскаго участка на г. Длинбергъ съ жало-

бою, въ заключеніе которой онъ просилъ взыскать съ сего послѣдняго, за исключеніемъ взятыхъ у него, Длинберга, 300 рублей и процентовъ 71 рубля, остальныя, присвоенныя Длинбергомъ деньги — 299 рублей, а поступокъ его предать суду уголовному. Разбирательство по этому дѣлу происходило 28 марта 1869 года.

Мировой судья возбудилъ вопросъ: подсудны ли дѣла подобнаго рода мировымъ учрежденіямъ.

Обвиняемый Длинбергъ. Все это дѣло вышло вслѣдствіе моей непріятности съ теперешнимъ повѣреннымъ г. Венеціанова г. Свѣшниковымъ. Наконецъ я думаю, что дѣло это не имѣетъ уголовнаго характера и должно быть ведено порядкомъ гражданскимъ.

Повѣренный Венеціанова Свѣшниковъ. Поступки такого рода, какъ присвоеніе чужой собственности, должны влечь за собою уголовное преслѣдованіе и предусмотрѣны статьями закона о мошенничествѣ. Но чтобы рѣшить вопросъ: подсудно ли настоящее дѣло мировымъ учрежденіямъ или нѣтъ, я прошу васъ, г. судья, спросить г. Длинберга: къ какому сословію онъ принадлежитъ, ибо званіе присяжнаго стряпчаго не обусловливаетъ сословной принадлежности.

Длинбергъ. Я не спорю о подсудности дѣла: я не принадлежу къ какому-либо привиллегированному сословію и потому признаю себя подсуднымъ мировому судьѣ. Относительно моего настоящаго званія я скажу, что я бывшій студентъ московскаго университета.

Свѣшниковъ. Я считаю недостаточнымъ, что г. Длинбергъ признаетъ себя подсуднымъ мировымъ учрежденіямъ; чтобы не впасть въ ошибку судья должны удостовѣриться въ званіи и сословіи обвиняемаго. Слова: бывшій студентъ университета или присяжный стряпчій не показываютъ сословной принадлежности. При этомъ я не лишнимъ считаю прибавить, что по полученнымъ мною изъ обывательскихъ книгъ засвидѣтельствованнымъ справкамъ значится, что г. Длинбергъ въ третьемъ кварталѣ Тверской части записанъ бывшимъ студентомъ московскаго университета, по свидѣтельству, выданному изъ означеннаго университета 1862 года 9-го февраля, за № 329, а во второмъ кварталѣ Мѣщанской части онъ записанъ бывшимъ студентомъ одесскаго ришельевскаго лицея, уволеннымъ за малоуспѣшность, по свидѣтельству отъ 9-го же февраля 1862 года, за № 328-мъ. Я не нахожу физической возможности въ одно и то же время быть студентомъ двухъ заведеній,

изъ которыхъ одно находится въ Москвѣ, а другое въ Одессѣ и въ одинъ и тотъ же день получить изъ нихъ увольнительныя свидѣтельства почти за однимъ и тѣмъ же нумеромъ. Между тѣмъ въ бумагахъ московскаго университета есть копія, въ которой означено, что 2 августа 1853 года надъ обучавшимся въ Золотопольскомъ уѣздномъ училищѣ евреемъ Іосифомъ Длинбергъ совершено таинство святаго крещенія, при чемъ означенный Іосифъ нареченъ Николаемъ; и что этотъ перекрещенецъ Николай Длинбергъ вслѣдствіе указа Херсонской казенной палаты причисленъ въ одесскіе мѣщане. На основаніи всего изложеннаго я и прошу васъ, г. судья, потребовать отъ г. Длинбергъ фактическихъ доказательствъ: къ какому сословію онъ принадлежитъ.

Мировой судья, руководствуясь 1688 и 1711 ст. улож. о наказ., призналъ дѣло это себѣ не подсуднымъ и на основаніи 117 ст. уст. уг. суд. опредѣлилъ передать оное къ судебному слѣдователю.

15.

Дѣло о губернскомъ секретарѣ Иванѣ Андреевѣ Брайленко, обвинявшемся въ убійствѣ съ намѣреніемъ, заранѣе обдуманнымъ.

(Окружный судъ.)

1867 года 4 сентября въ 7 часовъ пополудни, губернскій секретарь Иванъ Брайленко, молодой двадцати-четырехъ-лѣтній человѣкъ, пришелъ въ бѣлошвейную мастерскую мѣщанки Барановой, вызвалъ на крыльцо мастерицу Барановой, цеховую Аграфену Исаеву и, когда она вышла къ нему, нанесъ ей ударъ ножемъ; она съ крикомъ вбѣжала въ комнаты, а онъ бросился за нею, и нанесъ ей новыя раны: Исаева выскочила на дворъ, гдѣ сбѣжался на ея крикъ народъ и явился полицейскій городовой Волошинъ; тогда Брайленко бросилъ ножъ у забора и отдался въ руки полицейскаго, которымъ и былъ представленъ въ мѣстный кварталъ. На слѣдствіи Брайленко далъ слѣдующее показаніе. Съ Аграфеной Исаевой онъ уже три года находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Не задолго до происшествія Брайленко узналъ стороною, что Исаева познакомилась съ однимъ мастеровымъ и измѣнила ему. Онъ уго-

варивалъ ее оставить новую связь и жить съ нимъ попрежнему, но она не согласилась на это. Тогда Брайленко задумалъ отмстить ей: онъ купилъ столовый ножъ и, спрятавъ его подъ платье, пришелъ къ Исаевой. Брайленко помнитъ, что дѣйствительно вызвалъ Исаеву; но какъ наносилъ ей раны не помнитъ, потому что былъ внѣ себѣ; ножикъ онъ бросилъ тогда, когда увидалъ на дворѣ толпу народа и полицейскаго, которому и отдался въ руки безпрекословно. Аграфена Исаева объяснила, что дѣйствительно три года имѣла съ Брайленко любовную связь; но бросила его вслѣдствіи его вспыльчиваго характера мѣсяца за три до происшествія. Вбѣжавъ въ комнаты, она отъ наносимыхъ Брайленко сзади ранъ упала на диванъ, гдѣ Брайленко замахнулся на нее ножемъ, чтобы нанести рану по горлу; но она, отведя ударъ рукою, быстро вскочила съ дивана и бросилась на дворъ; Брайленко побѣжалъ за нею, продолжая ей наносить раны. У Исаевой по освидѣтельствованіи оказалось *тринадцать* ранъ; изъ нихъ одна рана идетъ отъ сосцевиднаго отростка височной кости по краю шеи, четыре раны на плечахъ, шесть ранъ въ спинѣ, причемъ одна съ переломомъ пятаго спиннаго ребра, одна рана на лѣвой ручной кисти, съ поврежденіемъ сухожилія,

и одна рана на краю тазобедреннаго сочлененія. По мнѣнію врачей рана въ шею еслибы была нанесена на одну треть дюйма впередъ, то пришлась бы надъ наружной сонной артеріей и была бы смертельною безусловно; рана съ переломомъ ребра и въ руку должны быть отнесены къ тяжелымъ, а остальныя раны къ разряду легкихъ ранъ. Вотъ сущность обвинительнаго акта.

Дѣло это было разсматриваемо 25 и 26 мая 1868 года и подсудимый былъ признанъ присяжными невиновнымъ; но такъ какъ присяжные съ 25-го на 26-е мая были отпущены ночевать домой, то, вслѣдствіе протеста прокурора, кассаціонный департаментъ правительствующаго сената рѣшеніе присяжныхъ отмѣнилъ, и новое разсмотрѣніе этого дѣла было назначено 31 марта и 1-го апрѣля 1869 года. Составъ суда: предсѣдатель Е. Е. Люминарскій, члены: Ф. Р. Синицкій и С. Я. Орловскій; обвинялъ товарищъ прокурора А. А. Березниковъ; защищалъ кандидатъ правъ Л. А. Куперникъ.

Подсудимый Брайленко. Я не признаю себя виновнымъ въ покушеніи на убійство. Я никогда бы не могъ рѣшиться убить женщину, которую любилъ и люблю, и на которой хотѣлъ жениться; намѣреніе мое жениться на ней я бы привелъ

давно въ исполненіе, но мнѣ препятствовали въ томъ родные мои. Когда судъ оправдалъ меня въ прошломъ году, я не могъ жениться на Исаевой только потому, что дѣло мое не было рѣшено, и еслибы оно кончилось обвиненіемъ моимъ, то меня ждала каторга: я не хотѣлъ губить любимую мною женщину.

Цеховая Аграфена Исаева. Мы жили съ Иваномъ Андреевичемъ дружно цѣлыхъ четыре года; ссоръ промежъ насъ не было. Въ послѣднее время онъ, не знаю отчего, вдругъ перемѣнился: сдѣлался такимъ скучнымъ, молчаливымъ. Когда онъ пришелъ ко мнѣ 4-го сентября, лице у него было такое нехорошее, страшное, глаза кровью налиты были. Не говоря со мной ни слова, онъ вдругъ ударилъ меня,—чѣмъ на первыхъ порахъ я не примѣтила хорошенько. Я вскрикнула и побѣжала отъ него въ комнаты; онъ погнался за мною, тутъ я и замѣтила, что у него въ рукахъ ножикъ. Что было дальше я, право, не помню. Я на немъ ничего не ищу и не сержусь на него. Я прошу васъ: простите его.

Свидѣтельницы, жившія вмѣстѣ съ Аграфеной Исаевой, объяснили, что онѣ не замѣчали: ходилъ ли къ Исаевой подсудимый Брайленко. Когда онъ гнался за Исаевой, она вбѣжала въ комнаты и

упала на диванъ, а Брайленко остановился возлѣ нея съ поднятымъ ножемъ. Исаева вскочила и выбѣжала на дворъ, а онъ пошелъ за нею тихо.

Полицейскій городовой Волошинъ. Когда я прибылъ на дворъ, то увидѣлъ: Исаева стоитъ у забора, возлѣ нея Брайленко; ножикъ онъ ужъ бросилъ, я закричалъ ему: что вы это дѣлаете? а онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: „Что хотѣлъ сдѣлать не успѣлъ; бери меня“.

Кухарка Андреева. Говорилъ ли унтеръ: что вы дѣлаете? я не слыхала, а вотъ онъ (указываетъ на подсудимаго) сказалъ унтеру: бери меня въ часть.

Волошинъ. Время этому прошло не малое, можетъ я и запамятовалъ: я ли прежде сказалъ і. Брайленко: что вы дѣлаете? или онъ прежде подошелъ ко мнѣ и сказалъ: возьми меня.

Другой городовой Иванъ Ефимовъ. Я вмѣстѣ съ Волошинымъ велъ этого господина въ часть. Онъ мнѣ дорогою говорилъ, что ужъ давно порѣшилъ убить Исаеву за то, что она его бросила, а связалась съ халатникомъ, ножъ, сказывалъ онъ, купилъ въ воскресенье за тридцать пять копѣекъ.

Волошинъ. Я шелъ позади и ничего этого не слыхалъ.

Подсудимый Брайленко. Можеть я и говорилъ эти слова, только это была неправда. Я не могъ купить ножикъ въ воскресенье, потому что подъ понедѣльникъ ночевалъ у своихъ товарищей и они вѣрно замѣтили бы у меня ножикъ. Я не помню даже хорошенько: купилъ я этотъ ножикъ, или взялъ у кого-нибудь, и когда это было.

Сослуживцы Брайленко, чиновники: Антушевъ, Божановскій, Дитятовъ, Керцелли, Троицкій и Яковлевъ, дали показанія, что знаютъ Брайленко какъ честнаго, хорошаго человѣка и добраго товарища. Потерявъ мѣсто и казенную квартиру по милости произведеннаго у него Исаевою скандала, онъ съ масляницы 1867 года началъ пить, характеръ его сдѣлался страненъ, рѣчь безсвязна. Наканунѣ сдѣланнаго имъ преступленія онъ все писалъ завѣщаніе, потомъ изорвалъ его; вечеромъ игралъ въ карты, былъ разсѣянъ и мраченъ и говорилъ, что купитъ кинжалъ, убьетъ Грушу, а потомъ и себя, потому что жизнь ему наскучила.

Цеховая Васильева. Съ мѣсяцъ назадъ до того, какъ г. Брайленко пришелъ съ ножемъ, чтобы зарѣзать Исаеву, я сидѣла съ моею подругой Ярославцевой на лавочкѣ за воротами; къ намъ подошелъ Брайленко и спросилъ: гдѣ Груша? Мы сказали, что ушла со двора. Онъ позвалъ насъ

въ трактиръ, мы пошли; тамъ я и разсказала ему, что Груша его бросила, а связалась съ халатникомъ. Потомъ, недѣли три спустя, я вмѣстѣ съ Исаевой и съ Брайленко опять была въ трактирѣ. Когда мы вышли оттуда, Брайленко звалъ Исаеву къ себѣ ночевать, она не пошла; онъ разсердился, ударилъ её два раза по щекамъ и разорвалъ у нея башлыкъ.

Свидѣтельница Ярославцева. Это правда, что я съ Васильевой и съ Брайленко была въ трактирѣ, только они объ Исаевой ничего не говорили.

Исаева. Все, что̀ сказала Васильева, правда; я не пошла дѣйствительно съ Брайленко ночевать: мнѣ хотѣлось хорошенько помучить его. Ударилъ ли онъ меня за это—я не помню.

Подсудимый Брайленко. Васильева и Ярославцева разсказывали мнѣ, что Исаева измѣнила мнѣ и завела связь съ какимъ-то мастеровымъ. Это сильно поразило меня; потомъ Исаева не согласилась идти со мною; все это, вмѣстѣ взятое, довело меня до такого раздраженія, что я въ первый разъ ударилъ её. Когда я въ прошломъ году вышелъ изъ тюрьмы, то узналъ, что Васильева и Ярославцева клеветали на Исаеву и что дѣлали они это съ цѣлью; но я умолчу объ этой цѣли, потому что не хочу компрометировать ихъ.

Спрошенные судомъ въ качествѣ экспертовъ *врачи: профессора Соколовъ, Легонинъ и Минъ, и доктора: Нейдингъ, Ельцинскій, Гильдебрандтъ, Гильденбургъ и Занынинъ*, какъ о свойствѣ ранъ, нанесенныхъ Исаевой, такъ и о душевномъ настроеніи Брайленко въ моментъ совершенія преступленія, дали объясненія, несогласныя одни съ другими, но большинство причисляло раны Исаевой къ легкимъ и самого Брайленко признало дѣйствовавшимъ подъ вліяніемъ сильнаго припадка ревности, безъ обдуманнаго намѣренія.

Товарищъ прокурора А. А. Березниковъ, поддерживая обвиненіе, доказывалъ, что Брайленко поступалъ обдуманно, въ чемъ онъ и признавался конвоировавшимъ его городовымъ, что если раны, взятыя въ отдѣльности, и принадлежатъ къ разряду легкихъ, за то численность ихъ составляетъ поврежденіе тяжкое. Брайленко обдумалъ и сознательно привелъ въ исполненіе свой умыслъ убить Исаеву, и наступившая послѣ перваго удара аффектація не можетъ служить причиною невмѣняемости совершеннаго имъ преступленія.

Защитникъ подсудимаго кандидатъ правъ Куперникъ сказалъ въ своей защитѣ, что Брайленко не совершилъ даже покушенія на убійство, а нанесъ Исаевой лишь легкія раны. Если Исаева проща-

етъ Брайленко, то за что́ же будутъ судить его другіе? Подсудимый могъ нанести Исаевой смертельный ударъ, когда она упала на диванъ; или когда выбѣжала на дворъ; но онъ самъ остановился, самъ бросилъ ножъ и отдался въ руки полиціи. Эксперты говорятъ, что въ моментъ нанесенія ранъ Брайленко находился въ состояніи аффектаціи, стало-быть онъ не могъ управлять собою и воля его не была свобо́дна.... Въ прошломъ году подсудимый былъ уже оправданъ судомъ присяжныхъ и вотъ онъ снова подвергается этой нравственной пыткѣ. Исаева его простила, онъ готовъ загладить нанесенный имъ ей вредъ, теперь это вполнѣ зависитъ отъ рѣшенія присяжныхъ.

Присяжные признали Брайленко виновнымъ въ нанесеніи съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ цеховой Аграфенѣ Исаевой легкихъ ранъ, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживающимъ снисхожденія.

Судъ, принявъ во вниманіе, что Исаева прощаетъ Брайленко, постановилъ: отъ суда его освободить.

Дѣло это кончилось въ $2^1/_2$ часа пополудни 1-го апрѣля.

16.

Дѣло о вымогательствѣ денегъ посредствомъ писемъ съ угрозами личнымъ почетнымъ гражданиномъ Ф. Н. Евсѣевымъ у почетныхъ гражданъ и московскихъ купцевъ М. С. Зотова и И. І. Шевелкина.

(Мировой судъ.)

Обстоятельства дѣла этого слѣдующія: 6 апрѣля 1869 года купецъ М. С. Зотовъ получилъ по городской почтѣ письмо отъ неизвѣстнаго лица. Вотъ содержаніе этого письма.

„М. Г. Михаилъ Степановичъ! Мы должны вамъ сообщить въ письмѣ важное дѣло. Мы весьма вѣжливо требуемъ отъ васъ, или пока хотя просимъ васъ, доставьте намъ непремѣнно сто руб. серебромъ. Вы обязаны доставить ихъ слѣдующимъ образомъ: въ понедѣльникъ, т. е. 7-го апрѣля, къ вечеру, въ восемь часовъ вечера ровно, вы отправляйтесь сами на Пречистенскій бульваръ, погуляйте до 9-ти часовъ и въ девять часовъ ровно вы подойдите къ 4-й скамейкѣ, по правой сторонѣ, считая отъ Арбата, сядьте на эту скамейку, посидите на ней пять минутъ и незамѣтнымъ образомъ положите подъ скамейку деньги: деньги должны быть завернуты въ бумагу и перевязаны

снуркомъ. Вмѣстѣ съ деньгами вы положите записку, съ жалостію вы даете деньги или не жалѣя. Положивъ деньги, вы не оглядываясь отправляйтесь домой и у своихъ воротъ вы получите письмо, изъ котораго вы увидите: кто просилъ у васъ денегъ, зачѣмъ и почему. Но предупреждаемъ васъ, вы не должны объ этомъ никому говорить до 10-го апрѣля; не принимайте никакихъ мѣръ противъ этого, не объявляйте полиціи, не заставляйте слѣдить за нами, однимъ словомъ, объ этомъ должны знать только вы одинъ; въ противномъ случаѣ вы, ваша жена и дѣти ваши и всѣ родственники поплатятся жизнію; знайте, что насъ очень много, и изъ насъ можетъ одинъ попасться только, а остальные вамъ всѣмъ отомстятъ смертію. Знайте, что это не шутка, а серьезное дѣло; вы обязаны намъ дать сто руб. сер. непремѣнно, а за что,—объ этомъ скажемъ послѣ. Деньги должны быть размѣнены на руб. и трехъ-руб. бумажки. Въ назначенное мѣсто должны быть деньги принесены вами самими или однимъ изъ вашихъ сыновей. Если вы доставите деньги, то вы можете быть всегда безопасны. Итакъ, вы должны 7-го апрѣля сего года, въ 9 часовъ вечера, принести на Пречистенскій бульваръ сто руб. сер. и положить подъ 4-ю скамейку, считая

отъ Арбата, по правой сторонѣ, и не оглядываясь уйти; если же вы не исполните всего, что мы вамъ говоримъ и не принесете денегъ въ назначенное мѣсто и время, то вамъ предстоитъ слѣдующее: какія мѣры ни принимайте для безопасности, какъ ни ограждайте себя, хоть окружите себя большимъ конвоемъ, все-таки отъ насъ тогда не скроетесь. За неисполненіе нашего приказанія вотъ что будетъ. Васъ убьютъ въ самое короткое время, потомъ вашу жену убьемъ, потомъ вашихъ сыновей и дочерей убьемъ, и наконецъ домъ вашъ и лавку сожжемъ дотла. Все это мы сдѣлаемъ, какъ говоримъ, и подтверждаемъ это даже клятвою; въ чемъ клянемся, то и сдѣлаемъ: насъ вѣдь очень много, отъ насъ не скроетесь; поэтому совѣтуемъ вамъ лучше дать сто руб. сер., а то потеряете все. Опять-таки скажемъ вамъ, если вы не исполните въ точности, въ назначенное время и мѣсто не принесете деньги, то вы лишитесь жизни и всего имущества. Насъ очень много; какъ сдѣлаете вы для насъ праздникъ веселымъ, такъ и для васъ будетъ праздникъ веселъ. Итакъ выбирайте: или жизнь или смерть, опасность или безопасность, богатство или нищенство. Лучшее выбирайте и смотрите же, доставьте 100 руб., а то вамъ и всему имуществу вашему скорая и

неминуемая смерть. Ждемъ; насъ вѣдь много, 6-го апрѣля 1869 г. Ночь."

Прочитавши означенное письмо, г. Зотовъ страшно испугался; кто-то присовѣтовалъ ему дать знать объ этомъ полиціи, что̀ имъ и было исполнено. Затѣмъ онъ перемѣтилъ кредитные билеты, завернулъ ихъ въ бумагу, завязалъ и въ 8 часовъ вечера 7 числа вышелъ на бульваръ; и, положивъ подъ четвертую скамейку свертокъ съ деньгами, удалился. Между тѣмъ два квартальныхъ надзирателя, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ дворникомъ, а другой извощикомъ и трое переодѣтыхъ же городовыхъ караулили злоумышленника. Около 9 часовъ во время грозы и дождя къ будкѣ, у которой подъ навѣсомъ стоялъ переодѣтый надзиратель, г. Савицкій, подошелъ неизвѣстный молодой человѣкъ, прилично одѣтый, съ молоденькой дамой подъ руку, и какъ бы скрываясь отъ дождя вошелъ въ будку, вслѣдъ за нимъ вошелъ туда и надзиратель Савицкій. Пробывъ въ будкѣ съ четверть часа неизвѣстный вышелъ оттуда и пройдя нѣсколько разъ мимо лавки, подъ которою лежали деньги, наконецъ сѣлъ вмѣстѣ со своею подругою; что̀ дѣлалъ онъ— замѣтить было нельзя за наступившею темнотою; но черезъ нѣсколько минутъ они встали и хотѣ-

ли было отправиться далѣе, какъ тутъ-же были остановлены полиціею. Сначала молодой человѣкъ очень горячился, говорилъ, что его не смѣютъ задерживать, что онъ будетъ жаловаться на это въ окружной судъ; но тутъ подоспѣли и посторонніе свидѣтели; при нихъ былъ поднятъ изъ-подъ скамейки свертокъ, обвязанный снуркомъ; только вмѣсто денегъ въ немъ оказалась простая бумага. Наконецъ, по дальнѣйшемъ изслѣдованіи мѣстности, за ножкой скамейки лежала калоша, въ которой и нашли другой свертокъ съ деньгами, тотъ самый, который и былъ положенъ г. Зотовымъ. Неизвѣстный началъ-было говорить, что это подброшено нарочно, но когда замѣтили ему, что у него на одной ногѣ нѣтъ калоши и что найденная подъ скамейкой калоша приходится ему впору, то онъ притворился пьянымъ. Его привели въ контору квартала и, по сдѣланному обыску, въ карманѣ, у него нашли другое письмо къ купцу М. Е. Попову, содержаніемъ подобное приведенному выше. Неизвѣстный оказался сыномъ унтеръ-офицера Евсѣевымъ, 22 лѣтъ, воспитывавшимся въ Московской практической академіи и, по окончаніи въ оной курса наукъ, 10 іюня 1868 года, получившимъ званіе личнаго почетнаго гражданина. О найденномъ у него письмѣ на имя г. Попова онъ сначала было

объяснилъ, что оно ему не принадлежитъ; но вскорѣ за тѣмъ, обратясь къ присутствовавшимъ, сказалъ: „Дѣлать нечего, господа, мой грѣхъ! дайте бумагу; я все напишу по совѣсти". Причиною, побудившею его рѣшиться на такой поступокъ было, по его словамъ, желаніе купить къ празднику обновку для своей подруги, которая впрочемъ ничего о продѣлкахъ его не знала.

Едва успѣлъ Евсѣевъ дать эти показанія, какъ въ контору квартала прибылъ одинъ изъ частныхъ приставовъ съ письмомъ, представленнымъ ему отъ купца Шевелкина, въ которомъ съ такими же угрозами требовалось вынести, 8 апрѣля, въ 9 часовъ вечера, на Никитскій бульваръ сто рублей серебромъ и положить ихъ подъ вторую скамейку отъ Арбата. Евсѣевъ сознался, что и это письмо писано имъ же; причемъ добавилъ, что ни одну изъ угрозъ своихъ, помѣщенныхъ въ письмахъ, онъ не имѣлъ намѣренія исполнить.

Судебный слѣдователь переслалъ это дѣло для примиренія къ г. мировому судьѣ Александровскаго участка, у котораго оное и разсматривалось 10 мая 1869 года.

Гг. Зотовъ и Шевелкинъ заявили судьѣ, что они съ Евсѣева ничего не ищутъ и желаютъ кончить это дѣло миромъ, вслѣдствіе чего, на осно-

ваніи 35 ст. уст. уг. суд., дѣло о семъ прекращено.

17.

Дѣло о цеховомъ Петрѣ Евимовѣ, судившемся за кражу мѣстной свѣчи изъ Архангельскаго собора.

(Окружный судъ.)

Обстоятельства дѣла: 19 августа 1868 года полицейскій унтеръ-офицеръ Ивановъ представилъ въ контору квартала цеховаго Петра Евимова, похитившаго въ этотъ день изъ Архангельскаго собора свѣчу отъ мѣстнаго образа во время вечерни. На предварительномъ слѣдствіи сторожъ означеннаго собора показалъ, что въ день праздника иконы Божіей Матери, именуемой Донскою, 19 августа, по окончаніи вечерни, когда народъ выходилъ изъ храма, онъ примѣтилъ неизвѣстнаго ему человѣка, державшаго что-то подъ полою своего сюртука. Взглянувъ на то мѣсто, гдѣ прежде стоялъ неизвѣстный, сторожъ увидѣлъ, что стоявшей предъ иконою Казанской Богоматери мѣстной свѣчи на мѣстѣ не было. Тогда онъ побѣжалъ за неизвѣстнымъ, возбудившимъ въ немъ подозрѣніе, догналъ его на плацъ-парадѣ и, отнявъ у него похищенную имъ отъ иконы свѣчу,

препроводилъ его съ городовымъ въ полицію. Похититель оказался цеховымъ Петромъ Ефимовымъ и въ кражѣ свѣчи сознался. Прокурорскій надзоръ обвинялъ Ефимова въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 222 улож. о наказаніяхъ, за которое Ефимовъ подвергался лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на время отъ четырехъ до шести лѣтъ.

На судѣ обвиняемый на вопросъ предсѣдавшаго объяснилъ: „Виноватъ, я укралъ изъ собора свѣчу. Нужда заставила меня сдѣлать это. Я въ августѣ только-что изъ больницы вышелъ, отъ болѣзни не успѣлъ еще оправиться: работать не могъ, а пить-ѣсть надо. Съ голоду я такой грѣхъ на душу взялъ. Пришелъ въ соборъ помолиться, а тутъ лукавый и смутилъ меня: вдругъ это пришла мнѣ въ голову мысль взять свѣчу, и взялъ я ее... Не знаю, хотѣлъ я продать её или нѣтъ,— ни на что я еще рѣшимости не имѣлъ, а тутъ меня сторожъ догналъ и отправилъ въ кварталъ...

Присяжные засѣдатели, послѣ совѣщанія, длившагося не болѣе пятнадцати минутъ, признали подсудимаго цеховаго Петра Ефимова, невиновнымъ, и собрали ему денегъ.

Ефимовъ человѣкъ пожилой и восемь мѣсяцевъ содержался подъ стражей.

18—19.

I. Дѣло о московскомъ мѣщанинѣ Петрѣ Трефильевѣ, обвинявшемся въ святотатствѣ. II. О присяжныхъ повѣренныхъ московской судебной палаты К. А. Рихтерѣ и А. П. Гриневичѣ, обвинявшихся въ клеветаніи.

(Окружный судъ).

Въ Окружномъ судѣ 16 апрѣля 1869 года разбирались слѣдующія два интересныя дѣла:

I.

19 февраля 1868 года въ контору 6 квартала Якиманской части представленъ городовымъ московскій мѣщанинъ Петръ Трефильевъ за кражу стаканчика изъ лампады передъ мѣстною иконою въ церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла, что на Якиманкѣ. На предварительномъ слѣдствіи подсудимый Трефильевъ показалъ, что наканунѣ, т.-е. 18 числа февраля, онъ былъ сильно выпивши; на другой день онъ сходилъ въ баню, оттуда зашелъ въ кабакъ, выпилъ стаканъ водки; потомъ, идя домой, онъ увидѣлъ, что обѣдня у Петра и Павла еще не отошла; тогда онъ вошелъ въ церковь, отслушалъ божественную службу, приложился ко кресту, а потомъ сталъ прикладываться

къ образамъ. Въ это время ему пришло въ голову вынуть изъ лампады стаканчикъ, что онъ и сдѣлалъ. Рѣшился онъ на этотъ поступокъ для того, чтобы продать стаканчикъ и на вырученныя за него деньги опохмѣлиться. Богадѣленка, прислуживающая въ означенной церкви, Куличкова показала, что она замѣтила поспѣшно вышедшаго изъ церкви неизвѣстнаго человѣка и качавшуюся передъ образомъ лампаду, въ которой не было стаканчика; тогда она спросила у товарки своей Василисы Баженовой, такъ же прислуживающей въ церкви: не вынимала ли она изъ лампады стаканчика; та отвѣчала: нѣтъ. Тутъ онѣ вмѣстѣ вышли изъ церкви и въ переулкѣ нагнали Трефильева, который шелъ не скоро, по временамъ озираясь. Онѣ остановили его; онъ отдалъ имъ похищенный стаканчикъ; оставшееся въ немъ небольшее количество масла онѣ выплеснули ему въ глаза. Трефильевъ просилъ у нихъ прощенія, но онѣ не простили его и вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ на этотъ случай полицейскимъ городовымъ препроводили его въ кварталъ. Цѣна стаканчику 10 копѣекъ сер.

На вопросъ предсѣдателя суда *Трефильевъ* объяснилъ, что ему сорокъ два года, у него есть жена и пять человѣкъ дѣтей. „Сдѣлался я боленъ

горячкою—продолжалъ онъ: лежалъ въ больницѣ, только мѣста въ больницѣ нужны очень были, меня и выписали оттуда 25-го числа января. Прежде я кое-какую торговлишку велъ, а тутъ слабъ еще былъ: неоправился порядкомъ послѣ болѣзни-то; занятій никакихъ не было у меня. 19 числа февраля, въ самый царскій день, пошелъ я въ баню, а оттуда въ кабакъ, выпилъ водки стаканъ: холодно было. Иду оттуда, вижу, въ церкви служба идетъ; я вошелъ въ церковь, отстоялъ обѣдню, ко кресту подошелъ, потомъ сталъ прикладываться къ иконамъ... И самъ не знаю, что мнѣ втемяшилось въ голову вытащить изъ лампадки стаканчикъ: значитъ грѣху такому быть, только я продавать его не хотѣлъ, да и что за него дадутъ-то! Какъ вытащилъ я стаканчикъ, не помню: въ потемнѣніи какомъ-то былъ. Потомъ въ переулкѣ меня нагнали двѣ старушки. Ты, говорятъ, укралъ стаканчикъ?—Я говорю, простите Христа-ради! и отдалъ имъ стаканчикъ, одна взяла его и выплеснула мнѣ въ лице сколько тамъ осталось масла; потомъ тутъ полицейскій подоспѣлъ, ну и повели меня"...

Обвинительная власть въ виду ясности дѣла не находила необходимымъ производить слѣдствіе и приступать къ новому допросу свидѣтелей, но за-

щитникъ обвиняемаго присяжный стряпчій коммерческаго суда г. Постниковъ настоялъ на этомъ.

Свидѣтельница Куличкова, разсказавъ уже извѣстныя намъ обстоятельства дѣла, прибавила, что когда она вмѣстѣ съ другой богадѣленкой догнала Трефильева, то на вопросъ ея, свидѣтельницы: ты взялъ стаканчикъ? онъ отвѣчалъ нѣтъ; тогда она обыскала его и нашла стаканчикъ въ карманѣ.

Защитникъ подсудимаго Постниковъ. Въ вашихъ показаніяхъ явное противорѣчіе: на предварительномъ слѣдствіи вы объяснили, что Трефильевъ добровольно отдалъ вамъ стаканчикъ, а здѣсь вы говорите, что вынули стаканчикъ сами.

Куличкова. Да, батюшко, сама вынула.

Постниковъ. Трефильевъ былъ пьянъ?

Куличкова. Это ужъ не могу сказать, родной.

Постниковъ. Онъ бѣжалъ отъ васъ?

Куличкова. Нѣтъ, тихо шелъ.

Постниковъ. Что онъ вырывался отъ васъ?

Куличкова. Хотѣлъ было вырваться, да Богъ видно не попустилъ. Потомъ онъ ужъ прощенья просить сталъ; ну, а мы его не простили: нельзя было.

Свидѣтельница Баженова, показавъ почти тоже, добавила, что стаканчикъ вынула изъ кармана Трефильева не Куличкова, а она, Баженова.

Свидѣтель полицейскій городовой показалъ между прочимъ, что Трефильевъ былъ пьянъ до того, что едва только на ногахъ держался. По прибытіи въ кварталъ, онъ самъ вынулъ изъ кармана и отдалъ стаканчикъ.

Подсудимый повторилъ свое прежнее показаніе.

Товарищъ прокурора въ заключеніи своемъ сказалъ, что разнорѣчіе въ показаніяхъ свидѣтельницъ легко могло произойти вслѣдствіе ихъ преклонныхъ лѣтъ и давности случившагося происшествія, и затѣмъ, обратясь къ присяжнымъ, прибавилъ, что въ виду сознанія подсудимаго присяжнымъ предоставляется рѣшить по совѣсти слѣдующій вопросъ: должно ли настоящее преступленіе быть наказано и въ какой мѣрѣ или оно должно пройдти безнаказаннымъ.

Г. Постниковъ началъ свою защиту слѣдующими словами: „То страшное преступленіе, въ которомъ, гг. присяжные, обвиняется мой кліентъ, и тѣ ужасныя послѣдствія, которыя влечетъ за собою это преступлевіе, вынуждаютъ меня обратить ваше вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Къ чему стремятся власти? Конечно къ тому, чтобы народная нравственность увеличивалась, а не уменьшалась. Но всякое-ли преступленіе безнравственно? Нѣтъ, только тѣ преступленія

безнравственны, въ которыхъ участвуетъ злая воля. Въ настоящемъ случаѣ кого судите вы: святотата или просто вора? Чтобы отрѣшиться отъ давящихъ мыслей, бросимъ взглядъ на исторію законодательства и мы придемъ къ такимъ заключеніямъ, отъ которыхъ волосъ станетъ дыбомъ"... Далѣе краснорѣчивый ораторъ упоминаетъ о пыткахъ, о недостаткахъ австрійскаго законодательства, приводитъ тексты изъ священнаго писанія и наконецъ заключаетъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: „Проходитъ то время, когда законы о святотатствѣ грозили виновнымъ въ томъ страшною карою. Я надѣюсь, что господа присяжные произнесутъ свой приговоръ, выходящій не изъ узкихъ рамокъ закона, а изъ свободнаго убѣжденія".

На эту рѣчь г. товарищъ прокурора замѣтилъ, обратясь къ присяжнымъ, что они призваны въ судъ не для протеста противъ существующихъ законовъ о святотатствѣ, а для рѣшенія вопроса: виновенъ подсудимый, или нѣтъ.

Присяжные послѣ краткаго совѣщанія объявили подсудимаго мѣщанина Трефильева невиновнымъ.

II.

Отставной унтеръ-офицеръ Александръ Павловъ въ поданной въ судъ жалобѣ объяснилъ, что присяжный повѣренный московской судебной палаты г. Гриневичъ подалъ по довѣренности отъ присяжнаго же повѣреннаго г. Рихтера къ мировому судьѣ Александровскаго участка прошеніе. Въ прошеніи этомъ было прописано, что будто онъ, Павловъ, посредствомъ ложныхъ указаній выманилъ у Рихтера сто двадцать пять рублей серебромъ; а потому Гриневичъ отъ имени довѣрителя своего просилъ поступить съ Павловымъ по 174 ст. пун. 2 Устав. о наказ., какъ за мошенничество, деньги же 125 р. с. съ Павлова взыскать и отослать оныя въ пользу улучшенія тюремнаго содержанія. Мировой судья опредѣлилъ: подвергнуть Павлова тюремному заключенію на одинъ мѣсяцъ; но мировой съѣздъ, куда дѣло это поступило по жалобѣ Павлова, рѣшеніе это отмѣнилъ и Павлова отъ отвѣтственности освободилъ. Вслѣдствіе этого Павловъ, считая такія дѣйствія со стороны Рихтера и Гриневича оскорбительными для своего добраго имени, просилъ предать ихъ обоихъ суду окружнаго суда, и приговоръ онаго опубликовать.

Оба отвѣтчика виновными себя не признали.

Адвокатъ г. Рихтера присяжный повѣренный М. И. Доброхотовъ между прочимъ сказалъ, что г. Рихтеръ по просьбѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ ему членовъ московскаго юридическаго общества принялъ участіе въ дѣлѣ г. Павлова. Павловъ безпрестанно ходилъ къ Рихтеру и надоѣдалъ ему совѣтами, какъ вести это дѣло. Наконецъ, не ограничиваясь этимъ, подалъ Рихтеру докладную записку весьма оскорбительнаго тона, а потомъ принесъ на него жалобу въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Между тѣмъ когда г. Рихтеръ взялся за дѣло Павлова, только снисходя къ его просьбѣ и полагаясь на увѣренія его, что процессъ его почти безспорный, онъ далъ ему изъ своихъ собственныхъ денегъ 125 руб. сер. Но, увидѣвъ несостоятельность иска Павлова и его неблаговидныя дѣйствія, онъ имѣлъ полное право подать на него прошеніе и обвинять его въ выманиваніи денегъ. Въ мировомъ съѣздѣ Павловъ имѣлъ возможность просить съѣздъ о признаніи взводимаго на него обвиненія недобросовѣстнымъ, но онъ этого не сдѣлалъ. Затѣмъ выдача Рихтеромъ довѣренности Гриневичу и ходатайство по оной сего послѣдняго не есть клевета, потому что клеветою называется только заочное разглашеніе ка-

кихъ-либо обстоятельствъ, вредящихъ доброму имени лица. Наконецъ въ законѣ есть указаніе, что извѣтъ, признанный одною инстанціею суда справедливымъ, а другою отвергнутый, не считается ложнымъ извѣтомъ. Поэтому г. Доброхотовъ просилъ судъ: признать обвиненіе неосновательнымъ.

Г. Гриневичъ, повторивъ почти тоже, сказалъ, что если бы онъ былъ въ мировомъ съѣздѣ, то, по всей вѣроятности, дѣло о Павловѣ получило бы другой исходъ; но онъ не явился на разбирательство по желанію самого Рихтера, который не хотѣлъ болѣе преслѣдовать Павлова.

Г. Рихтеръ сказалъ въ заключеніе, что проситъ судъ уважить ту часть жалобы Павлова, въ которой онъ проситъ объ опубликованіи имѣющаго состояться приговора.

Судъ постановилъ: присяжныхъ повѣренныхъ Рихтера и Гриневича признать по суду оправданными.

Рѣшеніемъ этимъ Павловъ остался недоволенъ.

20.

Дѣло о Московскомъ купеческомъ внукѣ Алексѣѣ Ивановичѣ Морозовѣ, обвинявшемся въ убійствѣ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ съ цѣлью грабежа.

(Окружный судъ.)

1868 года, съ 25-го на 26-е іюля, въ ночь, полицейскій унтеръ-офицеръ Барсовъ, проходя мимо дома Дурново, на углу Тверской улицы, замѣтилъ лежащаго на тротуарѣ человѣка въ безчувственномъ положеніи. Полагая, что лежитъ пьяный, онъ вызвалъ изъ хлѣбопекарни, находящейся въ домѣ Дурново, двухъ работниковъ, Лаврентія Семенова и Осипа Купріянова, чтобы поднять лежавшаго и препроводить его куда слѣдуетъ. Работники вышли съ огнемъ и тутъ они увидѣли, что лежалъ не пьяный, а убитый: горло у него было перерѣзано, а голова проломлена. Его подняли и онъ пришелъ въ себя. Неизвѣстный оказался восемнадцатилѣтнимъ крестьяниномъ Васильемъ Ивановымъ Ермиловымъ, нанявшимъ мѣсяца полтора назадъ въ домѣ Дурново хлѣбную и съѣстную лавочку. Барсовъ сталъ распрашивать его и Ермиловъ сказалъ, что его зарѣзалъ купеческій внукъ Алексѣй Морозовъ. Вскорѣ за

тѣмъ на мѣсто происшествія прибылъ надзиратель квартала Бочечкаровъ, и ему повторилъ Ермиловъ, что зарѣзанъ Морозовымъ. Собравъ постороннихъ свидѣтелей, полиція отправилась въ домъ Морозова, гдѣ и нашли убійцу спящимъ подъ навѣсомъ. — „Ты Алексѣй Морозовъ“? окликнулъ его надзиратель,—„Что вамъ? я ничего худаго не сдѣлалъ“, отвѣчалъ тотъ, быстро поднимаясь на ноги. При этомъ всѣ бывшіе тутъ замѣтили, что Морозовъ только притворялся спавшимъ, а въ самомъ дѣлѣ не спалъ, потому что глаза у него не были заспаны. Возлѣ преступника лежала его одежда, на которой, по осмотру ея, оказались слѣды свѣжей крови. Его взяли и повели къ мѣсту преступленія. Когда на дорогѣ его спросили: не узнаетъ ли онъ зарѣзаннаго, то онъ, еще не видя своей жертвы, произнесъ: „обмойте вы его хорошенько, можетъ статься и узнаю“. Василій Ермиловъ, услыхавъ голосъ своего убійцы, сказалъ: „Алексѣй, Алексѣй, за что ты меня зарѣзалъ“?— „Чѣмъ я тебя зарѣзалъ“? спросилъ Морозовъ.— „Извѣстно, ножемъ, а не х...мъ“ проговорилъ Ермиловъ. Пріѣхавшій судебный слѣдователь нашелъ Ермилова уже въ безпамятствѣ, а черезъ полчаса онъ умеръ. Жившій у Ермилова одиннадцатилѣтній мальчикъ Ѳедотъ Варѳоломѣевъ на

сдѣланные ему вопросы разсказалъ, что 25-го іюля часовъ въ 11-ть вечера Ермиловъ вернулся домой и велѣлъ ему ложиться спать. „Ночью я проснулся—продолжалъ мальчикъ:—„вижу, Василій Иванычъ (Ермиловъ) всталъ и пошелъ на дворъ; тутъ вбѣжалъ кто-то со двора, въ черной одеждѣ — и прямо въ лавку. Когда Василій Иванычъ воротился со двора, я и говорю ему, что, молъ, кто-то въ лавку пробѣжалъ, а онъ мнѣ говоритъ, „что ты меня стращаешь, я тебя побью за это“, я и замолчалъ. Потомъ вижу, стоитъ кто-то около окна, сверху черный, а снизу бѣлый, словно въ фартукѣ; я подумалъ, что это все чудится мнѣ, закутался съ головой и заснулъ. Вдругъ слышу Василій Иванычъ кричитъ: „караулъ, помогите“, я выглянулъ: вижу Василій Иванычъ борется съ этимъ чернымъ, потомъ вспыхнулъ огонь, потомъ все замолкло... Василій Иванычъ лежалъ, а потомъ всталъ и ушелъ на дворъ... Мнѣ стало жутко, я выбѣжалъ въ сѣни и притаился въ калачной...“ По осмотру мѣста преступленія оказалось, что сѣно, на которомъ спалъ Ермиловъ, обагрено кровью; салфетка, служившая для покрышки хлѣбовъ, забрызгана кровью; кромѣ того, найдены: большой хлѣбный ножъ окровавленный, гиря въ десять фунтовъ, и еще на

дворѣ за калиткой, другой ножикъ поменьше. Денежный ящикъ въ лавкѣ былъ разломанъ и въ немъ лежалъ пустой бумажникъ, тогда какъ у Ермилова, по показанію дяди его, должно было находиться денегъ рублей полтораста. Преступникъ ни въ чемъ не сознался; относительно-же кровавыхъ пятенъ на платьѣ онъ объяснилъ, что наканунѣ былъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ Никитою Ивановымъ Коротковымъ на скачкѣ, гдѣ одна изъ скаковыхъ лошадей переломила себѣ ногу, и её тутъ-же прирѣзали; а такъ какъ онъ стоялъ неподалеку, то кровь и обрызгала его. Крестьянинъ Никита Коротковъ показалъ, что хотя случай этотъ и былъ на скачкѣ, но Морозовъ не могъ быть обрызганъ кровью лошади, ибо они оба стояли за народомъ далеко отъ нея. Послѣ своего перваго показанія Алексѣй Морозовъ далъ судебному слѣдователю, 9-го августа, другое показаніе, въ которомъ объяснилъ, что онъ Морозовъ, идя вмѣстѣ съ Коротковымъ со скачки по Ходынскому полю, сказалъ Короткову, что хорошо было-бы достать теперь рублей сто денегъ, и Коротковъ отвѣчалъ ему, что нужно для этого пришибить Ермилова; а если найдутъ на нихъ кровь, то можно сказать, что испачкались объ прирѣзанную на скачкѣ лошадь. Они

условились между собою сойдтись другъ съ другомъ на улицѣ въ 12 часовъ ночи. Пришедши туда, Морозовъ уже засталъ ожидавшаго его Короткова и оба вмѣстѣ пошли къ Ермилову. Ермиловъ не разъ приглашалъ къ себѣ Морозова ночевать, когда онъ бывалъ хмѣленъ и боялся идти къ отцу. Морозовъ постучался, Ермиловъ впустилъ его и они легли рядомъ. Когда послѣдній заснулъ. Морозовъ осторожно поднялся, взялъ гирю и ударилъ ею раза три по головѣ Ермилова, а потомъ впустилъ Короткова, который взялъ хлѣбный ножикъ, схватилъ Ермилова за волоса и нанесъ ему нѣсколько ранъ; затѣмъ Коротковъ разломалъ ящикъ и взялъ изъ бумажника деньги. Послѣ этого они разошлись по домамъ. Показаніе это, по обстоятельствамъ дѣла, оказалось злостнымъ оговоромъ Короткова; но, не смотря на это Морозовъ имѣлъ смѣлость повторить свое показаніе и на судѣ.

Дѣло это разсматривалось въ московскомъ окружномъ судѣ 28 апрѣля 1869 года съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Составъ суда: товарищъ предсѣдателя П. А. Дейеръ, члены И. М. Шестаковъ и С. Я. Орловскій; обвинялъ товарищъ прокурора И. Р. Мирецъ-Имшенецкій, защищалъ присяжный повѣренный Н. И. Ласковскій.

Товарищъ прокурора И. Р. Мирецъ-Имшенецкій въ обвинительной рѣчи своей между прочимъ сказалъ, что изъ обстоятельствъ дѣла и показаній мальчика Ѳедота Варѳоломѣева ясно видно, что преступленіе совершено однимъ Алексѣемъ Морозовымъ безъ участія Короткова; что онъ, Морозовъ, оговариваетъ Короткова изъ мести за то, что послѣдній уличилъ его въ невозможности испачкаться кровью на скачкѣ прирѣзанной лошади, и еще съ тою цѣлію, чтобы показать передъ судомъ что онъ, Морозовъ, несовершеннолѣтній, былъ вовлеченъ въ преступленіе Коротковымъ, который старѣе его.

Защитникъ Морозова присяжный повѣренный Ласковскій въ заключеніе своей защиты просилъ присяжныхъ смягчить наказаніе подсудимому не по обстоятельствамъ дѣла, а потому, что дѣтство Морозова прошло безъ всякаго надзора и онъ не получилъ никакого воспитанія.

Судъ приговорилъ Алексѣя Морозова за предумышленное убійство Василья Ермилова, съ цѣлью ограбленія, согласно 1453 пун. 4, 1452 пун. 1, 7, 9 и 10, 129 и 139 ст. улож. о наказ., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на тринадцать лѣтъ и четыре мѣсяца.

21.

Дѣло о крестьянинѣ Кульковѣ, и рядкомъ Осипѣ Смирновѣ, судившихся за грабежъ.

(Окружный судъ).

8 мая въ Московскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разбиралось слѣдующее дѣло:

Подсудимыхъ двое: крестьянинъ Алексѣй Кульковъ и рядовой Осипъ Смирновъ, первому двадцать, второму двадцать семь лѣтъ. Кульковъ обвинялся въ ограбленіи крестьянина Матвѣя Абакумова, въ кражѣ бѣлья: двухъ рубашекъ и шароваръ, висѣвшихъ для просушки на дворѣ крестьянина Ларина, и въ проживаніи по чужому паспорту; Смирновъ, находившійся въ бѣгахъ, обвинялся въ ограбленіи крестьянина Абакумова.

Обстоятельства дѣла: крестьянинъ Матвѣй Абакумовъ, возвращаясь изъ Троицкой лавры, куда ходилъ на богомолье, назадъ къ себѣ въ деревню, 4 іюля 1868 года шелъ за Покровскою заставою, близъ шоссе, и будучи утомленъ, прилегъ отдохнуть; въ это время на него напали двое неизвѣстныхъ, оказавшихся впослѣдствіи крестьянином Кульковымъ и рядовымъ Смирновымъ, вытащили у него пять рублей серебромъ, свидѣтельство Во-

лостнаго правленія, сняли съ него сапоги и чулки и нанесли побои. Грабители были пойманы въ деревнѣ Хохловкѣ и препровождены въ полицію, при чемъ при обыскѣ на Кульковѣ оказались еще мокрые шаровары крестьянина Ларина и у него же найденъ чужой паспортъ. По осмотру врача рогожской части, произведенному 9 іюля, у Абакумова никакихъ боевыхъ знаковъ не найдено и здоровье его оказалось въ удовлетворительномъ состояніи.

Кульковъ на вопросы предсѣдавшаго показалъ, что онъ прежде жилъ у купца Постникова, у котораго терпѣлъ горькую участь: „хлѣба не доѣдалъ — говорилъ онъ: пріѣдетъ, бывало, хозяинъ пьяный и давай бушевать, просто жизнь хуже каторги была; потомъ опредѣлился я къ мяснику на Полянкѣ; ну, тутъ хорошо было: сто сорокъ рублей жалованья получалъ, харчи и все хозяйское, да паспорту срокъ вышелъ, писалъ сколько разъ, чтобъ выслали паспортъ, не высылаютъ: я и пошелъ въ деревню; а паспортъ, что у меня нашли, правда, чужой. Мнѣ его дала мачиха, только я представлять его никуда не представлялъ; бѣлье Ларина укралъ я, въ этомъ виноватъ, а Абакумова не грабилъ и не билъ, ограбилъ его Смирновъ.

Смирновъ, сознавшись, что находился въ бѣгахъ, не призналъ себя виновнымъ въ ограбленіи Абакумова.

Крестьянинъ, Абакумовъ, худой, маленькій мужичекъ, тридцати лѣтъ, спрошенный на судѣ, какъ лице потерпѣвшее, безъ присяги, далъ слѣдующее объясненіе: „Я ходилъ къ Троицѣ, Богу молиться, иду оттуда домой по рязанскому шоссею, тутъ около Хохловки, у питейнаго дома, остановился, выпилъ шкаликъ, пошелъ дальше, а день былъ жаркій, я былъ уставши, прилегъ да и забылся. Пьянъ я не былъ, а такъ разморило меня. Вотъ въ это время у меня и вытащили деньги и паспортъ, потомъ сапоги стали стаскивать и чулки и картузъ вотъ этотъ молодецъ (указываетъ на Кулькова) снялъ. Я сталъ просить ихъ, „братцы молъ, отдайте Христа ради деньги и паспортъ, а они меня въ шею“...

Предсѣдатель. Оба ударили васъ въ шею?

Абакумовъ. Нѣтъ, вотъ евтотъ Кульковъ, а другой-то толконулъ меня, такъ что я упалъ.

Предсѣдатель. Больно васъ ударили по шеѣ?

Абакумовъ. Оно не такъ, чтобы очень, а порядкомъ.

Предсѣдатель. И вы не защищались, не кричали?

Абакумовъ. Нѣтъ, да что кричать-то было: никого не было. Опосля мнѣ рабочіе, тутъ съ фабрики, говорили, что видѣли, какъ меня грабили да подойти побоялись.

Предсѣдатель. Объясните мнѣ: почему же въ докторскомъ осмотрѣ никакихъ знаковъ на васъ не найдено, что васъ били?

Абакумовъ. Пять денъ прошло, какъ меня осматривали, можетъ и зажило.

Далѣе Абакумовъ объяснилъ, что Кульковъ напалъ на него первый, а чулки и сапоги снимали съ него, показателя, оба; что грабители пошли по дорогѣ къ Хохловкѣ; что онъ, Абакумовъ, спросилъ у одного крестьянина: не видалъ-ли онъ двухъ человѣкъ: одного въ солдатской шинели, а другаго въ люстриновой поддевкѣ, которые его ограбили; тотъ отвѣчалъ, что видѣлъ, и вмѣстѣ съ нимъ они догнали ихъ и съ помощью полицейскаго городоваго представили ихъ въ мѣстный кварталъ. На предложенный Абакумову вопросъ: бѣжали-ли отъ нихъ подсудимые, онъ отвѣчалъ, что Кульковъ не бѣжалъ, но поджидалъ ихъ, стоя у плотины; Смирновъ-же былъ представленъ въ полицію послѣ.

Защитники указывали на нѣкоторыя противорѣчія между показаніями Абакумова, данными на

предварительномъ слѣдствіи и на судѣ. При этомъ защитникъ Кулькова сказалъ, что онъ считаетъ невѣроятнымъ, чтобы Абакумовъ, подвергнувшись нападенію днемъ, на большой проѣзжей дорогѣ, не защищался и даже не кричалъ, и чтобы рабочіе, видѣвшіе это нападеніе, побоялись подать ему помощь; относительно-же имѣвшагося у его кліента чужаго паспорта онъ замѣтилъ, что такъ какъ Кульковъ изъ паспорта этого не сдѣлалъ никакого употребленія: нигдѣ его не записывалъ и никому не предъявлялъ, то и неможетъ подлежать за то какой-либо отвѣтственности.

Присяжные засѣдатели признали виновными: Кулькова въ грабежѣ и кражѣ, а Смирнова въ грабежѣ, и судъ приговорилъ: отдать перваго въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на три года и три мѣсяца, а втораго—въ арестантскія роты военнаго вѣдомства на 4 года и 6 мѣсяцевъ, лишивъ обоихъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ. При этомъ присяжные собрали въ пользу Абакумова нѣсколько рублей, который такъ обрадовался этимъ деньгамъ, что сначала совершенно растерялся и сталъ запихивать бумажки въ шапку, но потомъ по совѣту одного изъ г. г. присяжныхъ завязалъ ихъ въ тряпочку и прицѣпилъ накрестъ.

22.

Дѣло о крестьянинѣ Иванѣ Волковѣ, судившемся за оскорбленіе словами и дѣйствіемъ маіора Заіончковскаго.

(Окружный судъ.)

Въ Московскомъ Окружномъ судѣ 12 мая 1869 года съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Дейера, докладывалось дѣло о крестьянинѣ Иванѣ Волковѣ, обвинявшемся въ оскорбленіи словами и дѣйствіемъ маіора Ивана Заіончковскаго. Вотъ сущность дѣла:

1868 года 12 октября бывшій частный приставъ, а теперь квартальный надзиратель, Иванъ Козминъ Заіончковскій, идя Серпуховскою улицею, замѣтилъ не въ порядкѣ стоявшую подводу, на которой сидѣла крестьянка (жена Волкова). Онъ обратился къ ней и требовалъ, чтобы она отъѣхала къ сторонѣ; но она, указавъ ему на шедшаго Волкова, сказала: вонъ мой мужъ еще въ кабакѣ, жду не дождусь его. Заіончковскій взялъ крестьянина этого за руку и приказывалъ ему отвести подводу; но Волковъ, схвативъ его за лацканы пальто, сталъ трясти и кричалъ: какъ онъ смѣетъ его толкать. Тутъ выбѣжалъ изъ сосѣд-

няго дома дворникъ и отвелъ Волкова въ будку, а оттуда онъ былъ препровожденъ въ контору квартала и дорóгою ругался неприличными словами. Въ конторѣ Волковъ назвалъ Заіончковскаго сукинымъ сыномъ и прибавилъ: „Ты, можетъ быть, какой нибудь полякъ и хочешь управлять нами, православными“ и за тѣмъ бросился на надзирателя; тотъ вскочилъ со стула, на которомъ сидѣлъ, и Волковъ, схвативъ этотъ стулъ, изломалъ его. Стулъ этотъ не былъ впрочемъ представленъ къ осмотру, да и свидѣтели показали объ этомъ обстоятельствѣ разнорѣчиво. Заіончковскій между прочимъ показалъ, что, видя буйство Волкова, онъ приказалъ придержать его полотенцемъ; но бывшіе въ конторѣ городовые и занимающіеся письмоводствомъ объяснили, что не видали: былъ ли Волковъ связанъ.

Подсудимый Волковъ сказалъ на судѣ, что Заіончковскій, приказывая ему отвести подводу, ударилъ его по лицу, отчего у него пошла изъ носа кровь, и Волковъ, схвативъ Заіончковскаго за полу пальто, закричалъ „караулъ“. На этотъ крикъ явились сосѣдній дворникъ и городовый, которые и отвели его въ кварталъ, а оттуда препроводили въ частный домъ для вытрезвленія, такъ какъ онъ былъ хмѣленъ; Заіончковскаго онъ за лацканы

пальто не держалъ, не бранилъ его и въ конторѣ квартала никакого буйства не дѣлалъ.

Жена Волкова Авдотья Иванова объяснила между прочимъ, что Заіончковскій дѣйствительно ударилъ мужа ея по лицу, отчего у него потекла изъ носа кровь; что мужъ ея ухватился за пальто Заіончковскаго и спрашивалъ: за что онъ его ударилъ; и что онъ, Волковъ, былъ въ это время выпивши.

Свидѣтели показали, что они не видали, билъ-ли Заіончковскій Волкова и текла-ли у послѣдняго изъ носа кровь.

Товарищъ прокурора И. Ф. Рогаль-Левицкій, поддерживая обвиненіе, замѣтилъ, что только одна жена подсудимаго показала, что Заіончковскій ударилъ его, Волкова, и что это показаніе она могла сдѣлать изъ любви къ мужу.

Защитникъ, кандидатъ на судебныя должности М. С. Гольденвейзеръ между прочимъ сказалъ, что всѣ свидѣтели показываютъ, что видѣли, какъ Волковъ держалъ г. Заіончковскаго за пальто: слѣдовательно они прибѣжали на мѣсто происшествія тогда, когда плюха Волкову была уже дана, и если жена Волкова изъ любви къ мужу могла показать противъ Заіончковскаго, то этотъ послѣдній изъ неменьшей любви къ себѣ могъ скрыть

это обстоятельство. Зная обычаи нашихъ полицейскихъ чиновъ и простолюдиновъ, трудно предположить, чтобы крестьянинъ безъ всякаго повода бросился на надзирателя и нанесъ ему оскорбленіе. Если же Волковъ, получивъ оплеуху, схватилъ Заіончковскаго за пальто, чтобы при свидѣтеляхъ заявить этотъ фактъ, то въ этомъ нѣтъ ничего преступнаго; тѣмъ болѣе, что подсудимый хотѣлъ возстановить свое законное личное право, нарушенное Заіончковскимъ.

Присяжные послѣ непродолжительнаго совѣщанія признали подсудимаго Волкова невиновнымъ.

23.

Дѣло о купцѣ Ѳед. Васил. Трузе, обвинявшемся въ учиненіи драки въ пьяномъ видѣ въ трактирѣ „Эрмитажъ“.

(Мировой судъ.)

Въ 1-мъ округѣ московскаго столичнаго съѣзда мировыхъ судей г. Москвы 11 августа 1869 года разбиралось дѣло о купцѣ Ѳедорѣ Трузе, по обвиненію его въ появленіи въ публичномъ мѣстѣ нетрезвымъ и въ дракѣ. Вотъ существо настоящаго дѣла.

Цеховой Василій Киршъ, маркеръ изъ трактира „Эрмитажъ“, принесъ мировому судьѣ тверскаго участка жалобу, заключавшюся въ томъ, что, 8 іюня къ 12 часовъ ночи, купецъ Трузе, играя въ означенномъ трактирѣ Эрмитажъ вмѣстѣ съ г. Внуковымъ на билліардѣ, причинилъ ему, Киршъ, побои безъ всякаго съ его стороны повода и что когда Киршъ просилъ содержателя трактира Оливье послать за полиціей, то послѣдній посовѣтовалъ ему идти лучше домой. Поэтому истецъ, представляя со своей стороны свидѣтелей, просилъ судью подвергнуть Трузе и Оливье отвѣтственности: перваго за нанесеніе побоевъ, а втораго за допущеніе этого въ своемъ трактирѣ. Послѣ того 17 іюня Киршъ подалъ мировому судьѣ новое прошеніе о прекращеніи этого дѣла. На разбирательствѣ 24 іюня мировой судья привлекъ къ отвѣтственности Трузе и Кирша за учиненіе драки въ публичномъ мѣстѣ, а Оливье за допущеніе оной въ своемъ заведеніи и приговорилъ: первыхъ двухъ къ аресту: Трузе, какъ зачинщика, на 7 дней, а Кирша на 4 дня; Оливье же къ денежному штрафу въ 5 руб. Приговоромъ этимъ Трузе остался недоволенъ.

Въ мировомъ съѣздѣ повѣренный г. Трузе г. Розенбергъ между прочимъ сказалъ, что за при-

миреніемъ Кирша съ Трузе мировой судья не имѣлъ права приступать къ разсмотрѣнію жалобы Кирша и потому не могъ усмотрѣть нарушенія тишины и порядка, почему и просилъ приговоръ судьи тверскаго участка отмѣнить. Г. товарищъ прокурора Орловъ въ заключеніи своемъ сказалъ, что съ своей стороны также невидитъ причинъ къ возбужденію мировымъ судьею преслѣдованія Трузе и Кирша за нарушеніе 38 ст. уст. о наказ. Съѣздъ, соглашаясь съ заключеніемъ этимъ, призналъ на основаніи 119 ст. уст. купца Трузе невиновнымъ.

24.

Дѣло объ окрашеніи Прусскаго подданнаго Гельдмахера фуксиномъ.

(Мировой судъ.)

18 іюня 1869 года въ камеру мироваго судьи мясницкаго участка вошелъ неизвѣстный господинъ, волосы и лице котораго были окрашены въ темно-фіолетовой цвѣтъ, и объяснилъ, что онъ прусскій подданный Гельдмахеръ, при чемъ просилъ сдѣлать ему врачебный осмотръ. Затѣмъ г. Гельдмахеръ нашелъ себѣ повѣреннаго въ лицѣ г. Карпова, который и принесъ отъ имени своего

довѣрителя жалобу, заключавшуюся въ слѣдующемъ: „17-го іюля сего года прусскій подданный Гельдмахеръ зашелъ въ пивную лавку Тарусина, находящуюся на Тульскомъ подворьѣ, и, чувствуя усталость, присѣлъ на стулъ и заснулъ. Спустя нѣсколько минутъ, онъ вдругъ почувствовалъ во всемъ тѣлѣ сильное сотрясеніе и, испугавшись, проснулся. Вскочивши со стула, Гельдмахеръ, услыхалъ, что нѣкоторые изъ посѣтителей хохотали, другіе смотрѣли на него съ сожалѣніемъ. Придя въ себя Гельдмахеръ замѣтилъ, что его бѣлье а равно и верхняя одежда окрашены въ темно-фіолеловый цвѣтъ. Находившіеся здѣсь гг. Шталь, Ивановъ и Катцеманъ стали успокоивать Гельдмахера и разсказали ему, что бывшій тутъ сапожныхъ дѣлъ мастеръ Куршинскій посылалъ своего подмастерья Науманъ въ магазинъ москательныхъ товаровъ Терне за краскою „фуксиномъ“. Когда Науманъ принесъ эту краску, то Куршинскій вмѣстѣ съ нимъ и Рихтеромъ, стали посыпать ею Гельдмахера и обливать водою, отчего краска разошлась и окрасила Гельдмахера въ фіолетовый цвѣтъ. Вслѣдствіе этого Гельдмахеръ обвиняетъ гг. Куршинскаго, Рихтера и Науманъ „въ оскорбленіи его дѣйствіемъ“. При жалобѣ этой былъ приложенъ медицинскій осмотръ, въ кото-

ромъ значилось, что г. Гельдмахеръ 52-хъ лѣтъ отъ роду, имѣетъ волосы на головѣ темно-фіолетовые, бакенбарды и усы розоватые, многія части тѣла особенно же руки также окрашены.

Дѣло это разбиралось 13-го августа у мироваго судьи мясницкаго участка В. В. Давыдова. На судъ явились повѣренный Гельдмахера г. Карповъ, Куршинскій, повѣренный его г. Биркенфельдъ, Науманъ и свидѣтели; одинъ изъ обвиняемыхъ—Рихтеръ неявился.

На вопросъ г судьи, признаютъ ли обвиняемые виновными себя, тѣ отвѣчали отрицательно.

Науманъ. Мнѣ г. Куршинскій далъ гривенникъ, чтобы я сходилъ и купилъ фуксинъ; я пошелъ и купилъ, а когда пришелъ назадъ, меня г. Ивановъ обыскалъ и ничего не нашелъ, потому что фуксинъ былъ у меня въ рукахъ. Потомъ я положилъ фуксинъ въ сѣняхъ и кто взялъ его оттуда, не знаю.

Судья. Зачѣмъ г. Куршинскому понадобился фуксинъ?

Науманъ. Я того не знаю.

Судья (повѣренному Куршинскаго). Что вы можете сказать въ защиту своего довѣрителя?

Повѣренный Биркенфельдъ. Г. Куршинскій не принималъ никакого участія въ этой неприличной исторіи и даже не давалъ денегъ на фуксинъ.

Судья приступилъ къ спросу свидѣтелей.

Свидѣтель Оск. Вейсъ показалъ, что дѣйствительно при немъ въ полпивной Куршинскій предложилъ Науману и Рихтеру окрасить Гельдмахера, что́ ими и было исполнено, при чемъ Науманъ и Рихтеръ посыпали его фуксиномъ, а Куршинскій поливалъ водкою.

Повѣренный Биркенфельдъ (Вейсу). Въ которомъ часу вы пришли въ заведеніе Тарусина?

Вейсъ. Часовъ въ 12-ть.

Биркенфельдъ. Гдѣ вы находились?

Вейсъ. Въ послѣдней комнатѣ, гдѣ сидятъ всегда нѣмцы. Г. Куршинскій сидѣлъ у окошка, съ нимъ были и г. Науманъ, и г. Рихтеръ и еще другіе. Г. Куршинскій говорилъ: хотите, я сейчасъ буду красить его, т. е. г. Гельдмахера, и это слышали всѣ.

Биркенфельдъ. Вы видѣли, какъ они красили г. Гельдмахера.

Вейсъ. О да! Я уходилъ, а потомъ опять пришелъ и они въ это время красили г. Гельдмахера.

Свидѣтель Шталь. За мною присылалъ г. Куршинскій, чтобы я пришелъ въ заведеніе Тарусина. Я пришелъ туда въ 12 часовъ; тамъ были Куршинскій, Науманъ, Рихтеръ, Карлъ Рушинскій и Гельдингеръ. Рушинскій, Рихтеръ и Нау-

манъ имѣли руки красныя, а Гельдмахеръ не былъ окрашенъ, но былъ очень пьянъ; его взяли подъ руки и посадили на стулъ. Потомъ Ивановъ (буфетчикъ) подошелъ къ Гельдмахеру и сказалъ, что его окрасили; но, кто это сдѣлалъ, я совсѣмъ не знаю, только Куршинскій не вставалъ со стула и не подходилъ къ Гельдмахеру.

Вейсъ возразилъ, что подходилъ къ Гельдмахеру Куршинскій, который есть то самое лице, что предстоитъ на судѣ, а Рушинскій тогда спалъ.

Буфетчикъ Ивановъ, подвердивъ фактъ окрашенія Гельдмахера, показалъ, что не знаетъ кто окрасилъ его и что Вейса въ этотъ день въ заведеніи не было.

Свидѣтель Катцеманъ объяснилъ, что видѣлъ, какъ прошли въ заднюю комнату, гдѣ былъ Гельдмахеръ, Науманъ и другіе. Возвращаясь изъ той комнаты, Науманъ имѣлъ руки красныя и со смѣхомъ разсказывалъ, что они окрасили Гельдмахера и Куршинскій поливалъ его виномъ. Вейсъ находился тутъ и Науманъ разговаривалъ съ нимъ.

Послѣ произнесенія обвиненія и защиты, мировой судья, сообразивъ обстоятельства дѣла и свидѣтельскія показанія, приговорилъ Куршинскаго, Рихтера и Наумана подвергнуть аресту при го-

родскомъ арестантскомъ домѣ на одинъ мѣсяцъ каждаго.

Куршинскій и Науманъ на этотъ приговоръ изъявили неудовольствіе; по отношенію-же къ Рихтеру приговоръ былъ по неявкѣ его заочный.

25.

Дѣло о пріобрѣтеніи завѣдомо фальшивыхъ векселей московскимъ купцемъ Михаиломъ Ивановымъ Муравлевымъ.

(Окружный судъ.)

Дѣло это разбиралось въ Московскомъ Окружномъ судѣ. подъ предсѣдательствомъ Н. С. Арсеньева, при членахъ суда гг. Синицкомъ и Линдротѣ, 20 и 21 августа 1869 года; обвинялъ подсудимаго Муравлева товарищъ прокурора Д. П. Тихомировъ, защищалъ кандидатъ правъ Б. И. Мировичъ. Обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

Въ 1868-мъ году въ декабрѣ мѣсяцѣ купецъ Михаилъ Ивановъ Муравлевъ купилъ, какъ онъ говоритъ, у рязанскаго купца Филатова три векселя суммою въ 31000 руб. на почетнаго гражданина Ивана Михайлова Алексѣева, по 60 коп. за рубль; а потомъ, нуждаясь въ деньгахъ, вздо-

малъ самъ продать ихъ, и просилъ мѣщанина Ивана Дымнова и крестьянина Андрея Погожева, похлопотать о продажѣ этихъ векселей. Въ вознагражденіе за хлопоты Муравлевъ выдалъ имъ росписку въ 600 р., а въ случаѣ успѣха обѣщалъ имъ заплатить сверхъ того 1000 р. Крестьянинъ Погожевъ при видѣ такихъ щедрыхъ обѣщаній Муравлева пришелъ въ сомнѣніе относительно подлинности означенныхъ документовъ и сомнѣніе свое высказалъ знакомому своему мѣщанину Дмитрію Кирилову, съ которымъ вмѣстѣ и порѣшили довести о семъ до свѣдѣнія полиціи. Вслѣдствіи этого они обратились къ бывшему квартальному надзирателю Николаю Ипполитову Боброву, занимавшемуся прежде сыскною частію. Бобровъ сталъ наблюдать за Муравлевымъ и наконецъ въ одномъ трактирѣ онъ успѣлъ съ помощію брата своего Алексѣя Боброва, который назвался покупщикомъ на векселя, получить одинъ изъ этихъ векселей, суммою въ 10000 р., писанный 15 іюня 1867 года, а за тѣмъ и другіе два въ 6000 и 15000 р. Всѣ эти векселя оказались фальшивыми. Почетный гражданинъ Иванъ Мих. Алексѣевъ объяснилъ, что онъ векселей этихъ не подписывалъ и купца Филатова совсѣмъ не знаетъ. Филатовъ съ своей стороны показалъ, что ни Алек-

сѣевъ его, ни онъ Алексѣева не знаетъ, векселей отъ Алексѣева небралъ, съ Муравлевымъ также незнакомъ и никакихъ документовъ ему не продавалъ. Фальшивость векселей еще болѣе доказывается тѣмъ, что даже простымъ глазомъ, видно что прежній текстъ ихъ вытравленъ; это подтвердилось и химическимъ изслѣдованіемъ оныхъ. Муравлевъ однако настаивалъ, что векселя пріобрѣтены имъ отъ Филатова при свидѣтеляхъ мѣщанахъ Малюгинѣ и Дымновѣ, которые ссылки этой не подтвердили. Тогда подсудимый объявилъ, что онъ принималъ за Филатова мѣщанина Ѳедора Тарусинова; но и это заявленіе онъ ничѣмъ не доказалъ, ибо оказалось, что Муравлевъ зналъ Тарусинова подъ его настоящимъ именемъ. Свидѣтель Малюгинъ, прежде показывавшій, что Тарусиновъ не то лице, которое продавало Муравлеву векселя, на судѣ измѣнилъ свое показаніе, объяснивъ, что прежнее показаніе имъ сдѣлано отъ страха, а теперь онъ можетъ утвердительно сказать, что именно Тарусиновъ подъ именемъ Филатова продавалъ эти документы Муравлеву. Муравлевъ представилъ въ свое оправданіе записку, писанную Алексѣевымъ къ Филатову, въ которой о векселяхъ ничего однако не говорилось; при чемъ Алексѣевъ объяснилъ, что записка эта

писана не имъ и онъ Филатова не знаетъ. Между тѣмъ изъ дѣла оказалось, что подсудимый зналъ Алексѣева по торговлѣ, жилъ въ сосѣдствѣ съ нимъ у Покровскаго моста и, покупая на него векселя на значительную сумму, не принялъ никакихъ мѣръ къ удостовѣренію въ подлинности ихъ.

По окончаніи заключительныхъ преній присяжные признали Муравлева виновнымъ въ пріобрѣтеніи завѣдомо подложныхъ векселей и въ намѣреніи сбыть ихъ, и судъ приговорилъ: лишивъ его Муравлева всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на жительство въ Енисейскую губернію съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста ссылки въ теченіи 11-ти лѣтъ.

26.

Дѣло объ адъютантѣ Московскаго генералъ-губернатора, гвардіи штабсъ-ратмистрѣ, князѣ Ѳедорѣ Михайловѣ Урусовѣ, обвинявшемся въ оскорбленіи дѣйствіемъ студента Павла Кистера и въ угрозѣ отрубить ему голову.

(Мировой судъ).

У мироваго судьи тверскаго участка г. Зилова происходило разбирательство по жалобѣ студен-

та Павла Кистера, обвинявшаго князя Ѳедора Урусова въ нанесеніи ему оскорбленія дѣйствіемъ и въ угрозѣ отрубить ему голову. Вотъ содержаніе жалобы г. Кистеръ.

„23 мая 1869 года въ 12-мъ часу ночи, я вмѣстѣ съ студентомъ Анатоліемъ Лазаревскимъ шелъ по Петровкѣ, и на углу Петровки и Каммергерскаго переулка встрѣтили мы трехъ женщинъ, изъ которыхъ въ одной я узналъ свою знакомую З. Д. К—бергъ. Думая пошутить съ нею, я подошелъ и сказалъ: "зачѣмъ вы, mes—dames, такъ поздно ходите однѣ?" На этотъ вопросъ г-жа К—бергъ съ неудовольствіемъ замѣтила: „какъ вамъ не совѣстно, Кистеръ, приставать поздно къ женщинамъ." Убѣдившись изъ этого замѣчанія, что моя шутка была истолкована въ другую сторону, я, не продолжая разговора, сказалъ: „извините" и пошелъ дальше. Моя знакомая, съ своими двумя спутницами, также продолжала путь, и когда они были отъ меня приблизительно шагахъ въ трехъ, вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ какой-то военный, толкаетъ меня въ грудь и кричитъ, обнаживъ саблю: „я вамъ голову отрублю!" Я сначала испугался такой безпричинной и неожиданной угрозы, принявъ военнаго за пьянаго, и отошелъ въ сторону. Военный подошелъ къ тремъ

женщинамъ, которыя, услышавъ шумъ, остановились, и въ числѣ которыхъ была г-жа К—бергъ; онъ взялъ одну изъ нихъ подъ руку и, какъ ни въ чемъ невиноватый, пошелъ дальше. Тогда я, оправившись отъ перваго замѣшательства, остановилъ его и сказалъ, что я не желаю начинать дѣла и вызывать г-жу К—бергъ въ судъ въ качествѣ свидѣтельницы, и потому, только предлагаю ему извиниться предо мною. „Въ противномъ случаѣ, сказалъ я военному, я, не смотря на нежеланіе, принужденъ буду жаловаться.“ Военный не смотря на просьбы дамы, съ которой онъ шелъ, отвѣчалъ, что онъ не желаетъ извиняться. — Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, я принужденъ буду просить васъ пожаловать въ контору для составленія акта: Узнавъ отъ городоваго гдѣ находится контора, мы сначала отправились проводить дамъ до извощика. На пути насъ догналъ полицеймейстеръ г. Поль, который, узнавъ въ чемъ дѣло, уговаривалъ насъ помириться, предлагая мнѣ извиниться предъ военнымъ за дерзость, которую я будто бы нанесъ его дамѣ. На это я возразилъ, что никакихъ дерзостей я не говорилъ и что мои слова не были бы дерзостью-даже-и въ такомъ случаѣ, если бы я ихъ сказалъ и незнакомой дамѣ. Г. Поль согласился, что въ моихъ словахъ не бы-

ло ничего оскорбительнаго, но что военный не могъ иначе поступить, такъ между дамами была, можетъ быть, дама его сердца. Князь Урусовъ сказалъ, что вынималъ саблю лишь для того, чтобы погремѣть ею и тѣмъ попугать меня. При этомъ онъ даже на примѣрѣ показалъ г. Полю какъ онъ вынималъ и вкладывалъ саблю. Когда-же я отвѣчалъ, что не испугалая бы погремушекъ, то князь Урусовъ сказалъ, что отрубилъ бы мнѣ голову, если бы я полѣзъ на него. На вторичное мое предложеніе извиниться военный снова выразилъ нежеланіе. Тогда я просилъ г. Поля распорядиться о составленіи акта и узнать фамилію и мѣстожительство военнаго. Г. Поль сказалъ, что овъ знаетъ этого военнаго очень хорошо, что онъ адъютантъ генералъ-губернатора князь Ѳедоръ Михайловичъ Урусовъ. Послѣ этого мы разстались.

Спустя нѣсколько дней, г-жа К—бергъ, черезъ студента г. Зографа поручила мнѣ передать, какъ своему хорошому знакомому, желаніе свое, чтобы я покончилъ это дѣло. Я отвѣчалъ г. Зографу, что г-жѣ К—бергъ хорошо извѣстно, что я никакихъ дерзостей не говорилъ и что ей лучше попросить князя Урусова извиниться передо мною. До сихъ поръ этого извиненія не послѣдовало.

Считая вышеприведенныя слова и дѣйствія князя Урусова проступками, предусмотрѣными ст. 135, 139 и 140 уст. о наказ. налаг. миров. суд., я покорнѣйше прошу подвергнуть князя Урусова уголовной отвѣтственности.

На разбирательство по этому дѣлу явились студентъ Павелъ Кистеръ, повѣренный обвиняемаго Ник. Струковъ и полицеймейстеръ Поль въ качествѣ свидѣтеля, который, явившись за нѣсколько минутъ до начала разбирательства, былъ отпущенъ судьею, объявившимъ ему, что разбирательство по дѣлу этому это по неподсудности онаго не состоится. Затѣмъ судья вызываетъ обвинителя и повѣреннаго обвиняемаго.

Судья. Разбирательства по дѣлу этому не будетъ, такъ какъ я признаю его неподсуднымъ себѣ.

Кистеръ. Прошу васъ, г. судья, прочитать поданную мною жалобу.

Судья. Я читалъ уже.

Повѣренный кн. Урусова Струковъ. Я также прошу васъ, г. судья, прочесть жалобу г. Кистера, потому что мнѣ неизвѣстно въ чемъ обвиняется мой довѣритель.

Судья читаетъ жалобу студента Кистера, содержаніе которой приведено выше.

Струковъ. Дѣло это я считаю неподсуднымъ мировымъ учрежденіямъ на основаніи 219 и слѣдующихъ за нею статей уст. угол. судопр., такъ какъ довѣритель мой князь Урусовъ находится на дѣйствительной службѣ.

Судья (прочитавъ 219 ст.) Исключеніе изъ этой статьи допускается лишь въ томъ случаѣ, когда является нѣсколько обвиняемыхъ; здѣсь обвиняемый одинъ, поэтому я и опредѣлилъ: такъ какъ обвиняемый князь Ѳедоръ Мих. Урусовъ—гвардіи штабсъ-ротмистръ и адъютантъ при генералъ—губернаторѣ, то, согласно вышеозначенной 219 ст. уст. уг. суд., признаю дѣло это себѣ неподсуднымъ.

Кистеръ. Прошу васъ, г. судья, помѣтить въ протоколѣ, что вы до начала разбирательства по настоящему дѣлу и до выслушанія сторонъ отпустили свидѣтеля полицеймейстера Поля.

Судья. Это вовсе не относится къ дѣлу, я имѣлъ право и совсѣмъ не вызывать свидѣтелей.

27.

Дѣло объ оскорбленіи дѣйствіемъ чиновникомъ канцеляріи гражданскаго губернатора Ниломъ Матвѣевымъ Щепотьевымъ сотрудника журнала „Развлеченіе“, коллежскаго секретаря Акилова и о произведеніи имъ-же, Щепотьевымъ, безпорядка въ корридорѣ московскаго Большаго театра.

(Мировой судъ).

22 августа 1869 года во время представленія въ большомъ театрѣ оперы „Русалка“, въ антрактѣ между 2-мъ и 3-мъ дѣйствіями, квартальный надзиратель маіоръ Степановъ, бывшій дежурнымъ, услыхалъ въ корридорѣ шумъ, произведенный двумя неизвѣстными лицами, оказавшимися впослѣдствіи чиновниками Щепотьевымъ и Акиловымъ. При составленіи о семъ полиціею акта, г. Акиловъ объяснилъ, что встрѣтившійся съ нимъ г. Щепотьевъ нанесъ ему шляпою два удара первый по рукѣ, а второй—по лицу. Г. Щепотьевъ сказалъ, что ударилъ г. Акилова два раза по лицу съ умысломъ нанести ему оскорбленіе публично, а за что—это объяснитъ мировому судьѣ; студенты Никитинъ и Запольскій подтвердили это.

На разбирательство по этому дѣлу умироваго судьи Тверскаго участка г. Зилова явились слѣдующія лица: обвиняемый г. Щепотьевъ, повѣренный г. Акилова кандидатъ правъ г. Куперникъ, свидѣтели гг. Никитинъ и Запольскій и депутатъ отъ полиціи квартальный надзиратель г. Андреевъ, предъявившій на г. Щепотьева обвиненіе въ нарушеніи имъ тишины и порядка въ корридорѣ большаго театра, т. е. въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ ст. 38 уст. о наказ., налаг. миров. суд.

Судья (Щепотьеву). Признаете-ли вы, г. Щепотьевъ, виновнымъ себя въ оскорбленіи дѣйствіемъ г. Акилова и въ нарушеніи тишины и порядка въ театрѣ, и что можете сказать въ свое оправданіе?

Щепотьевъ. Г. Акиловъ сотрудничаетъ въ журналѣ. „Развлеченіе“. Онъ уже нѣсколько разъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, затрогивалъ меня и другихъ близкихъ мнѣ людей. Сначала онъ издѣвался надъ моей фуражкой, шляпой, лошадьми, санями; но я не обращалъ на эти пошлыя насмѣшки никакого вниманія, считая недостойнымъ себя оскорбляться ими, такъ какъ подобными выходами г. Акиловъ оскорблялъ скорѣе себя и журналъ, въ которомъ участвуетъ, и который иногда попадается въ руки и порядочныхъ людей. Но г. Акиловъ не удоволь-

ствовался этимъ: онъ сталъ подвергать публичному осмѣянію личность какъ мою, такъ и близкихъ мнѣ особъ. 21 августа я встрѣтился съ нимъ въ театрѣ и просилъ оставить меня въ покоѣ; на это онъ отвѣчалъ, что меня не знаетъ, да и знать не хочетъ. Я возразилъ, что также не знаю его, но все-таки прошу не задѣвать въ „Развлеченіи“ мою личность. На слѣдующій день, т. е. въ пятницу 22 августа, во время антракта, я вошелъ въ театральную кофейную, гдѣ находились также гг. Страховъ и Поль, которые и сообщили мнѣ, что я опять попалъ въ „Развлеченіе“, при чемъ показали мнѣ и статью эту. Прочитавъ направленную противъ меня статью, содержавшую въ себѣ клевету, я пришелъ въ сильное раздраженіе, вышелъ изъ кофейной и, встрѣтившись съ Акиловымъ въ корридорѣ, ударилъ его по лицу шляпою; Акиловъ, отскочивъ отъ меня, сказалъ: „что, не попалъ! “Если я не попалъ въ первый разъ, такъ попаду во второй“ сказалъ я и ударилъ его по лицу еще разъ. Я считалъ себя въ минуту раздраженія въ правѣ такъ поступить съ Акиловымъ, потому что факты, приведенные имъ въ статьѣ, если справедливы, то онъ долженъ бы былъ обратиться къ прокурорскому надзору, а не писать преждевременно въ журналѣ. При составленіи поли-

цейскаго акта хотя я и сказалъ, что нанесъ Акилову два удара по лицу шляпою съ умысломъ нанести ему публичное оскорбленіе, но это несправедливо; я сдѣлалъ это въ минуту сильнаго раздраженія. Я прошу васъ, г. судья, спросить г. Акилова: онъ-ли пишетъ въ „Развлеченіи“ статьи подъ названіемъ „театральные курьезы“ и „московскій наблюдатель;“ если онъ отречется отъ нихъ, то прошу вызвать редактора „Развлеченія“ г. Миллера и спросить его о томъ.

Судья. Я разбираю только дѣло по обвиненію о нанесеніи вами оскорбленія дѣйствіемъ г. Акилову и не могу выходить изъ предѣловъ этого обвиненія.

Куперникъ. Я прошу васъ, г. судья, спросить г. Щепотьева: не говорилъ-ли онъ до этого вечера кому-нибудь о намѣреніи своемъ нанести оскорбленіе моему довѣрителю.

Судья дѣлаетъ этотъ вопросъ Щепотьеву.

Щепотьевъ: Нѣтъ.

Судья приступаетъ къ спросу свидѣтелей.

Свидѣтель студентъ Запольскій, показавъ о нанесеніи ударовъ Акилову согласно съ показаніемъ Щепотьева, сказалъ: „Г. Щепотьевъ говорилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ, но прежде втораго акта, что его опять затронули въ „Развлеченіи“; о намѣ-

реніи же своемъ оскорбить г. Акилова и читалъ-ли онъ помѣщенную въ „Развлеченіи“ статью—я ничего отъ него не слыхалъ

Свидѣтель студентъ Никитинъ. Г. Страховъ при мнѣ показывалъ г. Щепотьеву эту статью. Г. Щепотьевъ только посмотрѣлъ на нее, но читать ее не читалъ, а вышелъ въ корридоръ, гдѣ и столкнулся съ г. Акиловымъ, котораго, ударивъ шляпою по лицу, сказалъ: „вотъ вамъ за ваши статьи благодарность.“

Судья (Никитину). Г. Щепотьевъ не былъ пьянъ?

Никитинъ. Нѣтъ онъ былъ трезвъ.

Судья. Въ какое время онъ нанесъ оскорбленіе г. Акилову?

Никитинъ. Послѣ втораго акта.

Повѣренный Акилова Куперникъ! Статья, о которой г. Щепотьевъ слышалъ въ кофейной отъ знакомыхъ своихъ гг. Страхова и Поля и которая показалась ему направленною противъ его личности, не принадлежитъ г. Акилову. Прежде чѣмъ рѣшиться на оскорбленіе, г. Щепотьеву слѣдовало-бы хорошенько разузнать, кто писалъ эту статью, а не полагаться на слова своихъ знакомыхъ и невозбуждать объ этомъ вопроса послѣ привлеченія его къ суду. Поводъ къ оскорбленію имѣлъ бы значеніе лишь тогда, когда оскорбленіе

послѣдовало бы тотчасъ вслѣдъ за поводомъ; между тѣмъ, по рѣшеніямъ правит. сената кассаціоннаго деп. №№ 158 и 179 1867 года, поводъ не можетъ имѣть вліянія на мѣру отвѣтственности, если существуютъ другія, отягчающія вину обстоятельства. Такими отягчающими вину г. Щепотьева обстоятельствами я признаю, во 1-хъ, что онъ нанесъ оскорбленіе моему довѣрителю въ публичномъ мѣстѣ, во 2-хъ, г. Щепотьевъ человѣкъ образова нныйи наконецъ въ 3-хъ, совокупность проступковъ, ибо г. Щепотьевъ, кромѣ нанесенія оскорбленія дѣйствіемъ г. Акилову въ публичномъ мѣстѣ, обвиняется еще въ нарушеніи тишины и порядка. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, я прошу васъ, г. судья, назначить г. Щепотьеву согласно 135 ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд. наказаніе въ высшей мѣрѣ. Въ заключеніе я нелишнимъ считаю сказать, что столь сильное оскорбленіе, какъ пощечина, не можетъ быть предоставлено на волю всякаго, а тѣмъ болѣе на волю лица, которое даже не взяло на себя труда удостовѣриться, дѣйствительно-ли оно оскорблено извѣстной личностью или нѣтъ. Подобное самоуправство могло существовать лишь во время кулачнаго права.

Мировой судья, признавая г. Щепотьева виновнымъ въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ г. Акилову и въ нарушеніи тишины и порядка въ большомъ театрѣ въ корридорѣ, постановилъ: на основаніи статьи 38, 16 и 135 ст. уст. о наказ., налаг. миров. суд. и 119 ст. уст. угол. суд., подвергнуть его, Щепотьева, аресту при городскомъ арестантскомъ домѣ на пять дней.

Камера мироваго судьи была переполнена публикою, которая встрѣтила приговоръ этотъ громкимъ шиканьемъ.

Судья. Господа насудѣ никакія выраженія одобренія или неодобренія закономъ недопускаются.

На приговоръ этотъ гг. Щепотьевъ, повѣренный Акилова Купернинъ и депутатъ отъ полиціи Андреевъ изъявили неудовольствіе.

28.

Дѣло о поджогѣ строенія, сдѣланномъ 11-ти лѣтнею дѣвочкою Фелицатою Сергѣевою Козловою.

(Окружный судъ.)

Въ засѣданіи Московскаго окружнаго суда 20 сентября 1869 года разсматривалось дѣло окрестьянской дѣвочкѣ Фелицатѣ Козловой, обвинявшейся въ поджогѣ; обвинялъ товарищъ прокурора Д.

П. Тихомировъ, защищалъ кондидатъ на судебныя должности г. Кушакевичъ.

Вотъ сущность обвиненія: поутру 11 ноября 1868 года при домѣ цехового Сергѣя Ѳедорова, содержащаго башмачное заведеніе, сущевской части 4-го квартала, былъ замѣченъ выходящій изъ чулана дымъ; тотчасъ бросились въ этотъ чуланъ, гдѣ между старымъ хламомъ увидѣли тлѣвшія доски, вѣникъ и кулекъ съ гвоздями, и начавшійся было пожаръ прекращенъ домашними средствами. Подозрѣніе въ поджогѣ пало на ученицу цехового Ѳедорова 11-ти-лѣтнюю дѣвочку Фелицату Козлову; при обыскѣ ея у нея въ карманѣ платья нашли нѣсколько сѣрныхъ спичекъ и огарокъ стеариновой свѣчки. Въ совершеніи поджога Козлова созналась, объяснивъ при томъ, что ее подъучила будто бы къ этому солдатка Катерина Васильева Барбашева, сосѣдка, встрѣтившаяся однажды съ нею на улицѣ и которая дала ей найденныя у нея въ карманѣ спички. Оговоръ этотъ оказался впрочемъ неосновательнымъ; поэтому Фелицата Козлова, обвиняемая въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1610 ст. 2 п. улож. о наказ., предавалась уголовному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

На вопросъ товарища предсѣдателя суда Арсеньева: признаетъ-ли обвиняемая Козлова виновною себя во взводимомъ на нее обвиненіи, она отвѣчала утвердительно.

Товарищъ предсѣдателя. Какимъ образомъ вы совершили поджогъ?

Козлова. Я взяла у хозяевъ и огарокъ и спички, потомъ вышла въ чуланъ, да взяла и подожгла вѣникъ.

Тов. предсѣдателя. Но вы знали, что отъ этого могъ загорѣться домъ и даже сгорѣть живущіе въ немъ?

Козлова. Я знала, что домъ загорится, а чтобы люди сгорѣть могли—этого не знала, потому что это было днемъ.

Тов. предсѣдателя. Вы можетъ быть имѣли причину быть сердитыми на своего хозяина: можетъ быть онъ дурно обращался съ вами, приневоливалъ къ работѣ, плохо кормилъ васъ?

Козлова. Этого не было.

Тов. предс. Сколько времени вы жили у него?

Козлова. Недѣль семь.

Тов. предс. Что же побудило васъ рѣшиться на это преступленіе?

Козлова. Меня очень обижала одна мастерица.

Тов. предс. Какъ ее зовутъ?

Козлова. Я забыла. Разъ я испортила башмаки, она побила меня; а другая говоритъ: я те до смерти запорю, шельма. А потомъ мнѣ встрѣтилась Катерина Васильевна и говоритъ: подожги ихъ, я тебѣ дамъ что нибудь за это; ну, я и подожгла.

Тов. предс. И такъ вы это сдѣлали изъ злобы на мастерицу?

Козлова. Нѣтъ, я шутила только.

Свидѣтели, спрошенные на судѣ, показали: *хозяинъ Козловой Ѳедоровъ и его жена*, что подсудимая жила у нихъ недѣль семь, къ работѣ уже была способна и они уже хотѣли заключить съ ея матерью контрактъ, какъ вдругъ случилось это происшествіе. Съ ученицами, продолжали они свое показаніе, мы обходимся какъ слѣдуетъ: и сами ихъ не бьемъ, да и мастерицамъ строго заказываемъ; а коли провинится которая, побранимъ ее, даже и розгами пригрозимъ; только вотъ пятнадцать лѣтъ мастерство содержимъ, а еще ни одной ученицы не высѣкли. У насъ былъ пожаръ и прежде недѣли за полторы, сараи сгорѣли; но мы тогда не могли подозрѣвать Фелицату; можетъ и не она это сдѣлала; а во второй разъ мастерицы намъ прямо сказали, что это Фелицатино дѣло. Ей скучно было здѣсь, она все тосковала объ де-

ревнѣ: можетъ ей и хотѣлось уйти отъ насъ, она и подожгла насъ. *Ученики Ѳедорова Николаевъ и Васильевъ* объяснили, что и хозяинъ и хозяйка ихъ люди хорошіе, хотя и строгіе; бываетъ что они и побьютъ кого изъ учениковъ за провинность; но били-ли когда Фелицату — незнаютъ.

Присяжные, получивъ вопросные пункты, признали крестьянскую дѣвочку Фелицату Сергѣеву Козлову, родившуюся 16 января 1857 года, виновною въ поджогѣ, впрочемъ дѣйствовавшею безъ всякаго разумѣнія, и судъ опредѣлилъ отдать ее, Козлову, матери ея для домашняго исправленія.

29.

Дѣло объ убійствѣ мужа и жены Никитиныхъ семнадцатильтнимъ мѣщаниномъ Васильемъ Аванасьевымъ.

(Окружный судъ).

Въ Москвѣ, въ Лефортовѣ, въ домѣ Ивашкова жили мужъ и жена Никитины, ремесломъ они были ткачи, прежде имѣли они небольшую ткацкую фабричку, но дѣла ихъ въ послѣднее время находились въ разстройствѣ. 20-го марта 1868 года одна изъ жилицъ-сосѣдокъ, отправляясь къ заутрени, видѣла Никитину, отворявшую ставни, но воз-

вращаясь назадъ замѣтила, что ставни были закрыты снова. Обстоятельство это невызвало ничьего удивленія, потому что Никитины нерѣдко уѣзжали по своимъ дѣламъ. Такъ прошло три дня. Наконецъ хозяинъ дома Ивашковъ, не видя Никитиныхъ, сталъ подозрѣвать нѣчто недоброе и подозрѣнія свои сообщилъ полиціи, которая, явившись на мѣсто, взломала дверь, ведущую въ квартиру Никитиныхъ, и глазамъ ихъ представилась слѣдующая картина: по полу разбросаны разныя вещи, сундуки разбиты, Никитинъ лежалъ на постели, на лице его была наброшена подушка, голова разрублена и кругомъ кровь, но жены Никитина не было нигдѣ; наконецъ нашлась и она въ ямѣ ретираднаго мѣста съ разрубленною-же головою, а за дверью квартиры валялся окровавленный топоръ. Подозрѣніе въ убійствѣ пало на проживавшаго въ послѣднее время у Никитиныхъ мѣщанина Аѳанасьева, потомъ отошедшаго отъ нихъ къ какимъ-то Яковлевымъ. Всѣ, знавшіе Аѳанасьева, удивлялись тому, что онъ, ходившій прежде оборваннымъ, вдругъ сталъ щеголять, обзавелся даже часами. Жена Яковлева и другіе спрашивали его не разъ, гдѣ разжился онъ деньгами, на что онъ отвѣчалъ, то мать будто-бы прислала ему изъ деревни, то какая-то невѣста дала ему 50 рублей,

то будто-бы при мѣстѣ живетъ и получаетъ 12 р. въ мѣсяцъ. Аѳанасьевъ былъ открытъ въ квартирѣ Сухарева и при арестованіи его полиціею онъ такъ сильно толкнулъ квартальнаго надзирателя, что тотъ упалъ; но былъ задержанъ прибѣжавшими полицейскими солдатами.

Дѣло объ этомъ разсматривалось въ Московскомъ окружномъ судѣ 3-го и 4-го сентября 1869 года. Составъ суда: предсѣдатель Люминарскій, члены— Сухотинъ и Томашевскій; обвинялъ прокуроръ Грамницкій.

На вопросъ: признаетъ-ли обвиняемый Аѳанасьевъ виновнымъ себя въ убійствѣ Никитиныхъ съ цѣлью грабежа, онъ отвѣчалъ отрицательно.

Аѳанасьевъ. Въ прошломъ году, на масляной, меня пригласилъ Никитинъ пожить къ себѣ, потому что хозяйка у него захворала, я былъ безъ мѣста, ну, и согласился пожить у него; а потомъ ушелъ отъ нихъ и жилъ съ 18 числа у Яковлевыхъ. Къ Никитинымъ я заходилъ, только квартира ихъ была заперта и я ворочался домой; думалъ, что они куда-нибудь уѣхали. Когда я узналъ, что ихъ обоихъ убили, то не убѣжалъ отъ Яковлева, а ушелъ самъ по себѣ. Когда меня стали брать, я испугался и побѣжалъ, а когда закричали: „держи арестанта, двоихъ убилъ“ я остановился и отдался полиціи

самъ. Платье и часы я купилъ на деньги, которыя выработалъ прежде. Кто убилъ Никитиныхъ, я не знаю, только я ни въ чемъ не повиненъ тутъ

Свидѣтели показали: Яковлева, что Аѳанасьевъ пришелъ къ нимъ не 18, а 24-го марта и она спрашивала у него объ Никитиныхъ, на что онъ отвѣчалъ ей, что Никитинъ будто бы прячется отъ долговъ; Козыревъ и Сухаревъ—что они были съ Аѳанасьевымъ въ трактирѣ, пили чай, онъ пирогъ ѣлъ, потомъ извощика нанималъ и расплачивался за все мѣдными деньгами.

Послѣ защиты и обвиненія присяжные признали подсудимаго виновнымъ и судъ опредѣлилъ сослать его въ каторжныя работы въ рудникахъ на одиннадцать лѣтъ.

30.

Дѣло о крестьянинѣ Алексѣѣ Сергѣевѣ.

(Мировой судъ).

У мироваго судьи Пречистенскаго участка, 9-го октября 1869 года, разбиралось между прочими слѣдующее дѣло.

Передъ судьею является молодой крестьянинъ Алексѣй Сергѣевъ.

Судья. Какимъ образомъ очутились вы ночью въ домѣ г-жи Смирновой?

Ал. Сергѣевъ. Немогу знать-съ: пьянъ оченно былъ.

Судья. Гдѣ-же были вы прежде того?

Ал. Сергѣевъ. Да спервоначала въ баню отправился, а на Смоленскомъ (рынкѣ) и захмѣлялъ.

Судья. Что-же вы дверью что-ли ошиблись, попавши вмѣсто бани въ кабакъ?

Публика смѣется.

Ал. Сергѣевъ. Немогу знать-съ.

Судья. Что дѣлали вы въ домѣ Смирновой?

Ал. Сергѣевъ. Какъ есть ничего не помню-съ.

Судья. Вы улеглись спать тамъ. Въ которое время вы пошли въ баню?

Ал. Сергѣевъ. Часу въ одиннадцатомъ.

Судья. То есть въ десять?

Ал. Сергѣевъ. Такъ точно-съ.

Судья. А гдѣ находится домъ Смирновой?

Ал. Сергѣевъ. Не знаю-съ, г. судья, ничего не помню, потому ужъ больно пьянъ былъ.

Судья. Вы чемъ занимаетесь?

Ал. Сергѣевъ. Мы мастеровые-съ.

Судья. Какое мастерство-то ваше?

Ал. Сергѣевъ. Столяры-съ.

Судья. Получаете жалованье?

Ал. Сергѣевъ. Такъ точно-съ.

Судья. Сколько вы получаете жалованья?

Ал. Сергѣевъ. Восемь рублевъ.

Судья. Грамотѣ знаете?

Ал. Сергѣевъ. Знаю-съ.

Судья постановилъ подвергнуть крестьянина Сергѣева денежному штрафу въ размѣрѣ одного рубля серебромъ.

31 и 32.

I. Дѣло о начальникѣ станціи Московско-Курской желѣзной дороги Иванѣ Ѳеоктистовѣ и оберъ-кондукторѣ А. Новомейскомъ, обвинявшихся въ оскорбленіи цехового Николая Рыбакова и жены его Екатерины и о цеховомъ Николаѣ Рыбаковѣ, обвинявшихся въ нарушеніи порядка въ вагонѣ Московско-Курской желѣзной дороги. II. Объ оскорбленіи дѣйствіемъ чиновника Акилова чиновникомъ Щепотьевымъ въ корридорѣ Московскаго большаго театра.

(Мировой судъ.)

20 октября 1869 года въ Московскомъ столичномъ Мировомъ съѣздѣ 1-го округа разсматривались между прочими слѣдующія два интересныя дѣла.

I.

Въ маѣ 1868 года у московскаго уѣзднаго мироваго судьи 1-го участка г. Пукалова вслѣдствіе

отношенія жандармскаго полицейскаго правленія разматривалось дѣло о нарушеніи тишины и порядка въ вагонѣ московско-курской желѣзной дороги во время слѣдованія поѣзда отъ села Царицына въ Москву цеховымъ Николаемъ Рыбаковымъ, женою его и бывшею съ ними компаніею. Нарушеніе порядка заключалось въ томъ, что Рыбаковъ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, неприлично велъ себя въ вагонѣ 2-го класса, и когда вслѣдствіе заявленія нѣкоторыхъ пассажировъ, именно гг. Ефремова, Паповскаго и Неронова, оберъ-кандукторъ Новомейскій хотѣлъ перемѣстить его въ вагонъ 3-го класса, то онъ оказалъ сопротивленіе ему, а равно и случившемуся при этомъ начальнику станціи Ив. Ѳеоктистову; при чемъ за Рыбакова вступилась и бывшая съ нимъ компанія, изъ которой кто-то толкнулъ Ѳеоктистова такъ, что онъ пошатнулся. Акта объ этомъ составлено не было, ибо всѣ участвовавшіе въ нарушеніи порядка были въ нетрезвомъ видѣ. Супруги Рыбаковы съ своей стороны жаловались на нанесеніе имъ оскорбленій оберъ-кондукторомъ Новомейскимъ и начальникомъ станціи Ѳеоктистовымъ. Мировой судья призналъ Рыбаковыхъ съ компаніею виновными въ нарушеніи тишины и порядка въ вагонѣ желѣзной дороги и приговорилъ Рыба-

кова, какъ зачинщика, къ аресту при городскомъ арестантскомъ домѣ на четыре дня, а остальныхъ участвовавшихъ въ томъ лицъ къ штрафу въ 2 р. с.; обвиненіе же Рыбаковыми Новомейскаго и Ѳеоктистова призналъ недобросовѣстнымъ. Мировой съѣздъ вслѣдствіе жалобы Рыбаковыхъ постановилъ рѣшеніе мироваго судьи въ отношеніи ихъ, Рыбаковыхъ, утвердить, а Новомейскаго и Ѳеоктистова подвергнуть семидневному аресту. Дѣло это по жалобамъ обѣихъ сторонъ восходило до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената кассаціоннаго департамента, который призналъ рѣшенія мировыхъ учрежденій неправильными: въ отношеніи Рыбаковыхъ потому, что не были спрошены нѣкоторые, выставленные ими, свидѣтели, а въ отношеніи Новомейскаго и Ѳеоктистова потому, что они совершили проступокъ при исполненіи ими обязанностей службы и слѣдовательно подлежатъ отвѣтственности въ административномъ порядкѣ; почему означенное дѣло и передано на разсмотрѣніе Московскаго столичнаго мироваго съѣзда 1-го округа. На судъ явились одни лишь Рыбаковы: мужъ и жена.

Предсѣдатель (Рыбаковымъ). Свидѣтели здѣсь?

Рыбаковъ. Нѣтъ-съ, ихъ нѣтъ.

Председатель (прочитавъ жалобу Рыбаковыхъ). Что можете вы добавить къ этой жалобѣ?

Рыбаковъ. Мы ѣхали изъ Царицына; я взялъ три билета; вагонъ былъ биткомъ набитъ, такъ что мнѣ негдѣ было сѣсть, я и стоялъ. Дама одна мнѣ говоритъ: что вы стоите, снимите вотъ чемоданъ, да и сядьте. Я взялъ и снялъ чемоданъ. Тутъ явился какой-то офицеръ Нероновъ и позвалъ оберъ-кондуктора, который сталъ меня тащить вонъ изъ вагона и разбилъ мнѣ щеку; жена моя испугалась, ухватилась за меня, а оберъ-кандукторъ съ начальникомъ станціи стали отрывать ее, повывихали ей руки, нанесли побои, сорвали шляпку и шиньонъ, разорвали мантилію, и оставили насъ въ покоѣ тогда только, когда другіе уже стали заступаться за насъ. Когда все успокоилось, я сѣлъ, а жена сѣла ко мнѣ на колѣни, потому что мѣста не было.

Председатель (Рыбаковой). А вы что можете дополнить?

Рыбакова. Ничего-съ.

Товарищъ прокурора въ заключеніи своемъ сказалъ, что дѣло по жалобѣ Рыбаковыхъ на оскорбленіе ихъ Новомейскимъ и Ѳеоктистовымъ должно сообщить на разсмотрѣніе начальства сихъ послѣднихъ, такъ какъ они находились при отправленіи

должности; относительно же спроса свидѣтелей, такъ какъ Рыбаковы сами ихъ не представили, то для суда не обязательно вызывать ихъ. Я не вижу,—продолжалъ онъ—особенно уважительныхъ причинъ подвергать Николая Рыбакова четырехдневному аресту, когда другіе соучастники его приговорены лишь къ штрафу въ два рубля; а потому и полагаю подвергнуть его, какъ главнаго виновника тоже штрафу въ размѣрѣ пятнадцати рублей серебромъ, а въ остальномъ приговоръ Московскаго уѣзднаго мироваго съѣзда утвердить.

Судъ опредѣлилъ: дѣло по жалобѣ Рыбаковыхъ на Новомейскаго и Ѳеоктистова передать на разсмотрѣніе начальства сихъ послѣднихъ и подвергнуть Николая Рыбакова четырехдневному аресту при городскомъ арестантскомъ домѣ; а жену его Екатерину двухрублевому штрафу.

II.

Обстоятельства дѣла.

Объ оскорбленіи чиновникомъ Н. Щепотьевымъ сотрудника журнала „Развлеченія“ Акилова уже извѣстны читателямъ (*). На судъ явились гг. Щепотьевъ и его повѣренный, Акиловъ и его по-

(*) Смотри дѣло N.

вѣренный и свидѣтели гг. Никитинъ, Запольскій, Апаринъ и жандармскій офицеръ Палеологъ; двухъ послѣднихъ свидѣтелей повѣренный г. Акилова представилъ для того, чтобы доказать суду, что г. Щепотьевъ нанесъ оскорбленіе его довѣрителю не въ минуту сильнаго раздраженія, а съ обдуманнымъ намѣреніемъ нанести ему публичное оскорбленіе.

Предсѣдатель, прочитавъ жалобу повѣреннаго г. Акилова, спросилъ его, что можетъ сказать онъ въ дополненіе къ своей жалобѣ; на этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ, что тяжкое личное оскорбленіе, нанесенное г. Щепотьевымъ его довѣрителю получило большую извѣстность и возбудило общественное вниманіе, что наказаніе, наложенное г. Щепотьеву мировымъ судьею Тверскаго участка, недостаточно, ибо г. Щепотьевъ дѣйствовалъ съ умысломъ, и хвалился, что ударитъ по лицу Акилова, въ доказательство чего и просилъ спросить новыхъ свидѣтелей гг. Апарина и Палеолога.

Повѣренный г. Щепотьева возразилъ, что такъ какъ гг. Апаринъ и Палеологъ не были выставлены въ качествѣ свидѣтелей у мироваго судьи, то онъ считаетъ едва-ли возможнымъ спрашивать ихъ.

Товарищъ прокурора сказалъ, что на основаніи 159 ст. уст. угол. суд. сторонамъ представляется право представлять новыя доказательства виновности или невиновности лицъ и потому онъ считаетъ спросъ новыхъ свидѣтелей возможнымъ.

Судъ, приведя свидѣтелей къ присягѣ, приступилъ къ допросу ихъ.

Апаринъ. 15 августа я былъ у Теодора въ парикмахерской; тамъ въ числѣ другихъ были гг. Щепотьевъ и Страховъ. Я слышалъ, что г. Щепотьевъ говорилъ г. Страхову, что въ Сокольникахъ онъ обругалъ г. Акилова и хочетъ еще ударить его по лицу.

Повѣренный г. Щепотьева (сидя). Когда это было? въ какое время?

Апаринъ. Часу во второмъ.

Предсѣдатель (повѣренному Щепотьева). Извольте встать.

Повѣренный Щепотьева (встаетъ). Вы знаете въ лицо Щепотьева?

Апаринъ. Да, я его видалъ.

Повѣренный Щепотьева. И Страхова знаете?

Апаринъ. Да, и Страхова знаю.

Повѣренный Щепотьева. Больше ничего-съ (садится).

Палеологъ. 19 августа я былъ по службѣ въ театрѣ и мнѣ сдѣлалось извѣстно, что Щепотьевъ хочетъ ударить Акилова по лицу.

Предсѣдатель (Палеологу). Какимъ образомъ вамъ сдѣлалось это извѣстно?

Палеологъ. Ко мнѣ подошелъ самъ Щепотьевъ и сказалъ, что ударитъ Акилова по лицу; я предупредилъ объ этомъ Акилова, сказавъ ему, чтобы онъ былъ по осторожнѣе съ Щепотьевымъ, что ему готовится большая непріятность и такимъ образомъ мнѣ удалось предупредить столкновеніе между ними. Потомъ они встрѣтились при мнѣ, но и тутъ я предупредилъ ссору.

Повѣренный Щепотьева. Вы пріятель Щепотьева.

Палеологъ. Я, право, не знаю, зачѣмъ вы меня спрашиваете объ этомъ.

Предсѣдатель (повѣренному Щепотьева). Это вовсе нейдетъ къ дѣлу.

Повѣренный Щепотьева. Нѣтъ-съ, это очень важно (Палеологу). Вы хорошо знакомы съ Щепотьевымъ?

Палеологъ. Вы хотите меня сконфузить передъ публикою, что вотъ дескать пріятеля выдаетъ....

Предсѣдатель (повѣренному Щепотьева, вертящему въ рукахъ стулъ). Я повторяю вамъ что вопросы эти нейдутъ къ дѣлу, да еще извольте

стоять какъ слѣдуетъ (Палеологу). Продолжайте свое показаніе.

Палеологъ. Щепотьевъ вызывалъ Акилова въ корридорѣ, но я сказалъ Акилову, чтобы онъ не ходилъ. Вотъ все, что я знаю.

Никитинъ и Запольскій дали показанія тѣ же, какія дали у мироваго судьи; повѣренный Щепотьева каждаго изъ нихъ спрашивалъ: „знаете-ли вы Палеолога“ и каждый разъ былъ останавливаемъ предсѣдателемъ.

Повѣренный Акилова объяснилъ тоже, что и у мироваго судьи, прибавивъ, что доказательствомъ того, что не Акиловъ писалъ статью, которую Щепотьевъ принялъ на свой счетъ, можетъ служить замѣтка дѣйствительнаго автора этой статьи, помѣщенная въ слѣдующимъ номерѣ „Развлеченія“. Затѣмъ онъ началъ говорить о значеніи Развлеченія, какъ журнала сатирическаго; но было остановленъ г. Предсѣдателемъ.

Повѣренный г. Акилова. Но я считаю нужнымъ объяснить что назначеніе сатиры бичевать пороки. Люди, уважающіе себя....

Предсѣдатель. Я васъ прошу нераспространяться.

Повѣренный Акилова. Въ виду всего этого, въ виду тяжести нанесеннаго моему довѣрителю

оскорбленія, я прошу судъ увеличить назначенное Щепотьеву наказаніе.

Повѣренный Щепотьева. Акиловъ въ теченіи двухъ лѣтъ издѣвался надъ моимъ довѣрителемъ; сначала дѣло шло объ его шляпѣ, саняхъ, лошадяхъ; онъ не обращалъ никакого вниманія на эти нападенія изъ за угла; но когда Акиловъ коснулся его личности...

Повѣренный Акилова. Позвольте...

Предсѣдатель (повѣренному). Молчите.

Повѣренный Щепотьева. Когда же Акиловъ коснулся его личности, то конечно довѣритель мой не вытерпѣлъ этого и въ сильномъ раздраженіи нанесъ Акилову ударъ по лицу шляпою. Палеологъ и Апаринъ показываютъ, что они прежде слышали о намѣреніи моего довѣрителя нанести Акилову публичное оскорбленіе, но я прошу судъ обсудить: здравомыслящій человѣкъ мой довѣритель или нѣтъ? Съ какой кстати станетъ разсказывать онъ о намѣреніи своемъ оскорбить Акилова въ парикмахерской Теодора или незнакомому ему господину Палеологу...

Предсѣдатель. Я предполагаю сторонамъ окончить дѣло примиреніемъ.

Отъ примиренія обѣ стороны отказались, и послѣ заключенія товарища прокурора, полагавшаго

утвердить приговоръ мироваго судьи тверскаго участка, судъ постановилъ: подвергнуть г. Щепотьева, по совокупности проступковъ, аресту при городскомъ арестантскомъ домѣ на одинъ мѣсяцъ. Приговоръ этотъ состоялся по большинству голосовъ.

33.

Дѣло о врачѣ, дворянинѣ Іосифѣ Петровѣ Симоновичѣ, судившемся за залогъ несуществующаго имѣнія.

(Окружный судъ.)

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1870 года, въ Московскомъ Окружномъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ члена суда Сухотина, слушалось дѣло о врачѣ Іосифѣ Симоновичѣ по обвиненію его въ залогѣ несуществующаго имѣнія. Обвинялъ товарищъ прокурора Тихомировъ; защиту подсудимаго принялъ на себя присяжный повѣренный г. Шайкевичъ. Обстоятельства дѣла слѣдующія:

Въ 1864 году въ Сущевскомъ частномъ домѣ содержался отставной прапорщикъ Иванъ Петровъ Храповицкій; 10-го іюня того же года онъ былъ признанъ Московскою Уголовною палатою виновнымъ въ разныхъ обманныхъ поступкахъ и въ присвоеніи чина маіора, за что и былъ пригово

ренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Вологодскую губернію. 27-го іюня Храповицкій выдалъ врачу Симоновичу довѣренность на управленіе его имѣніемъ — деревнею Торбиной, Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда, предоставивъ ему, Симоновичу, право собирать съ этого имѣнія доходы, отдать оное въ аренду, заложить, перезаложить или и вовсе продать. Черезъ нѣсколько дней послѣ выдачи этой довѣренности Симоновичъ заложилъ означенное имѣніе отставному ротмистру Хрущеву за 9500 р., представивъ при совершеніи закладной въ Гражданскую палату уставную грамоту на имѣніе. Вслѣдъ за этимъ онъ купилъ у того же Хрущева домъ въ 10,000 р. и на другой день же день заложилъ оный купчихѣ Марѳиной за 4000 р. Наконецъ, 26-го ноября того-же 1864 г., имѣніе это было перезаложено чрезъ банкирскую контору Волковыхъ за 22,000 руб. повѣренному г-жи Раевской г. фонъ-Вендрихъ и изъ полученныхъ денегъ сдѣлана уплата по закладной г. Хрущева. Когда-же, 19-го октября 1866 года, вслѣдствіи просрочки, фонъ-Вендрихъ представилъ закладную для взысканія денегъ въ Новгородскую Гражданскую палату, то оказалось, что заложеннаго имѣнія не существуетъ.

Подсудимый Симоновичъ на судѣ объяснилъ, что съ Храповицкимъ познакомилъ его одинъ знакомый, нѣкто Александровъ, содержавшійся также въ Сущевскомъ частномъ домѣ, котораго онъ, Симоновичъ, ходилъ навѣщать. Александровъ рекомендовалъ ему Храповицкаго какъ богатаго помѣщика, который въ настоящее время нуждается въ деньгахъ; Храповицкій съ своей стороны просилъ его пріискать ему гдѣ нибудь денегъ. Симоновичъ, желая помочь ему, обратился съ просьбой о пріисканіи денегъ къ знакомымъ своимъ коммисіонерамъ, изъ которыхъ одинъ, Малыгинъ, отвѣчалъ ему, что безъ залога денегъ не достанешь. Отвѣтъ этотъ онъ передалъ Храповицкому, который и согласился заложить свое имѣніе за 10,000 р. Коммисіонеръ Малыгинъ познакомилъ Симоновича съ Хрущевымъ и они вдвоемъ ѣздили къ Храповицкому, который передалъ при этомъ свиданіи Хрущеву уставную грамоту и говорилъ, что имѣніе это весьма значительное, что ему слѣдуетъ получить до 60,000 руб. одной выкупной ссуды, да сверхъ того за лѣсъ ему предлагали около 90.000 р. Хрущевъ сказалъ что денегъ у него теперь свободныхъ нѣтъ, а если Храповицкій желаетъ, то онъ предлагаетъ ему вмѣсто денегъ взять подъ залогъ на крестьянскіе надѣлы домъ его, стоющій

10,000 р. Храповицкій согласился и просилъ Симоновича принять отъ него довѣренность, такъ какъ ему самому хлопотать нельзя. Симоновичъ отговаривался незнаніемъ дѣла; но Хрущевъ присоединилъ и свою просьбу взять отъ Храповицкаго довѣренность, обѣщаясь быть его руководителемъ. Симоновичъ наконецъ склонился на ихъ убѣжденія и принялъ отъ Храповицкаго довѣренность. Изъ 4000 руб., полученныхъ подъ залогъ дома Хрущева, осталось за всѣми расходами не болѣе 2000 р., которыя деньги и были переданы Симоновичемъ при полицейскомъ чиновникѣ Струковѣ Храповицкому, при чемъ съ послѣдняго взята имъ, Симоновичемъ, росписка въ полученіи имъ полной суммы, какъ значится въ закладной, 10000 р. Получивъ эти деньги, Храповицкій сталъ вести жизнь какъ въ частномъ домѣ, такъ и въ тюремномъ замкѣ, куда былъ переведенъ, безразсудно роскошную: онъ бралъ изъ трактира обѣды по 30 р., раздавалъ арестантамъ по 50 и 70 рублей. Вслѣдствіе такого бросанія денегъ Храповицкій вскорѣ сталъ ощущать недостатокъ въ нихъ и обратился вновь къ Симоновичу, прося его перезаложить имѣніе и быть его повѣреннымъ, за что обѣщалъ платить ему жалованья 1000 р. въ годъ. О себѣ онъ говорилъ Симоновичу, что со-

держится въ тюремномъ замкѣ за провозъ на Кавказъ запрещенныхъ брошюръ политическаго содержанія. Симоновичъ просилъ коммисіонера Билибина пріискать нужныя его довѣрителю деньги и тотъ чрезъ контору Волковыхъ свелъ его съ повѣреннымъ Раевской фонъ-Ведрихъ, который и согласился дать подъ залогъ имѣнія 22,000 руб. По совершеніи закладной Симоновичъ изъ этихъ денегъ заплатилъ долгъ Хрущеву 9500 р., а остальныя за прочими расходами 7000 руб. передалъ Храповицкому, взявъ съ него по прежнему росписку въ полной суммѣ 22,000 р., причемъ этотъ послѣдній далъ ему, Симоновичу, 1000 р., которые однако взялъ вскорѣ назадъ — „Я вовсе неподозрѣвалъ — добавилъ подсудимый — что имѣніе Храповицкаго не существуетъ, имѣнія этого я никому не расхваливалъ и не говорилъ, что былъ въ немъ. Всѣ полученныя отъ меня деньги Храповицкій въ непродолжительномъ времени прожилъ, и когда онъ отправлялся въ ссылку, то я занялъ на свое имя 200 руб., которыя и отдалъ ему, надѣясь получить ихъ при новомъ перезалогѣ имѣнія.

Свидѣтель Хрущовъ показалъ, что Симоновичъ самъ сдѣлалъ предложеніе отдать подъ залогъ домъ, который онъ цѣнилъ на наличныя деньги

въ 7000 р., а подъ закладную готовъ былъ отдать за 10,000 р., и что онъ, Хрущевъ, согласился на это предложеніе, находя его для себя выгоднымъ. О причинѣ ареста Храповицкаго онъ ни отъ него лично, ни отъ Симоновича не слыхалъ, а слышалъ стороною будто онъ содержится за политическое преступленіе. Храповицкій вообще любилъ похвастать своимъ богатствомъ и много разсказывалъ ему объ своихъ имѣніяхъ.

Немного спустя послѣ совершенія закладной Хрущевъ былъ приглашенъ бывшимъ Московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ графомъ Крейцомъ, который и предупреждалъ его быть осторожнѣе въ сдѣлкахъ съ Храповицкимъ, объяснивъ ему что тотъ судился и судится за разные обманные поступки. Вслѣдствіе этого Хрущевъ, опасаясь, что Храповицкій уже получилъ выкупную ссуду за крестьянскіе надѣлы, написалъ въ Новгородское Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе прошеніе, въ коемъ спрашивалъ поступило-ли на выкупъ такое-то имѣніе Храповицкаго и получилъ въ отвѣтъ, что такое имѣніе на выкупъ не представлено. Еще до совершенія закладной онъ давалъ Храповицкому взаймы деньги небольшими суммами. О томъ, что графъ Крейцъ предупреждалъ его, Хрущева, объ осторожности въ сношеніяхъ

съ Храповицкимъ онъ Вендриху не говорилъ, находя это для себя не выгоднымъ, ибо обстоятельство это могло повредить перезалогу имѣнія.

Квартальный надзиратель Струковъ между прочимъ объяснилъ, что Храповицкій дѣйствительно жилъ богато и тратилъ много денегъ, но бывало также что онъ сидѣлъ и безъ копѣйки; онъ хвастался своими имѣніями и выдавалъ Симоновича за своего управляющаго. Деньги появились у Храповицкаго съ того времени какъ началъ къ нему ѣздить Симоновичъ; слышно было что онъ заложилъ какое-то имѣніе, о чемъ частнымъ приставомъ было донесено оберъ-полиціймейстеру. Денегъ двухъ тысячъ рублей Симоновичъ Храповицкому при немъ, свидѣтелѣ, не передавалъ.

Чиновникъ Знаменскій сказалъ, что Хрущевъ котораго онъ давно зналъ, разъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Симоновичемъ въ Палату и просилъ его написать довѣренность отъ Храповицкаго къ Симоновичу. Кто говорилъ данныя объ имѣніи Хрущевъ или Симоновичъ онъ не помнитъ. Закладная, перезалогъ на имѣніе, купчая и закладная на имѣніе были совершены въ палатѣ послѣ, документовъ на право владѣнія при совершеніи закладной обыкновенно не спрашивалось, а устав-

ная грамота была принята для большаго удостовѣренія.

Свидѣтели Волковъ и Луха, рекомедовавшіе комисіонеру Симоновича Билибину г-на Вендриха, объяснили что какъ они, такъ и Вендрихъ не справлялись объ имѣніи и не требовали документовъ, ибо это былъ не первый залогъ, а перезалогъ.

Сторожа тюремнаго замка Соколовъ и Прохоровъ не разъ слышали отъ Храповицкаго, что онъ ждетъ денегъ отъ своего повѣреннаго; жилъ онъ въ замкѣ хорошо и характеръ имѣлъ веселый.

Священникъ тюремнаго замка объяснилъ, что Храповицкій жаловался ему на своего управляющаго, говоря что онъ совсѣмъ забылъ его и что у него нѣтъ даже куска сахару; но послѣ того изъявилъ желаніе пожертвовать для арестантовъ журналъ „Душеполезное Чтеніе“ вынулъ изъ подъ подушки пачку кредитныхъ билетовъ и, отсчитавъ 7 р., вручилъ ихъ свидѣтелю, прося его подписаться на этотъ журналъ.

Свидѣтели арестанты Кейзеръ и Комаевъ и цеховой Лавровъ, показали, что Храповицкій бросалъ деньги зря; арестантамъ, отправлявшимся въ Сибирь, давалъ на дорогу по 70 руб., за полштофа водки платилъ по 30 р. и по 50 р. за то, чтобы

арестанты носили его на рукахъ по коридору. Храповицкій говорилъ что Симоновичъ его управляющій, отъ котораго онъ получилъ 20,000 руб. и ожидаетъ еще 50,000 рублей.

Невѣста Симоновича, Масленникова, объяснила что подсудимый Симоновичъ жилъ у ея матери нахлѣбникомъ съ платою по 16 р. въ мѣсяцъ и занимался медицинской практикой.

Наконецъ было прочитано показаніе нѣкоего Студзинскаго, жившаго вмѣстѣ съ Храповицкимъ въ городѣ Грязовцѣ Вологодской губерніи. Изъ этого показанія видно, что Храповицкій въ мѣстѣ своей ссылки жилъ въ большой бѣдности; во все время пребыванія своего тамъ онъ получилъ только 30 р.; умеръ въ январѣ 1867 года въ такой крайности, что его не на что было похоронить. Передъ смертью онъ жаловался на Симоновича, при чемъ говорилъ: „онъ за мое дѣло посидитъ годика четыре въ острогѣ!“

Товарищъ прокурора, поддерживая обвиненіе Симоновича, указалъ на желаніе Симоновича обогатиться на чужой счетъ, для чего чтобы выгородить себя онъ, выдавая Храповицкому 2000 и 7000 р., беретъ съ него росписки въ полной суммѣ; но передача и этихъ незначительныхъ суммъ Храповицкому имъ ничѣмъ не доказана, наконецъ

на невѣроятность того, чтобы онъ незналъ о не существованіи имѣнія, которое закладывалъ, а потому выразилъ убѣжденіе, что присяжные признаютъ подсудимаго виновнымъ.

Защитникъ подсудимаго, обративъ вниманіе присяжныхъ на несостоятельность уликъ противъ его кліента, сказалъ, что онъ увѣренъ, что присяжные по одному только подозрѣнію, возбужденному противъ Симоновича, не произнесутъ о немъ обвинительнаго приговора.

Присяжные признали Симоновича виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія и судъ приговорилъ: лишивъ его всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Вологодскую губернію.

34.

Дѣло о директорѣ Московской консерваторіи, губернскомъ секретарѣ Николаѣ Рубинштейнѣ объ оскорбленіи имъ дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника дѣвицы Вѣры Щебальской.

(Мировой судъ.)

Обстоятельства этого дѣла, весьма сильно заинтересовавшаго московскую публику, слѣдующія:

19 декабря 1869 года, г-жа Вѣра Щебальская, бывшая въ то время ученицею консерваторіи, была приглашена въ кабинетъ къ директору Рубинштейну. Она вошла туда совершенно спокойно, но когда онъ сталъ ей дѣлать выговоры за неуспѣхи по одному изъ предметовъ, то невольно смутилась и въ смущеніи стала перебирать листки въ книгѣ, которую держала въ рукахъ. Директоръ принялъ это почему-то за невниманіе къ своимъ словамъ: „ступайте вонъ, вонъ!“ закричалъ онъ на нее въ гнѣвѣ и, вырвавъ у нея изъ рукъ книгу, швырнулъ её на столъ. Отецъ г-жи Щебальской, находя такой поступокъ Рубинштейна и слова, произнесенныя имъ оскорбительными для своей дочери на слѣдующій же день отправился къ г. Рубинштейну для объясненій. Послѣдній, сознаваясь въ своемъ поступкѣ, сказалъ: „что же мнѣ дѣлать, я человѣкъ нервный, не выдержалъ-вспыхнулъ“. Тогда г. Щебальскій просилъ г. Рубинштейна взять свои слова обратно и извиниться, на что тотъ не согласился. Вслѣдствіе этого г. Щебальскій обратился съ жалобою къ г. Мировому судьѣ Александровскаго участка и просилъ поступить съ г. Рубинштейномъ на основаніи 130, 131 и 135 ст. уст. о наказ. Разбирательство по этому дѣлу происходило 8 января 1870 года при огром-

номъ стеченіи публики. Обвинителемъ явился самъ г. Щебальскій, защитникомъ обвиняемаго присяжный повѣренный Ф. Г. Соловьевъ.

Профессоръ консерваторіи Э. Лангеръ, спрошенный на разбирательствѣ въ качествѣ свидѣтеля, показалъ, что находился случайно въ кабинетѣ директора и сидѣлъ противъ него, когда вошла Щебальская; Рубинштейнъ сталъ дѣлать ей выговоръ, что она плохо занимается въ классѣ, тогда онъ, свидѣтель, раскрылъ книгу, чтобы не смущать ихъ обоихъ своимъ присутствіемъ, по этому онъ ничего и не видалъ, а слышалъ, что г. Рубинштейнъ сначала говорилъ съ г-жею Щебальскою голосомъ спокойнымъ, но потомъ сказалъ, возвысивъ голосъ: „вы не обращаете вниманія на мои слова, идите вонъ!“ въ то же время онъ слышалъ какъ упала на столъ книга; но вырвалъ-ли её Рубинштейнъ изъ рукъ Щебальской того незамѣтилъ. Не смотря на то г-жа Щебальская продолжала стоять въ кабинетѣ, тогда Рубинштейнъ еще болѣе возвышая свой голосъ, сказалъ: „Идите вонъ!“ и она ушла. Потомъ, немного спустя, г. Лангеръ объяснилъ, что книга лежала на столѣ до прихода Щебальской, которая въ рукахъ никакой книги не имѣла.

Защитникъ обвиняемаго между прочимъ сказалъ, что директоръ имѣетъ полное право дѣлать выговоры ученикамъ, не допускать ихъ къ экзамену и даже исключать изъ консерваторіи. Когда директоръ дѣлаетъ замѣчаніе, а ученица не обращаетъ на его слова вниманія, то ему остается сказать одно; „идите вонъ," при томъ въ словахъ этихъ нѣтъ ничего оскорбительнаго. По этому онъ, защитникъ, по бездоказательности обвиненія, по отсутствію намѣренію нанести оскорбленіе и, принимая во вниманіе что здѣсь дѣло касается отношеній директора къ ученикамъ, просить оправдать г. Рубинштейна.

Обвинитель Щебальскій въ заключеніе своего возраженія просилъ, только, чтобы фактъ событія былъ признанъ совершившимся и непозволительнымъ.

На эти слова защитникъ Рубинштейна вновь объяснилъ, что обвиненіе не имѣетъ никакого основанія и въ дѣйствіяхъ Рубинштейна нѣтъ ничего противозаконнаго.

Мировой судья на основаніи 119 ст. уст. призналъ г. Рубинштейна по суду оправданнымъ.

На это рѣшеніе повѣренный г. Щебальскаго, присяжный повѣренный Алексѣевъ принесъ апелляціонный отзывъ, гдѣ доказываетъ оскорбитель-

ность словъ, съ которыми обратился Рубинштейнъ къ Щебальской, въ подвержденіе-же того факта, что Рубинштейнъ дѣйствительно вырвалъ у г-жи Щебальской изъ рукъ книгу, просилъ спросить подъ присягою въ качествѣ свидѣтелей гг. Кашперова, Иванова и г-жу Абрамову и затѣмъ подвергнуть г. Рубиншейна отвѣтственности по 130 ст.

Повѣренный со стороны г. Рубинштейна г. Соловьевъ заявилъ о неподсудности этаго дѣла мировымъ учрежденіямъ; но съѣздъ мировыхъ судей, согласно съ заключеніемъ г. товарища прокурора, призналъ дѣло это себѣ подсуднымъ и приступилъ за тѣмъ къ допросу свидѣтелей изъ показаній которыхъ, за исключеніемъ г. Лангера, никакихъ новыхъ обстоятельствъ не выяснилось. Что-же касается г. Лангера, то къ прежнему своему показанію онъ прибавилъ, что, спустя нѣсколько времени по выходѣ г-жи Щебальской изъ кабинета, г. Рубинштсйнъ говорилъ ему, свидѣтелю, что когда онъ дѣлалъ выговоръ г-жѣ Щебальской, то она стояла къ нему въ полъ-оборота спиною и перелистовала журналъ.

По произнесеніи обвиненія и защиты, товарищъ прокурора г. Рогаль-Левицкій, изложивъ обстоятельства дѣла, сдѣлалъ такой выводъ, что оскорбленіе дѣйствіемъ (т. е. вырываніе изъ рукъ книги)

не подтвердилось и потому обвиненіе это падаетъ естественно само собою; что же касается до возвышенія г. Рубинштейномъ голоса и произнесенныхъ имъ словъ, то составляетъ-ли это оскорбленіе—онъ предоставляетъ рѣшить совѣсти судей, а со своей стороны не можетъ признать ихъ не обидными и проситъ признать г: Рубинштейна виновнымъ въ оскорбленіи г-жи Щебальской словамии подвергуть его взысканію по 130 ст. уст.

Съѣздъ мировыхъ судей, по большинству голосовъ, постановилъ: подвергнуть г. Рубинштейна денежному штрафу въ размѣрѣ 25 руб., а при несостоятельности аресту при городскомъ арестантскомъ домѣ на семь дней.

35.

Дѣло о малолѣтномъ дворянинѣ Константинѣ Яковлевѣ Коргановѣ, обвинявшемся въ кражѣ пальто у дяди своего, почетнаго гражданина Осипа Исаакова Комазова.

(Окружный Судъ.)

Обстоятельства дѣла: 5 іюня 1869 года почетный гражданинъ Александръ Никитинъ Борисовъ представилъ въ контору 2-го квартала Мясницкой части двѣнадцати лѣтняго племянника своего, дво-

рянина Константина Яковлева Карганова, и объяснилъ, что Кargановъ унесъ у другаго своего дяди Осипа Комазова изъ квартиры его, состоящей въ томъ же кварталѣ въ домѣ Кирилова, драповое пальто, стоющее 35 руб., которое и продалъ на площади барышнику за 8 рублей. Кargановъ во всемъ сознался и такъ какъ дядя Борисовъ отказался взять его къ себѣ на поруки, то онъ и содержался въ московскомъ исправительномъ пріютѣ до судебнаго засѣданія.

Дѣло это разсматривалось съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 24 января 1870 года.

Товарищъ предсѣдателя (подсудимому). Какъ васъ зовутъ?

Подсудимый. Костя.

Товарищъ предсѣдателя. А по отцу?

Подсудимый. Яковличъ.

Товарищъ предсѣдателя. Сколько вамъ лѣтъ?

Подсудимый. Двѣнадцать.

Товарищъ предсѣдателя. Сознаетесь-ли вы въ томъ, что взяли тайно пальто у вашего дяди и продали его?

Подсудимый. Да, я взялъ; меня научилъ мальчикъ одинъ изъ трактира сдѣлать это.

Товарищъ предсѣдателя. Кто-же этотъ мальчикъ и гдѣ онъ находится.

Подсудимый. Зовутъ его Сергѣй, а гдѣ онъ теперь я не знаю.

За тѣмъ подсудимый объяснилъ, что онъ продалъ пальто на площади за 8 рублей, изъ которыхъ денегъ 1 р. 35 к. употребилъ на покупку себѣ сапогъ и картуза, а остальныя проѣлъ и пролакомилъ.

Почетный гражданинъ Осипъ Комазовъ, спрошенный на судѣ въ качествѣ свидѣтеля, показалъ. что племянникъ его Каргановъ поутру 31 мая 1869 года, воспользовавшись тѣмъ, что самъ онъ, свидѣтель, былъ болѣнъ, жена его находилась при немъ, а прислуга ушла на рынокъ, взялъ изъ передней пальто его, стоющее 35 р. и ушелъ съ нимъ неизвѣстно куда, а черезъ нѣсколько дней онъ былъ приведенъ къ Борисову тифлисскимъ гражданиномъ Бояндуровымъ. Сверхъ того показатель прибавилъ, что Каргановъ раньше еще говорилъ ему, что его подучаетъ какой-то мальчикъ Сергѣй что нибудь украсть; но онъ, Комазовъ, строго запрещалъ ему слушать такіе дурные совѣты.

Бояндуровъ подвердилъ показаніе Комазова, объяснивъ, что дѣйствительно 5 іюна 1869 года онъ встрѣтилъ малолѣтнаго Карганова на Рождественкѣ и, зная о сдѣланномъ имъ похищеніи пальто

у Камазова, взялъ и привелъ его къ дяди почетному гражданину Александру Никитину Борисову, которымъ онъ и былъ препровожденъ въ полицію.

Присяжные, признали Карганова виновнымъ въ похищеніи у дяди своего Комазова пальто, совершенномъ безъ разумѣнія, и при томъ заслуживающимъ по обстоятельствамъ дѣла снисхожденія, и судъ приговорилъ дворянина Карганова, двѣнадцати лѣтъ, согласно 1656 и 1 отд. 137 ст. улож. о наказ. угол. и испр., отдать для домашняго исправленія его матери.

36.

Дѣло по жалобѣ врача Василія Егорова Вишневскаго на генерала Горлова, полковника Ломовскаго и другихъ объ оскорбленіи его послѣдними на письмѣ.

(Мировой судъ.)

7-го января 1870 года, на балѣ въ школѣ межевыхъ топографовъ, врачъ Вас. Егор. Вишневскій позволилъ себѣ наговорить дерзостей женѣ помощника инспектора школы, г-жѣ Роменко. Офицеры, имѣя во главѣ директора школы, прислали Вишневскому письмо, въ которомъ говорили, что послѣ его поступка они не могутъ болѣе служить

съ нимъ и, если онъ имѣетъ хоть немного чести и разсудка, то долженъ оставить свою службу при школѣ. Нѣсколько времени спустя, Вишневскій получилъ другое письмо, въ которомъ лица, служащія при школѣ, но неуспѣвшія почему либо подписаться подъ первымъ письмомъ, адресованнымъ къ Вишневскому, заявляли, что они совершенно согласны съ мнѣніемъ своихъ товарищей по службѣ.

Врачъ Вишневскій, сочтя эти письма оскорбительными для себя, подалъ на лицъ, подписавшихся подъ означенными письмами, жалобу къ мировому судьѣ Басманнаго участка. Разбирательство по этому дѣлу происходило 18 февраля 1870 года. Повѣренными были: со стороны обвинителя — г. Королевичъ, со стороны обвиняемыхъ кандидатъ правъ кн. А. И. Урусовъ.

Передъ началомъ разбирательства кн. Урусовъ предъявилъ судьѣ жалобу отъ имени г-жи Роменко на г. Вишневскаго въ оскорбленіи имъ ее словами: „вы такая женщина, что вамъ можно говорить все: вы вѣдь сами употребляете выраженія непечатныя“. Вслѣдствіе этого князь Урусовъ, обвиняя г. Вишневскаго въ клеветѣ на его довѣрительницу, просилъ разсмотрѣть оба дѣла въ совокупности; но мировой судья Урусову въ просьбѣ его отказалъ.

и постановилъ жалобу его разсмотрѣть отъ настоящаго дѣла отдѣльно.

Судья, прочитавъ жалобу врача Вишневскаго и адресованныя къ нему письма, обратился къ кн. Урусову съ вопросомъ: признаетъ-ли онъ подписи подъ этими письмами за подписи своихъ довѣрителей, на что Урусовъ отвѣчалъ утвердительно и просилъ спросить выставленныхъ свидѣтелей гг. Вивьена и Астрова.

Свидѣтель г. Вивьенъ объяснилъ, что онъ вмѣстѣ съ г. Косауровымъ 7-го января, во время бала въ школѣ межевыхъ топографовъ, находился въ гостяхъ у г. Роменко. Вдругъ черезъ ту комнату, гдѣ они сидѣли, пробѣжала въ слезахъ г-жа Роменко и затѣмъ съ нею сдѣлался истерическій припадокъ „я хотѣлъ уже удалиться—продолжалъ свидѣтель — чтобъ не быть свидѣтелемъ этой непріятной сцены, какъ вошелъ врачъ г. Астровъ и на вопросы наши, что такое случилось, онъ отвѣчалъ, что сейчасъ на балѣ г. Вишневскій оскорбилъ г-жу Роменко. Когда г-жа Роменко пришла въ себя, то разсказала намъ, что г. Вишневскій позволилъ себѣ говорить ей такія фразы, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что она женщина легкомысленнаго поведенія, способная быть снисходительной къ каждому.“

Свидѣтель, врачъ Иванъ Никол. Астровъ показалъ такъ: „7-го января, на балѣ въ школѣ межевыхъ топографовъ я ходилъ съ г-жею Роменко по залѣ. Вдругъ къ намъ подходитъ г. Вишневскій и говоритъ г-жѣ Роменко: неправда-ли, вѣдь Николай Ивановичъ, т. е. это я, прекрасный и пресимпатичный человѣкъ? — Да; сказала она: онъ очень хорошій человѣкъ; онъ лечилъ моего мужа и меня лечилъ. — Надъ вами побѣда не трудна — продолжалъ онъ — вы вѣдь каждому симпатизируете, и если побѣдили его — женатаго человѣка — что жь! тѣмъ крѣпче будетъ связь.—Г-жа Роменко, чрезвычайно удивленная такою безцеремонностью, сказала, что не понимаетъ его словъ — Что же я и ошибаться могу, какъ человѣкъ—отвѣчалъ Вишневскій. Дальнѣйшаго разговора между ними я не слыхалъ, такъ какъ разговоръ этотъ происходилъ безъ меня. Но когда я снова подошелъ, то услыхалъ какъ г-жа Роменко говорила г. Вишневскому, что онъ не имѣетъ ни повода, ни права такъ оскорблять ее — Я не записываю, право, своихъ словъ, отвѣчалъ онъ — впрочемъ вы такая женщина, что вамъ можно говорить все, вы сами выражаетесь не печатно. Я себя считаю больше оскорбленнымъ, чѣмъ вы. На эти слова г-жа Роменко сказала, что если онъ имѣетъ что-

либо противъ нея, то можетъ обратиться къ ея мужу. — Да кто вашъ мужъ? — спросилъ ее Вишневскій. Все это онъ говорилъ съ раздражительностью, размахивая передъ ея лицемъ руками, и въ заключеніе сказалъ, что сожалѣетъ что мало сказалъ ей. Когда съ г-жею Роменко сдѣлался истерическій припадокъ, то я подалъ ей помощь. Потомъ я слышалъ, что г. Роменко, не желая служить вмѣстѣ съ Вишневскимъ, хотѣлъ подать въ отставку; но офицеры отклонили его и послали къ Вишневскому коллективныя письма, которыя сейчасъ были прочитаны."

На предложеніе судьи окончить дѣло миромъ стороны отказались.

Повѣренный обвинителя г. Королевичъ объяснилъ, что настоящее дѣло идетъ лишь объ оскорбленіи его довѣрителя, а не г-жи Роменко, а потому объ этомъ предметѣ онъ и не считаетъ себя обязаннымъ говорить что-либо. Что же касается настоящаго дѣла, то нельзя не признать оскорбительными для довѣрителя его слова о чести и разсудкѣ, помѣщенныхъ въ посланныхъ къ нему письмахъ, а также и того, что обвиняемые не имѣли никакого права предлагать ему выдти въ отставку.

Повѣренный обвиняемыхъ кн. Урусовъ сказалъ, что обвиняемые вовсе не желали оскорбить г-на

Вишневскаго, потому что въ противномъ случаѣ они не сослались бы на его честь и разсудокъ; напротивъ того, они именно во имя его чести и разсудка просили оставить службу при школѣ, такъ какъ онъ оскорбилъ жену ихъ сослуживца, женщину всѣми уважаемую. Въ заключеніе своей рѣчи кн. Урусовъ просилъ оправдать его кліентовъ и обвиненіе это согласно 125 ст. признать недобросовѣстнымъ.

Судья постановилъ на основаніи 110 ст. Уст. уг. суд. признать всѣхъ обвиняемыхъ по суду оправданными.

Во все время разбирательства этого дѣла камера судьи была переполнена публикою.

37.

Дѣло о коллежскомъ ассессорѣ Николаѣ Жариновѣ, обвиняемомъ въ оскорбленіи дѣйствіемъ помощника надзирателя Лупандина.

(Окружной судъ.)

27-го февраля 1870 года въ Московскомъ Окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разбиралось дѣло о коллежскомъ ассессорѣ Никол. Емельян. Жариновѣ, обвиняемомъ въ оскорбленіи дѣйствіемъ помощника квартальнаго надзирателя

Лупандина; предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя Щепкинъ, обвинялъ товарищъ прокурора Крушинскій, защищалъ обвиняемаго присяжный повѣренный Рихтеръ.

Обстоятельства этого дѣла слѣдующія: по словамъ помощника надзирателя Лупандина, 12-го мая 1868 года, на Воробьевыхъ горахъ, на террасѣ, онъ услыхалъ шумъ и по обязанности своей отправился туда, гдѣ засталъ Жаринова, ссорившагося съ купцемъ Максимовымъ. Онъ просилъ ссорившихся прекратить шумъ и отправиться съ нимъ въ кварталъ для составленія акта, на что въ отвѣтъ Жариновъ схватилъ Лупандина за бортъ сюртука и, поднявъ палку, грозилъ размозжить ему голову. По словамъ-же Жаринова дѣло происходило нѣсколько иначе. Онъ говорилъ, что пріѣхалъ на Воробьевы горы съ двумя своими племянницами и сослуживцами Виноградовымъ и Вечесловымъ. Выходя изъ кофейной, онъ увидѣлъ что кто-то сбросилъ съ Вечеслова шляпу; тогда онъ хотѣлъ вернуься въ кофейную; но купецъ Максимовъ загородилъ ему дорогу, вслѣдствіе чего между ними началась брань. Въ эту минуту на террасу вошелъ неизвѣстный офицеръ, безъ шпаги, съ папиросою въ зубахъ, и взялъ Жаринова за руку чтобы вывести оттуда; онъ выдернулъ

свою руку изъ руки офицера и вышелъ самъ. Выйдя оттуда, Жариновъ замѣтилъ, что одной изъ племянницъ его нѣтъ; тогда онъ хотѣлъ войти снова въ кофейную, но тотъ-же офицеръ не сталъ пускать его; ихъ окружила толпа. Жариновъ обезпокоенный отсутствіемъ племянницы пришелъ въ сильное раздраженіе и сказалъ, что размозжитъ тому голову, кто не пуститъ его отыскивать племянницу; но слова эти не относились прямо къ неизвѣстному офицеру, который, какъ онъ потомъ узналъ, оказался помощникомъ квартальнаго надзирателя Лупандинымъ. Племянницу свою Жариновъ такъ и ненашелъ; ее встрѣтила у церкви г-жа Варвинская и доставила домой.

Свидѣтели этого происшествія, кромѣ городоваго Сажина, подтвердили, что дѣйствительно былъ шумъ и ссора и что Жариновъ говорилъ: „пустите меня отыскать племянницу, кто будетъ меня удерживать, тому я голову размозжу!“ но къ кому относились эти слова, они, свидѣтели, сказать не могутъ; держалъ-ли Жариновъ Лупандина за бортъ сюртука они не видали. Городовой-же Сажинъ показалъ, что видѣлъ какъ Жариновъ держалъ Лупандина за грудь, грозилъ ему палкой и кричалъ на него, хотя на предварительномъ слѣдствіи онъ-же, Сажинъ, говорилъ, что видѣлъ

только поднятую палку; но кто поднималъ ее не знаетъ.

По произнесеніи г. товарищемъ прокурора обвинительной рѣчи и защиты, присяжные признали коллежскаго ассессора Жаринова не виновнымъ.

38.

Дѣло о женѣ инженеръ-поручика Вѣрѣ Алексѣевой Евреиновой, обвинявшейся въ ношеніи съ собою въ городѣ заряженнаго револьвера.

(Мировой судъ.)

31-го января 1870 года, во время бенефиса г-на Падилла въ Большомъ театрѣ, неизвѣстная дама вручила буфетчику 3-го яруса револьверъ, объявивъ ему, что онъ заряженъ тремя пулями, и просила его поберечь до конца представленія.

Буфетчикъ представилъ этотъ револьверъ въ театральную кассу смотрителю за сборами г. Талызину, который довелъ объ этомъ до свѣдѣнія полиціи. Полицейскій чиновникъ обратился съ распросами къ неизвѣстной дамѣ, которая объяснила ему, что она жена инженеръ-поручика Вѣра Алексѣевна Евреинова и беретъ съ собою револьверъ когда отправляется куда-нибудь изъ дома, для того, чтобы предохранить себя отъ нападенія не-

благонамѣренныхъ личностей, тѣмъ болѣе, что она имѣетъ молодую и красивую изъ себя дочь и неизвѣстные ей молодые люди позволяли уже себѣ безпокоить ихъ даже на ихъ квартирѣ; по этому опасаясь встрѣчи съ этими господами, которые могутъ нанести ей или дочери ея какое-либо оскорбленіе, она и запаслась для смѣлости револьверомъ; другой-же цѣли никакой не имѣла.

Дѣло объ этомъ, по полицейскому сообщенію, разсматривалось 28-го февраля у мироваго судьи Тверскаго участка.

На разбирательствѣ г-жа Евреинова ко всему прописанному нами выше добавила, что она не знала того, что запрещено носить заряженное оружіе.

Обвинитель, депутатъ отъ полиціи, квартальный надзиратель Андреевъ сказалъ, что законъ дозволяетъ имѣть оружіе во время путешествія на охотѣ; но г-жа Евреинова отправилась съ револьверомъ въ театръ, а потому и просилъ поступить съ нею по 118 ст. Уст. о нак.

Мировой судья опредѣлилъ: подвергнуть Евреинову штрафу въ размѣрѣ одного руб. сер. Рѣшеніемъ этимъ г-жа Евреинова осталась довольна.

39.

Дѣло о дочери титулярнаго совѣтника, содержательницѣ женскаго пансіона Августѣ Егоровой Вихардъ, обвинявшейся въ самоуправствѣ.

(Мировой судъ.)

Дѣло это возникло такимъ образомъ. По жалобѣ содержательницы женскаго пансіона Августы Вихардъ на самоуправство дворянина, кандидата на судебныя должности, Михаила Владимірова Умецкаго и на произведеніе имъ шума и безпорядка въ содержимомъ ею пансіонѣ, послѣдній былъ приговоренъ мировымъ судьею Мясницкаго участка къ двухъ мѣсячному аресту. Умецкій со своей стороны подалъ на Августу Вихардъ жалобу къ тому-же мировому судьѣ обвиняя её: a) въ самоуправномъ задержаніи отъ него, Умецкаго, воспитавшейся въ ея пансіонѣ сестры его Олимпіады Умецкой, надъ которою онъ состоитъ опекуномъ, при чемъ задержаніе со стороны Вихардъ сопровождалось толчками Умецкаго, щипаньемъ и дерганьемъ сестры его; b) въ самоуправномъ-же задержаніи вещей Олимпіады Умецкой и c) пальто его, Умецкаго. Дѣло о самоуправствѣ Вихардъ разбиралось 4-го марта 1870.

На разбирательство по этому дѣлу явились: обвинитель М. В. Умецкій, его повѣренный, кандидатъ правъ Ковалевъ, свидѣтели обвиненія: кандидатъ правъ Соколовъ, гг. Кранбергъ, Бонакеръ, надзиратель Мясницкой части 5 квартала и г-жи Шенигеръ и сестра обвинителя Умецкая, и обвиняемая г-жа А. Е. Вихардъ.

Судья, удаливъ свидѣтелей въ особую комнату, предложилъ сторонамъ окончить дѣло миромъ.

Вихардъ объяснила, что г. Умецкій по просьбѣ г-жи Михайловой пришелъ къ ней, при чемъ они условились прекратить дѣло, во удостовѣреніе чего и обмѣнялись между собою написанными по ея просьбѣ прошеніями, изъ которыхъ одно было со стороны г. Умецкаго къ мировому судьѣ Мясницкаго участка, гдѣ онъ просилъ прекратить дѣло о самоуправствѣ Вихирдъ; а второе со стороны г-жи Вихардъ въ Мировой Съѣздъ 2-го округа, гдѣ она просила о прекращеніи ея дѣла съ Умецкимъ и объ избавленіи его отъ наказанія, наложеннаго приговоромъ мироваго судьи. Такъ какъ она, Вихардъ, дала г. Умецкому честное слово, то прекращаетъ это дѣло и проситъ немедленно взыскать съ него, Умецкаго, по роспискѣ деньги двѣсти пятьдесятъ рублей серебромъ.

Повѣренный Умецкаго Ковалевъ. Довѣритель мой согласенъ уплатить ей эти деньги, но только тогда, когда онъ будетъ совершенно оправданъ по суду.

Мировой судья. Но вѣдь оправданіе г. Умецкаго вовсе не зависитъ отъ г-жи Вихардъ, а потому и сдѣлка подобная въ мировой неумѣстна.

Умецкій. Г-жа Вихардъ имѣетъ весьма важныя, непосредственно отъ нея зависящія данныя, что я не нарушалъ своими дѣйствіями тишины и порядка, вслѣдствіе чего несомнѣнно я буду оправданъ: поэтому я и считаю возможнымъ допущеніе подобнаго условія.

Мировой судья. Значеніе доказательствъ оцѣнивается по нравственному убѣжденію судей.

Умецкій. Я буду доволенъ если г-жа Вихардъ только представитъ эти доказательства, на приговоръ я пенять не буду.

Мировой судья. Такъ потрудитесь указать эти доказательства.

Умецкій. Они заключаются въ томъ, чтобы г-жа Вихардъ чистосердечно подвердила справедливость моихъ показаній на судѣ, именно, что я, взявъ сестру у окна не во время классныхъ занятій, не нарушилъ этимъ тишины и порядка, что подтвердила и г-жа Петерсонъ; что классъ пѣнія прекратился не по моей винѣ, а по винѣ вбѣжавшихъ

воспитанницъ, которыя вовсе и не воображали о пожарѣ или о чемъ-либо подобномъ; что я не позволялъ себѣ говорить г-жѣ Вихардъ оскорбительныхъ словъ, а если и сказалъ нѣсколько общихъ, можетъ быть и не лестныхъ для нея, фразъ, то тогда, когда находился уже въ передней, и что пансіонъ ея не носитъ характера учебнаго заведенія, а скорѣе походитъ на семейный кружокъ, въ которомъ г-жа Вихардъ сама задаетъ уроки и слѣдитъ за воспитанницами.

Мировой судья (Вихардъ). Вы согласны со всѣмъ этимъ?

Вихардъ. Да. Но только у меня совсѣмъ не семейный кружокъ, а пансіонъ; я нехочу лгать; пускай-же онъ мнѣ заплатитъ деньги.

Умецкій. Я не прошу васъ лгать, а прошу говорить правду. Деньги по роспискѣ, которую вы вынудили меня дать вамъ, я заплачу, когда вы употребите свое стараніе оправдать меня передъ мировымъ съѣздомъ, и вы сами обязывались не требовать съ меня денегъ до моего оправданія. Относительно-же выданнымъ нами другъ другу прошеній я полагаю, что они служатъ только ручательствомъ для исполненія нашихъ взаимныхъ обязательствъ.

Вихардъ (судьѣ). Онъ обѣщалъ заплатить въ мартѣ 4 числа, такъ и въ роспискѣ написано.

Мировой судья. Вы сами, г-жа Вихардъ, сознались, что росписка безденежная, спрячьте же её и не говорите объ ней, а то дѣло ваше никогда не кончится миромъ. Г. Умецкій ошибся, а вы этого не знали, что дѣло можетъ быть рѣшено съѣздомъ помимо вашей воли: теперь я вотъ объясняю вамъ это.

Вихардъ. Натурально, я женщина, я ничего не понимаю; онъ мнѣ сказалъ, что все зависитъ отъ меня.

Умецкій. Прошу припомнить г-жу Вихардъ, что я объяснялъ повѣренному ея и ей и условія совершенія мировыхъ, и значеніе взведенныхъ ею на меня обвиненій.

Мировой судья (Вихардъ). Вы сейчасъ просили меня освободить Умецкаго отъ всякаго взысканія: я не могъ этого сдѣлать. Если же г. Умецкій отдастъ вамъ теперь деньги, а съѣздъ подвергнетъ его наказанію, то деньги значитъ будутъ брошены напрасно.

Вихардъ. Просидѣть два мѣсяца много значитъ, онъ въ это время много можетъ получить, а то, можетъ быть, онъ просидитъ меньше, или штрафъ заплатитъ.

Мировой судья. Согласны-ли вы наконецъ кончить дѣло миромъ?

Умецкій. Я сдѣлалъ все, чтобы достигнуть мироваго соглашенія: но вижу, что она теперь желаетъ получить съ меня деньги, а потомъ все таки преслѣдовать меня.

Мировой судья. Г-жа Вихардъ, вамъ вполнѣ отдался въ руки г. Умецкій; онъ выдалъ вамъ документъ на себя и если будетъ оправданъ на съѣздѣ то заплатитъ вамъ 250 р., какъ онъ заявилъ и на судѣ.

Вихардъ. Ну, пускай онъ мнѣ заплатитъ сейчасъ и я стану просить судей, чтобы они простили его.

Мировой судья. Подождать двѣ недѣли небольшой разсчетъ.

Вихардъ. О конечно! но мнѣ хотѣлось бы получить.

Мировой судья. Вѣдь вы не сомнѣваетесь въ состояніи г. Умецкаго заплатить вамъ эти деньги; а какъ только состоится приговоръ, такъ вы получите исполнительный листъ.

Умецкій. Если у меня не будетъ денегъ на лицо, я займу, продамъ что нибудь, а ужъ заплачу ей.

Вихардъ. Конечно, молодому человѣку непріятно если его посадятъ; ну, я согласна, я буду про-

сить, ему извинять, можно солгать немножко.... Что вы, г. судья, скажите, я все скажу.

Мировой судья. Я ничего не могу сказать вамъ.

Умецкій. Я прошу васъ, г-жа Вихардъ, не лгать, а говорить одну правду, подтвердить справедливость моихъ показаній, и тогда вы получите 250 рублей; иначе вы повредите себѣ. Вы говорили мнѣ, что одна дама, не доброжелательная ко мнѣ, предлагала вамъ 500 р., чтобы засадить меня, а я вамъ скажу, что не такъ скоро позволю очернить себя. У меня есть доказательства, которыми я еще не воспользовался. Вы не можете поручится, что со временемъ правда, гласность и я не обнаружимъ вашихъ поступковъ.

Вихардъ. Ну пускай же идетъ дѣло; я вотъ, г. судья, прошу васъ взыскать деньги съ его отца за воспитаніе дочери.

Мировои судья. Теперь не время. Объявляю, что прежніе переговоры ваши окончены. Вы, г жа Вихардъ, обвиняетесь въ самоуправномъ задержаніи сестры г. Умецкаго, ея вещей, а равно и пальто самого г. Умецкаго, при семъ удержаніе это сопровождалось насиліемъ и щипками. Признаете-ли вы себя виновною въ этомъ.

Вихардъ. Нѣтъ. Пальто я не брала, а указала г. Умецкому; онъ самъ его не взялъ, а подавать

ему никто не обязанъ. У Олимп. Умецкой вещей почти никакихъ нѣтъ, а такъ есть кое что; ничего нистоющая шубка, платьица, муфта.... а остальное я дѣлала на свои деньги и мнѣ обязаны за это заплатить. Самую Олимп. Умѣцкую я не отпускала потому что не знала, что онъ опекунъ.

Въ опроверженіе этихъ словъ повѣренный обнителя Ковалевъ представилъ указъ опеки о назначеніи г. Умецкаго опекуномъ, копію съ росписки г-жи Вихардъ г-ну Умецкому, для представленія въ опеку, въ полученіи ею отъ него денегъ и № 52 Московскихъ Вѣдомостей, отъ 8 марта 1869 года, гдѣ напечатанъ вызовъ кредиторовъ и должниковъ родителей Умѣцкихъ; сверхъ того онъ сослался на показаніе г-жи Шеннигеръ, утверждающей, что Вихардъ утаила пальто Умецкаго для того, чтобы удержать у себя его сестру.

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, обѣ стороны рѣшились на мировую съ тѣми условіями, что производства по обоимъ дѣламъ окончательно прекращаются; вещи Олимп. Умецкой Вихардъ обязуется возвратить опекуну ея Умецкому; самъ-же Умецкій обязывается уплатить Вихардъ 250 руб., когда получитъ оправдательный приговоръ на съѣздѣ.

При подписаніи протокола и мировой г-жа Вихардъ находилась въ нервномъ состояніи, руки ея дрожали и она нѣсколько разъ обращалась къ записывавшимся это дѣло съ просьбою не печатать его.

40.

Дѣло о купцѣ Петрѣ Трофильевѣ Тудвасевѣ, обвинявшемся въ оскорбленіи словами и дѣйствіемъ квартальнаго надзирателя Степанова.

(Окружный Судъ.)

1869 года 26 августа въ купеческій клубъ пріѣхалъ купецъ Петръ Тудвасевъ и позволилъ себѣ производить разные безпорядки и наносить оскорбленія многимъ изъ членовъ этого клуба и постороннимъ посѣтителямъ. Для того чтобы унять Тудвасева былъ приглашенъ мѣстный квартальный надзиратель Степановъ. При составленіи акта о поступкахъ Тудвасева, онъ замахнулся на надзирателя подсвѣчникомъ и угрожалъ ему разбить голову; при томъ говорилъ, что вотъ-де одинъ дуракъ пишетъ, а стоящіе скоты будутъ подписывать и изъявлялъ желаніе всѣмъ имъ разбить физіономію, спрашивая надзирателя: не желаете-ли чтобы я началъ съ васъ.

Дѣло о Тудвасевѣ разбиралось въ засѣданіи московскаго окружнаго суда 27 марта 1870 года, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Свидѣтели все прописанные нами выше подтвердили, за исключеніемъ того обстоятельства, что Тудвасевъ замахивался на надзирателя подсвѣчникомъ; они показали, что онъ только держалъ въ рукахъ подсвѣчникъ и что оскорбительныя слова, произносимыя имъ относились не прямо къ квартальному надзирателю, а ко всѣмъ присутствовавшимъ.

Вслѣдствіи этихъ показаній товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія Тудвасева въ оскорбленіи надзирателя Степанова дѣйствіемъ, но обвинялъ его въ оскорбленіи Степанова словами, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей.

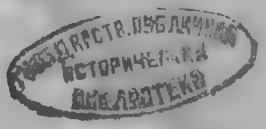
Подсудимый Тудвасевъ между прочимъ объяснилъ, что онъ ужиналъ въ клубѣ и къ его столу подошелъ г. Миллеръ, съ которымъ онъ часто встрѣчался въ одномъ семействѣ, гдѣ у него, Тудвасева, была невѣста, съ которою онъ уже былъ обрученъ; но свадьба по нѣкоторымъ обстоятельствамъ разстроилась и онъ, Тудвасевъ, пересталъ бывать въ этомъ семействѣ, а г. Миллеръ продолжалъ свои посѣщенія. Полагая, что онъ ищетъ мѣста поужинать, Тудвасевъ сказалъ ему: „не

угодно-ли-сѣсть со мною, Ѳедоръ Ѳедоровичъ"; но г. Миллеръ отвѣчалъ что онъ съ нимъ, Тудвасевымъ, больше незнакомъ. Эти слова заставили Тудвасева многое вспомнить и онъ, вспыхнувъ, сказалъ Миллеру: „Ну, такъ послѣ этого убирайтесь къ чертовой матери" и затѣмъ, вставъ со своего мѣста, ушелъ въ билліардную. Спустя нѣсколько минутъ къ нему подходитъ клубный слуга и проситъ его пожаловать въ контору клуба. Доигравъ партію на билліардѣ, Тудвасевъ отправился въ контору и на лѣстницѣ спросилъ: кто дежурный старшина; экономъ отвѣчалъ ему, что дежурнаго старшины нѣтъ въ клубѣ, и предложилъ ему отправляться домой. Тудвасевъ сказалъ, что домой не поѣдетъ и что пусть пошлютъ за старшиною или за полиціею; но экономъ настаивалъ на своемъ. Тогда Тудвасевъ сказалъ, экономy, чтобы онъ отошелъ отъ него, а то онъ плюнетъ ему въ лицо; экономъ отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ этого сдѣлать; онъ исполнилъ свою угрозу, но экономъ продолжалъ приставать къ нему, что онъ не имѣлъ права поступать такимъ образомъ, и Тудвасевъ плюнулъ ему въ лице въ другой разъ. Тутъ подошелъ къ нимъ одинъ изъ купцевъ-членовъ и обратясь къ Тудвасеву, сказалъ: „ты здѣсь не безобразничай!" Это въ конецъ взорвало Тудвасева.

васева и онъ наговорилъ ему много дерзостей. Пріѣхалъ затѣмъ и мѣстный надзиратель, которому Тудвасевъ передалъ всѣ обстоятельства, какъ происходило дѣло; но надзиратель, не обративъ вниманія на его объясненія, сталъ составлять актъ по словамъ членовъ, показанія которыхъ были вовсе не согласны съ дѣйствительностью. „Въ то время, когда надзиратель писалъ актъ — продолжалъ Тудвасевъ: ко мнѣ подошелъ статскій совѣтникъ Ѳ—въ. „Вы — говоритъ — не имѣете права дѣлать дерзости; вы должны извиниться“. Я отвѣчалъ ему, что не знаю его и прошу отойти отъ меня. — Нѣтъ, говоритъ, вы обязаны попросить прощенія. — Я говорю ему опять, чтобы онъ не приставалъ ко мнѣ а то плюху дамъ.— Дайте, — говоритъ дайте. — Я удивился его желанію получить плюху и спросилъ его въ полномъ-ли онъ разсудкѣ и есть-ли у него на плечахъ голова. — Нѣтъ, — говоритъ — у меня нѣтъ головы.—Тутъ я обратился къ квартальному надзирателю и просилъ его помѣстить въ актѣ, что у статскаго совѣтника Ѳ—ва, какъ онъ самъ сознается, нѣтъ головы.“ Затѣмъ Тудвасевъ, сказалъ, что подсвѣчникъ, можетъ быть, онъ и держалъ въ рукахъ, но ни на кого имъ не замахивался, что говорилъ дерзости окружавшимъ его

лицамъ, но не квартальному надзирателю, которому никакихъ оскорбленій ни дѣйствіями, ни словами не наносилъ.

Присяжные признали купца Тудвасева не виновнымъ.



3/

КОНТРОЛЬНЫЙ

14.11.03.